

Игорь Шматков

**КУЗНИЦА
КАДРОВ**

ПОВЕСТЬ

Витебск
2020

УДК 821.161.3-3
ББК 84(4Бен=Рус)6-44
Ш71

Официальный сайт автора: shmatkov.su

ОТ АВТОРА

Эти строки я посвящаю моим друзьям-однокашникам, с которыми учился в Московском пограничном училище с 1986 по 1990 год.

Приятно вспомнить те незабываемые моменты, которые пережили мы вместе: оттачивая строевой шаг на парадах, недосыпая в нарядах, поддерживая товарища на марш-бросках, отдавая последний глоток воды из фляги, покуривая последнюю сигарету, делая по две затяжки и растягивая её на всех.

Я искренне благодарен тем, кто помогал восстановить в памяти самые интересные события, положенные в основу сюжетов книги. Ведь прошло почти тридцать лет со дня выпуска.

Нужно вспомнить и тех, кого уже нет с нами. Хочется пожелать Вам, дорогие сослуживцы, уважаемые читатели, счастья, долгих лет жизни и пусть хранит Вас Господь. До скорой встречи!

Шматов, И.

Ш71 Кузница кадров : повесть / Игорь Шматов. —

ISBN

Предлагаемая читателям книга является повестью-воспоминанием о взрослении и становлении юношей — курсантов Московского пограничного училища.

Грустные и смешные, суровые и лирические повествования — реальные истории, слегка дополненные авторским вымыслом и лёгкой иронией, несомненно понравятся любителям литературы.

УДК 821.161.3-3
ББК 84(4Бен=Рус)6-44

ISBN

© Игорь Шматов, 2020
© Издатель

**Жизнь – Отечеству!
Верность – службе!
Честь – никому!**

НАЧАЛО НАЧАЛ

1

В мае 1986 года Егор Кусков заканчивал среднюю школу. Забот и волнений достаточно каждый день. Уроки, тренировки, контрольные, постоянное напоминание о предстоящих экзаменах...

В один из благодатных майских дней Егор прибежал домой из школы. Планов неуворот. Надо перекусить, сделать какие-нибудь уроки. Вечером тренировка. После шести уроков есть хотелось по-настоящему. Обеды в школе, конечно, вполне съедобные, но мама всё же готовит вкуснее. Привычно бросив сумку с книгами и тетрадками на тумбочку для телефона и даже не помыв руки, Егор отправился на кухню. Пошарил по кастрюлям. Отлично! Наваристый украинский борщ. Это подойдёт. А на второе?

— Опять котлеты с картошкой... Как надоели они, эти котлеты, — по привычке ворчал «голодающий» ученик. С удовольствием прикончил тарелку борща. К котлетам даже не притронулся. Хотелось чего-нибудь вкусенького.

— Ладно, полчаса отдохну, а потом надо братья за уроки. Учителя к концу года прямо рассви-

пели. Как будто соревнуются, кто больше придумает заданий. Впрочем, оно и понятно. Скоро выпускные экзамены, а там поступление в вуз.

Странные чувства и мысли рождались в сознании Егора, когда речь шла о дальнейшей учёбе. Родители убеждали: без подходящей перспективной специальности теперь никуда. Они считали, что будущая достойная профессия должна приносить почёт и уважение в обществе, материальную обеспеченность в будущем. Егор же мечтал поступить в военное училище, стать офицером. Его привлекала военная форма, он восхищался мужеством и героизмом людей военной профессии.

Отец с матерью не имели отношения к военному делу. Папа — Семён Иосифович — отслужил срочную службу в Казахстане и теперь работал инженером ЭВМ в банке. Мама — Римма Михайловна — занимала должность старшего диспетчера на оптовой базе.

На выбор Егором жизненного пути, связанного с военным делом, повлияли близкие друзья родителей. И Семён Иосифович, и Римма Михайловна были людьми общительными, имели много хороших знакомых и близких друзей. Особенно дружили они с двумя семейными парами — Касьяновыми и Бледненко. Евгений Петрович Касьянов и Валентин Филиппович Бледненко были офицерами военно-воздушных войск и служили в Витебской военно-транспортной дивизии. Облетели практически весь мир. Принимали участие в боевых действиях в других странах и имели государственные награды. Общение с этими известными людьми помогло Егору в выборе будущей профессии. Для него было ясно: он станет военным, офицером. Конечно, хотелось быть лётчиком. Небо манило его. Но строгие требования при поступлении в лётное училище, особенно, когда

речь шла о здоровье, останавливали многих. В лётном училище требовалось стопроцентное зрение, а у Егора один глаз видел чуть хуже другого. Таким образом, поступление в лётное училище исключалось.

В этот последний школьный год упорное желание стать офицером окрыляло Егора, подстёгивало к учёбе. Художественные фильмы и книги о подвигах, о службе на границе сыграли свою определённую роль в выборе профессии. Люди в зелёных фуражках охраняют границы, берегут мир и покой граждан своей страны. Первыми, если понадобится, примут бой, чтобы защитить родную землю. Эта служба почётна и овеяна романтикой подвигов. Поставив себе цель стать офицером-пограничником, Егор мечтал поступить в Московское военное пограничное училище. Иногда вечерами, лёжа в постели, он закрывал глаза и представлял себе, как идёт по улице родного города в форме курсанта-пограничника и все обращают на него внимание.

Неторопливо раскладывая учебники и тетрадки на столе, Егор услышал телефонный звонок и нехотя поднял трубку.

— Здравствуйте! Егора Семёновича можно услышать? — вежливо осведомились на другом конце провода.

Егор не сразу понял, кого хотят услышать. Кто такой Егор Семёнович? Наверно, ошиблись номером? А потом до него дошло, что обращаются к нему.

— Слушаю вас, — неуверенно ответил Егор и подумал, что его первый раз в жизни назвали по имени и отчеству.

— Вас беспокоит майор Юрий Петрович Никитин из комитета государственной безопасности. Я курирую ваше поступление в военное пограничное училище и проверяю необходимые для этого документы.

Мне надо с вами встретиться и обсудить некоторые вопросы. Если через час у парка Фрунзе на остановке? Подойдёт? — чётко прозвучал голос в трубке.

— Хорошо, я приду, — растерянно проговорил Егор, с трудом приходя в себя. И тут же возник вопрос:

— А как я вас узнаю?

— Не волнуйтесь. Я сам к вам подойду, — с лёгкой иронией ответили на том конце провода.

На этом разговор закончился. В голове Егора всё смешалось. Ему надо идти на встречу с работником КГБ. С ним будут проводить собеседование. А как вести себя? О чём будут спрашивать? Паника охватила моментально.

Посидев с телефонной трубкой в руках несколько минут, Егор начал размышлять, о чём пойдёт разговор и как надо вести себя. Вести себя следует естественно, как в обычной жизни. Отвечать на вопросы коротко и правдиво. Обманывать — исключено. Даже если вопрос коснётся вчерашней «двойки» по химии. Мол, случайно. Выучу и исправлю. В этой системе служат профессионалы. Если что не так, сразу раскусят. А не пройдёшь проверку — о поступлении придётся забыть. А может, посмотреть газету? Вдруг заинтересуются моей политической подкованностью?

От дома до парка Фрунзе недалеко: всего три троллейбусные остановки. Егор решил пройти пешком. Будет время подумать о предстоящем собеседовании.

На проспекте, как всегда, было шумно. Торопились куда-то прохожие. Весело смеялись девушки, стоящие на остановке троллейбуса. Тянулись в небо бело-розовые свечи каштанов. Их крупные разлапистые листья чуть шелестели от лёгкого ветерка. Егор ничего этого не видел и не слышал. Его волновала встреча с со-

трудником КГБ. Хотелось представить себе, о чём могут спросить. Ведь от этого разговора во многом зависит его будущее. Вспомнилось, как в начале третьей четверти на уроке русского языка классный руководитель написала на доске тему очередного сочинения «Какую профессию ты выберешь после окончания школы». Егор честно поведал, что собирается стать офицером-пограничником. Мечтает поступить в военное училище.

Когда на следующем уроке русского классный руководитель раздавала сочинения, она зачитывала и комментировала некоторые строки. Дошла очередь до сочинения Егора, и ему вдруг показалось, что в словах учителя прозвучало какое-то сомнение, недоверие. Получалось, что классный руководитель не верит в своего ученика. Не верит в мечту Егора. Он тогда крепко и надолго обиделся.

А что если и тут возникнет какое-то сомнение? Что если и эта беседа окончится не в пользу Егора?

Впрочем, в будущем, через 25 лет, когда выпускники 1986 года соберутся на очередной вечер встречи, инцидент с сочинением разъяснится. Классный руководитель признается Егору, что в те школьные годы она не представляла этого милого, доброго мальчика военным, да ещё пограничником. По её тогдашнему мнению, десятикласснику Егору Кускову не хватало твёрдости характера, жёсткости в поступках и поведении. В её представлении Егор был воспитанным, доброжелательным, может быть, чуточку изнеженным мальчиком. Другие её ученики, отчаянные, решительные, порой бесшабашные, которые тоже готовились поступать в военные училища, — как ей казалось, больше отвечали требованиям профессии военного человека. Но этот разговор состоится через 25 лет. А теперь Егор шёл по проспекту Фрунзе

к парку с одноимённым названием на встречу с человеком, от которого во многом зависело его будущее.

На троллейбусной остановке, где была назначена встреча, Егор не заметил никого, хоть отдалённо похожего на сотрудника спецслужб. Осмотревшись вокруг, он рассеянно уткнулся в объявления на фонарном столбе. Но не успел он дочитать первое из объявлений, как услышал за спиной:

— Здравствуйте, Егор Семёнович!

Обернувшись, Егор увидел перед собой обыкновенного мужчину приятной наружности, одетого в строгий тёмный костюм.

— Здравствуйте! — робко отозвался юноша.

— Давайте пройдем в парк. Там не столь многолюдно. Можно спокойно поговорить, — предложил загадочный собеседник. Егор молча кивнул. Присев на скамейку у фонтана, сотрудник спецслужб начал разговор.

— Прежде всего разрешите представиться: Никитин Юрий Петрович, комитет государственной безопасности СССР, — с достоинством отрекомендовался он и показал удостоверение. — Я курирую ваше поступление в военное пограничное училище. Так как это училище относится к ведению КГБ СССР, мне поручено провести специальную проверку в отношении лиц, желающих поступить в данное училище. Этим я и занимаюсь сейчас с вами. Расскажите поподробнее о себе. Мне важно знать всё.

Егор на минуту задумался. О чём говорить? О родителях? О себе? Об учёбе? О спортивных достижениях? Юрий Петрович помогал вопросам. Беседа длилась долго. Касались они разных тем. Но один вопрос особенно смутил Егора: «Вы крещённый? Как относитесь к религии?»

Егор на минуту замешкался. Как ответить? Рассказать всё правдиво? Но ведь мама тогда — давно — предупреждала: никому, даже лучшим друзьям. Ответить отрицательно, то есть соврать? Но нет, обманывать нельзя.

И вспомнилось Егору, как в раннем детстве — ему тогда было года четыре — мама привезла его в деревню, откуда была родом. Там жили дедушка, бабушка и многие родственники. Вечером к ним заехал дядя Женья, троюродный брат мамы. Приехал он на коне, запряжённом в телегу. Взрослые что-то долго обсуждали, даже спорили между собой. Потом дядя Женья посадил Егора в телегу на душистое сено. Рядом села мама. На выезде из деревни подсела тётя Нина, жена маминого брата. В соседней деревне взяли в телегу какого-то дедушку с большой бородой.

У высокого каменного здания дядя Женья остановил коня. Наверху этого здания возвышался крест. Дедушка зажёл много свечей, что-то говорил и пел. Егору это было неинтересно. Он рассматривал картины на стенах. Ему показалось, что люди на картинах недобро смотрят на него. Стало страшно, и он прижался к дяде Жене. Потом Егору дали попробовать сладкой воды и надели на шею жёлтенький крестик. Обратную дорогу он не помнил. Уснул.

Утром его разбудила мама и сказала, что вчера они ездили в церковь, где его, Егора, крестили. Теперь у него есть ангел-хранитель, и он, Егор, находится под Божьей защитой. Мама попросила никому об этом не рассказывать. Даже лучшим друзьям. Показала жёлтенький крестик, который ему подарил дедушка с бородой. Рассказать об этом? Но ведь мама просила никому не говорить! Но врать нельзя. И Егор начал рассказывать.

— Вы не поняли вопроса? — сказал майор Никитин, прервав воспоминания Егора. — Коротко отвечайте.

— Если коротко: к церкви отношусь нейтрально. Я крещёный. Крестили в деревне, когда мне было года четыре.

Егору стало страшно. Он раскрыл мамин секрет. Теперь его поступление в училище под большим вопросом. Он не наденет желанную форму курсанта-пограничника. Повисла томительная тишина. Юрий Петрович внимательно смотрел на Егора. Потом, как бы в раздумье, произнёс:

— Это хорошо, что ты рассказал всё правдиво. Мама твоя поступила правильно, что окрестила тебя. Для неё это важно. И для других родственников тоже. И своё решение принять им было нелегко. Сейчас не то время, не то отношение к церкви, которое должно быть. Это твой секрет и мамин. И храни его, не рассказывай никому. Тут мама права. Придёт время, когда об этом можно и нужно будет говорить. А я твой секрет тоже сохраню в тайне. Но и ты должен пообещать мне, что будешь молчать.

Потом майор Никитин сообщил Егору, что на следующей неделе надо начинать проходить медицинскую комиссию в ведомственной поликлинике. Все данные там уже есть. Пообещал попозже познакомить с двумя молодыми ребятами, которые тоже собираются поступать в пограничное училище.

Пожимая на прощание Егору руку, Юрий Петрович пожелал успешно сдать выпускные экзамены и готовиться к поступлению.

И в конце добавил: «Как ты, Егор Семёнович, понимаешь, о нашем с тобой разговоре не надо никому рассказывать, даже родителям».

Домой Егор шёл пешком. Шёл медленно. Было о чём подумать. Кажется, всё складывается удачно. Теперь надо серьёзно готовиться к экзаменам. Нельзя подвести такого человека.

Встреча эта вдохновила Егора, и он стал усердно готовиться к экзаменам.

Физическая подготовка при поступлении в училище тоже имела существенное значение.

За лёгкую атлетику, подтягивание он не переживал. А вот плавание было под вопросом. Егор неплохо плавал. Но уложиться в норматив по времени часто не получалось. Его друг и одноклассник Серёга Козловский имел разряд по плаванию и взялся тренировать Егора. Два раза в неделю они бежали на Западную Двину и на скорость пытались переплыть реку. Сергей учил друга технике плавания и страховал его. В один из обычных заплывов судорога вдруг схватила правую ногу Егора. Страх нахлынул внезапно.

— Серёга, помоги, — крикнул Егор. Ему показалось, что он не выплывет.

Серёга тут же оказался рядом и начал давать советы:

— Плыви на одних руках. Ноги расслабь. Восстанови дыхание. Я рядом с тобой. Держись, не сдавайся. Представь, что ты преследуешь врага.

Егор потихоньку успокоился, и судорога отпустила...

Время летело быстро. Егор успешно прошёл медицинскую комиссию, и на медицинской карточке появился штамп: «Годен к поступлению». За неделю до выпускных экзаменов в школе позвонил Юрий Петрович и предупредил Егора, что завтра в 14 часов он должен быть в Управлении КГБ.

В назначенное время Егор стоял перед величественным зданием с жёлтыми колоннами и табличкой у двери: «Управление комитета государственной безопасности». История утверждает, что во время войны с французами в 1812 году здесь останавливался сам Бонапарт Наполеон, император Франции.

На контрольном пункте Егора встретил прапорщик и направил в комнату для посетителей. Там будущий пограничник увидел двух молодых ребят.

— Наверно, тоже поступают в училище?

Егор подошёл ближе и представился.

— Андрей. Сергей, — поочерёдно назвали себя ребята и искренне ответили на мужское рукопожатие.

Это было первое знакомство молодых людей, земляков, мечтающих стать офицерами-пограничниками. Через минуту пришёл и сам Юрий Петрович.

— Как я понял, вы уже познакомились, — заметил он. Вы все трое прошли специальную проверку, медицинскую комиссию и едете поступать в Московское военное пограничное училище. Советую больше общаться друг с другом, покрепче подружиться. Двадцать седьмого июня вы должны быть в Москве по данному адресу. Все документы мы перешлём сами.

Радости не было предела. Им был дан шанс на поступление в учебное заведение специального назначения.

Наступил день отъезда в Москву. Семён Иосифович и Римма Михайловна с друзьями Касьяновыми и Бледненко провожали Егора на вокзале. Все говорили добрые напутственные слова.

На перроне Егор встретил Андрея и Сергея. Когда поезд тронулся, Егор увидел гордый взгляд отца и слёзы матери, скатывающиеся по её щекам. У буду-

щего пограничника промелькнула мысль, что начинается новый этап в его жизни.

Рано утром поезд по расписанию прибыл в Москву. Андрей, как старший по возрасту, знал, как добраться до училища.

Пройдя контрольно-пропускной пункт, Егор увидел большие буквы на фасаде здания: «Московское высшее военное пограничное ордена Октябрьской революции Краснознамённое училище КГБ СССР имени Моссовета».

Прочитав несколько раз эту надпись, Егор мысленно поклялся: «Я хочу и буду здесь учиться. Приложу все усилия. Хочу, чтобы мои родители гордились мной. Ведь есть такая профессия — защищать Родину».

АБИТУРА

2

На контрольно-пропускном пункте Егора и его друзей встретил сержант-пограничник в парадной форме и со штыком-ножом на ремне. Преградив дорогу будущим абитуриентам, он холодно спросил:

— А вы, молодые люди, куда следуете?

— Мы приехали из Белоруссии поступать в училище, — быстро сказал Егор.

Сержант сверху вниз важно окинул взглядом потенциальных курсантов, проверил паспорта и с достоинством приказал:

— Следуйте за мной.

Так трое витебских парней вступили на территорию военного пограничного училища. Егору показалось, что он попал в иной мир. Там, где они были несколько минут тому назад, — метро, толпы людей, шум, огромный поток машин, — а тут странная тишина. Впереди асфальтированная дорожка. По краям высокие, почти трёхметровые ели, клумбы с цветами. Впереди ребята увидели памятник В.И. Ленину, а напротив величественное здание с мраморными колоннами. Табличка на стене сообщала: «Клуб».

— Давайте быстрее! Вот поступите, тогда и будете разглядывать. А пока шире шаг! — скомандовал сержант.

С аллеи свернули к одноэтажному зданию. Это был спортивный зал. Войдя в преддверие зала, ребята оторопели. Комната при входе в зал была полна народу. Там толпились такие же, как и они, поступающие. Яблоку негде было упасть. Хоть окна были открыты настежь, в помещении стояла невыносимая духота. Выходить на улицу запрещалось. Все шумели и пытались протиснуться вперёд, чтобы заглянуть в следующую дверь, у которой стоял солдат и пропускал туда строго по очереди. Покорившиеся здешним порядкам, Егор, Андрей и Сергей стали в очередь и начали терпеливо ждать.

Примерно через пару часов они оказались у двери. Солдат разрешил войти в следующее помещение. Это уже был настоящий спортзал, уставленный столами, за которыми сидели офицеры и проверяли документы у вновь прибывших.

Офицер внимательно просмотрел документы Егора и доброжелательно спросил:

— А ты откуда будешь, сынок?

Егор привычно ответил, что он из Витебска. И добавил:

— Есть такой город в Белоруссии.

— Знаю. Я служил в Бресте. А в Витебске был только проездом, — задумчиво вспомнил офицер и, как бы размышляя, произнёс:

— Решил стать офицером-пограничником? Это правильно. Родину защищать — святое дело. Что ж, удачи тебе.

— Спасибо, — бодро ответил Егор и поспешил в следующее помещение.

Время близилось к обеду. Вновь прибывших абитуриентов собрали в команду по десять человек и под контролем сержантов повели в курсантскую столовую. Егор, Андрей и Сергей старались держаться вместе. В столовой их накормили солдатским пайком.

Первое, что поразило Егора, — это металлическая посуда. Из столовых приборов только ложки. А где же вилки? Вилки не было и в помине. Солдатская еда тоже не произвела впечатления. Вернее впечатление было, но довольно-таки отрицательное. Суп, перловая каша, компот... Егор ложкой поковырял кашу. Вспомнил мамины котлеты, от которых когда-то отворачивал нос. Выпил только компот. К остальному не притронулся.

После обеда всех посадили в машины и повезли в пункт сбора. Это оказалось где-то в Подмосковье. Ехали около двух часов. В пункте сбора провели информационно-разъяснительную беседу: что можно и чего нельзя делать на сборах. Дежурный офицер рассказал о правилах поведения, представил командиров отделений и ещё раз напомнил: главное — это дисциплина и порядок.

Егор, Андрей и Сергей попали в одно отделение. В каждом отделении было по десять человек. Командиром их отделения назначили курсанта Вадима Плаксия. Украинский парень, крепкого сложения, закончил у себя на родине сельскую школу. Был призван в армию и попал в пограничные войска. Служил на контрольно-пропускном пункте «Шереметьево». Служба понравилась, и Вадим решил связать свою судьбу с армией, а именно — стать офицером-пограничником.

После армии успешно сдал экзамены и поступил в училище. И теперь вот его назначили командиром отделения на абитуриентских сборах.

Гордый оказанным доверием, Вадим сразу приступил к выполнению функции командира — пусть малого, но подчинённого ему подразделения.

— Уважаемые абитуриенты, — начал он свою речь и тут же повторил уже сказанные офицером слова, что главное — дисциплина и порядок, что за любой проступок, за любое нарушение дисциплины идёт немедленное отчисление со сборов. Далее Вадим Плаксий подчеркнул, что поскольку парни приехали поступать в военное училище, здесь все действия осуществляются только по команде и с разрешения командира.

— Привыкайте, если хотите стать в будущем офицерами, — закончил он свою короткую речь. И тут же скомандовал:

— Направо. За мной. Шагом марш!

Отделение, не торопясь, развернулось направо и последовало за командиром. Остановились у палаточного городка. Командир показал место для ночлега. Палатка представляла собой настил из досок с натянутым сверху брезентом. Вмещала палатка как раз де-

сять человек. Всем выдали подушки и одеяла. Взглянув на эти спальные принадлежности, Егор с грустью вспомнил свою кровать с мягкой подушкой и тёплым одеялом, заботливо приготовленную мамой.

Дальше стало ещё грустнее. Последовали новые распоряжения командира Вадима Плаксия:

— Через тридцать минут идём на ужин. Потом у вас час личного времени, вечерняя поверка и в десять часов отбой. После отбоя выходить из палатки запрещено, кроме как в туалет. С разрешения командира. Иначе расценивается как самоволка. И отчисление со сборов.

Дальше последовала новая команда:

— Все вещи приготовить к досмотру. Всё питание, которое привезли из дома, сдать.

Отделение стояло молча и слушало приказы командира, которые звучали один за другим. Каждый, наверно, думал о чём-то своём, но мысленно скорей

всего все задавали один и тот же вопрос: «Куда это я попал?»

Ужин был не лучше обеда. Размазав гречневую кашу по тарелке, Егор выпил стакан чаю и съел кусочек хлеба. Ребята сидели молча и делали вид, что что-то жуют.

После ужина, когда наступил час личного времени, к Егору подошёл деловой, энергичный парень, под два метра ростом, и попросил закурить.

— Не курю, — равнодушно ответил Егор.

— Жаль, — посочувствовал парень. Наверно, он подумал, что только куревом и можно успокоить душу в данной ситуации.

Они познакомились поближе. Парень сказал, что он родом из Смоленска, звать его Кирилл.

— А я из Витебска. Мы с тобой почти земляки, — обрадовался Егор. Они крепко пожали друг другу руки. Это первое знакомство переросло в будущем в крепкую дружбу, и дружеские отношения сохранились на всю жизнь.

Так начиналось абитуриентское, курсантское, офицерское братство.

Ночь в палатке походила на ночь ужасов. Спать абсолютно не хотелось. Какой сон, если всего десять часов. Вытянуться или повернуться было невозможно. Палатка рассчитана на десять человек, и только десять она вмещала. Лежали, прижавшись друг к другу «как селёдки в бочке». Кто-то всё-таки умудрился захрапеть. Только под утро Егору удалось сомкнуть глаза.

В шесть утра отделение разбудил громогласный приказ сержанта:

— Отделение, подъём! На зарядку становись!

Невыспавшиеся, голодные, молодые люди нехотя выползали из своего ночного логова.

— Подниматься нужно быстро. На первый раз прощаю, а потом будем долго и упорно тренироваться, пока не научимся, — строго предупреждал Вадим Плаксий. И уже суровым голосом командира приказал:

— За мной! Бегом марш!

Отделение уныло двинулось к стадиону. Далее утренний туалет, завтрак. Абитуриентов строем привели в солдатскую столовую. За сутки проголодавшись, Егор впервые попробовал ложку пшённой каши. И что-то чуть-чуть проглотил.

А какой завтрак всегда готовила мама! А если отца не было, приносила даже в постель. Пусть ребёнок подольше поспит.

Но тут распорядок был чёткий и строгий, и нарушать его не полагалось.

Абитуриентов ознакомили с расписанием сдачи экзаменов и направили в классы на самоподготовку. В классе Андрей и Сергей сели за одну парту, Егор с Кириллом — за другую. Началось повторение материала к экзаменам.

Первым экзаменом была физическая подготовка. Абитуриенты бежали кросс три километра. Стометровку сдавали на время. Далее шли подтягивание, бросок гранаты.

Егор с Кириллом сдавали физподготовку друг за другом. Бег на сто метров друзья сдали очень удачно, с хорошим результатом по времени. Офицер, принимавший экзамен, уточнил их фамилии и что-то пометил в журнале.

Первый экзамен был серьёзным испытанием для многих. Не повезло Сергею, другу Егора, с которым они

приехали из Витебска. Во время кросса на три километра Сергей споткнулся, упал и сильно ушиб ногу. Пришлось сойти с дистанции. В итоге за экзамен — «два».

После экзамена по физической подготовке в отделении Плаксия стало на два человека меньше. А в целом около пятидесяти ребят поехали домой.

Следующим испытанием была медицинская комиссия. Абитуриентов небольшими группами возили в Москву. В медицинской части на территории училища происходила настоящая экзекуция. Строгие и принципиальные врачи тщательно осматривали каждого претендента. Если им что-то не нравилось, отправляли на повторный осмотр, к новому специалисту.

За пару ночей в солдатской палатке на сборах Егор умудрился слегка простыть. Следствием стал лёгкий насморк. Опытные абитуриенты посоветовали ему перед тем, как идти к лор-врачу, закапать капли. «Всё пройдёт, и врач не заметит», — уверяли друзья. Но не тут-то было. Отправили на рентген. Боялись гайморита. Снимок показал: гайморита нет. Всё нормально. Хотя пришлось изрядно понервничать.

Медицинская комиссия тоже сократила ряды будущих курсантов. В палатке ночевали уже шесть абитуриентов из десяти.

Дни на сборах летели быстро. С такой же скоростью уменьшалось количество претендентов на право надеть курсантские погоны. На математике неудачно ответил Андрей и тоже покинул пункт сбора.

В день последнего экзамена в отделении Плаксия было всего пять абитуриентов. Среди них Егор и Кирилл. Так пролетели три недели поступления.

Ребята, которые успешно сдали экзамены, ждали приказа о зачислении в военное училище.

Всех абитуриентов, которые успешно сдали экзамены, рано утром посадили в военные автомобили ЗИЛ-130 и отправили в Москву. В одной из машин ехали сержант Плакий, Кирилл и Егор. По дороге разные мысли приходили на ум. Что будет дальше? Внутреннее чувство подсказывало Егору, что многое изменится в его жизни. Доставив в военное училище будущих курсантов, их строем повели к месту будущего расположения. Поднялись на второй этаж в казарменное помещение. Там всем выдали курсантскую форму, кирзовые сапоги и подстригли «налысо». Посмотрев на себя в зеркало, Егор грустно подумал, что расчёска ему теперь понадобится не скоро. Отряхнув с плеч не только остриженные волосы, но и гражданскую жизнь, он надел военную форму с курсантскими погонами.

С кирзовыми сапогами было посложнее. Наматывать портянки получилось не сразу. Дома были носки, постиранные мамой. Надевались они проще и быстрее. А тут всё не так-то просто. Глядя на грустное зрелище надевания курсантами сапог, сержанты пообещали организовать мастер-класс по накручиванию портянок. Тренировка эта продолжалась несколько дней. Каждый раз по два часа.

Многое в училище сразу не понравилось Егору. Во-первых, все его действия и поступки должны осуществляться только с разрешения офицера или сержантского состава. Даже чтобы посетить туалет после отбоя, надо спрашивать разрешения. Во-вторых,

встретив старшего по званию, прикладывать руку к головному убору, что означало военное приветствие. И не просто рукой взмахнуть, а выпрямиться, поднять подбородок и чётко поднести руку к голове. А в-третьих, все передвижения совершаются только строем. В колонне надо идти чётко друг за другом, строго держа строй.

Если колонна передвигается не строевым шагом, то курсанты почти всегда переходят на бег. Кончилась домашняя вольница, где каждый делал что хотел, и, к счастью, родители этому не препятствовали.

Первое впечатление о курсантской жизни насторожило не только Егора. После занятий поступила команда всем спускаться на плац на построение. И не просто спускаться, а бежать в быстром темпе. Сержанты чётко отслеживали эту процедуру. На плацу курсантов начали распределять по взводам. В каждом взводе по тридцать человек. Егор на минуту замешкался. Получилась какая-то суeta. И тут он услышал знакомый голос Кирилла:

— Егор, земляк, — давай быстрее сюда, становись за мной.

Егор среагировал моментально, протиснулся через толпу курсантов и встал рядом с Кириллом.

— Ты глазами не моргай, — наставительно сказал Кирилл. — Нам нужно держаться вместе. Знаю, что есть толковый командир взвода — Серёга Виноградов. Я с ним познакомился ещё на абитуриентских сборах, когда дежурил в столовой. Короче, делай, как я. Ты слушаешь меня, братан?

Егор плохо понимал, что происходит вокруг, но решил довериться своему смоленскому приятелю

и ждать, что будет дальше. Тот одобрительно кивнул головой.

Когда распределение курсантов по взводам было закончено, всех их чётко расставили по ротам, и таким образом был установлен военный порядок. На плацу стояли три курсантские роты, в каждую роту входило по три взвода. А взвод включал в себя три отделения. Егор и Кирилл попали по распределению в шестую роту, второй взвод и второе отделение.

Егор стоял в строю и оглядывался вокруг. Перед строем виднелось длинное пятиэтажное здание с прилегающей столовой. Справа — двухэтажная постройка жёлтого цвета. Потом выяснилось, что это была библиотека. Между плацами и постройками росли небольшие ели.

Очень хотелось поделиться впечатлениями, завести разговор с ребятами, которые стояли рядом, познакомиться с кем-нибудь поближе. Но была дана чёткая команда: «Разговоры в строю отставить!» Курсанты только удивлёнными взглядами обменялись друг с другом.

Размышления Егора прервал громкий командный голос офицера. Перед курсантами начал свою речь командир курса подполковник Малий. Он поздравил всех с поступлением в высшее военное пограничное училище, представил офицеров, которые будут возглавлять подразделения. Всё происходило в праздничной торжественной обстановке.

Именно так началась армейская жизнь курсанта Егора Кускова.

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДНЕЙ В УЧИЛИЩЕ

4

— Егорушка, сынок, просыпайся. Пора вставать, — ласковый голос мамы так нежно будил его всегда.

— Ещё чуть-чуть посплю, — капризно отвечал сын.

Эти сладостные минуты сна прервал громкий голос заместителя командира взвода старшего сержанта Удовиченко:

— Взвод, подъём! Форма одежды — голый торс!

Слова Удовиченко подхватили командиры отделений Савицкий, Виноградов, Кожин. Каждый адресовал свою команду конкретному отделению.

Курсанты, услышав команду «Подъём!», вскакивали с постелей и, на ходу одеваясь, бежали к месту построения.

Построив свои отделения в коридоре, командиры проверяли «наличие личного состава», иными словами, пересчитывали своих подчинённых. По два человека из каждого отделения были озадачены работой по уборке территории. Далее взвод выдвинулся на улицу для общего построения. Проведя строевые формальности и доложив по команде ответственному офицеру, сержанты повели курсантов на утреннюю физическую подготовку.

Она хоть и длилась по времени тридцать минут, но давала солидный заряд бодрости каждому. Начиналась зарядка обычно с небольшой пробежки — два-три круга по стадиону. Далее под контролем сержантов выполнялся комплекс упражнений для размин-

ки мышц тела. А в конце — отжимание на брусьях и подтягивание на перекладине. Сон после таких упражнений улетучивался моментально.

После утренней физзарядки курсанты возвращались в спальные помещения, заправляли кровати, занимались утренним туалетом. Времени на всё про всё отводилось немного. Надо успеть умыться, одеться, подшить свежий подворотничок (если не успел это сделать вечером), почистить сапоги и надраить до блеска бляху на ремне. И всё это в течение двадцати минут.

Контроль над будущими офицерами присутствовал всегда и, надо сказать, контроль строгий.

После утреннего туалета и наведения порядка в спальном помещении проводился серьёзный осмотр внешнего вида каждого курсанта и закреплённой за отделением территории. Командир отделения тщательно осматривал каждого. Одежда должна быть опрятной, свежий подворотничок аккуратно подшит, сапоги начищены. В карманах — ничего лишнего. Лишь документы и носовой платок. У каждого курсанта под ободком фуражки крепились две иголки с втянутыми нитками — белой и чёрной. Это на случай, если произойдёт непредвиденная ситуация с одеждой.

Проверив внешний вид, командиры докладывали результат ответственному офицеру, и взвод строем выдвигался в столовую на завтрак.

В столовой было два этажа. На первом питались старшие курсы, на втором — младшие. Времени на завтрак отводилось немного. Успел съесть кашу с мясом и выпить кружку чаю — хорошо. Не успел — твои проблемы, ходи голодный.

Заканчивался завтрак, и старшина роты подавал команду:

— Рота! Закончить приём пищи. Выходи строиться!

Все вставали, и команда выполнялась моментально. В девять часов начинались занятия. По учебному плану они были различными. Прежде всего знакомство с Уставом Вооружённых Сил СССР. Часть статей Устава курсант обязан был знать наизусть.

Серьёзное внимание уделялось изучению материальной части боевого оружия. Вот как говорил командир взвода капитан Жмурко:

— Разбудят ночью — ты должен изложить всё о материальной части доверенного тебе оружия и с закрытыми глазами разобрать и собрать автомат.

Особое внимание уделялось политической грамотности курсанта, умению ориентироваться в событиях, происходивших в стране и на мировой арене. Тут офицеры политического отдела спрашивали самым серьёзным образом.

Ну и, само собой, неизменная строевая подготовка. Ходить строем, приветствовать старшего по званию, выработать навыки держать военную выправку — всё это постоянно отрабатывалось на плацу.

Время незаметно двигалось к полудню. Приближался час обеда. Перед обедом обязательное условие — привести себя в порядок: вымыть руки, почистить сапоги. Обувь должна быть всегда в безупречном состоянии.

Далее личный состав выдвигался к месту приёма пищи. После обеда тридцать минут свободного времени, то есть «полчаса счастья». Можно присесть на табуретку, заняться чем-то своим, личным. Или просто помечтать. А далее — снова занятия и самоподготовка в учебном классе.

Вечером ужин и свободное время. Можно подшить чистый подворотничок, написать письмо домой или просто снять сапоги и походить в тапочках. В 21-00 обязательный просмотр программы «Время». Взвод усаживался у телевизора, и все коллективно смотрели итоговую передачу дня. Курсанты обязаны знать, чем живёт страна, что происходит в мире. Гордиться своей Родиной, границы которой они готовятся защищать.

Перед сном обязательная вечерняя коллективная прогулка. Первокурсники старательно чеканят шаг на плацу и поют бодрую строевую песню. У второго взвода шестой роты была своя песня, которая так и называлась — «Пограничная»:

А на плечах у нас зелёные погоны,
И мы с тобой, дружок, опять идём в наряд,
У пограничников особые законы:
Нельзя нам спать, пока другие люди спят...

После прогулки вечерняя поверка и отбой. Одна из самых приятных команд у курсантов — «Отбой!». Когда после напряжённого дня ложишься в постель и, едва успев коснуться головой подушки, моментально проваливаешься в сон — нет ничего благодатнее на свете. Отдыхаешь. Спишь. До следующей утренней команды «Подъём!».

Так почти всегда проходил каждый день курсантов-первокурсников. Вплоть до выезда в полевой учебный центр — ПУЦ.

Они пока ещё не представляли, что ждёт их там. Какие испытания готовит им судьба... И как много всего придётся пережить.

ПЕРЕЕЗД

5

О дне выезда в полевой учебный центр знали все: офицеры, курсанты, сержанты. На курсе шла подготовка к первому совместному передвижению из училища в полевой центр. Из общения со старшекурсниками новички ничего приятного не извлекли. Почти все старшие курсанты в один голос утверждали, что если прошёл курс молодого бойца в специальном центре и не сдали нервы, то будешь учиться дальше. Но лёгкой жизни не жди.

Наступил день выезда. После завтрака второй батальон был построен на плацу с оружием и полным снаряжением. Офицеры получали последние инструкции о передвижении личного состава и мерах безопасности.

Начальник курса полковник Малий, приняв доклад от командиров рот о готовности к выезду, приказал грузиться в автомобили. Для каждого взвода была предназначена армейская машина ЗИЛ-130.

Примерно через полчаса колонна из десяти «зилов» с машиной военной автомобильной инспекции впереди, с включёнными проблесковыми маячками двинулась на один из московских железнодорожных вокзалов.

На вокзале курсанты по команде организованно выгрузились и строем двинулись к электричке. Дорога предстояла неблизкая. Сначала на одной электричке часа три, затем пересадка — и столько же на другой. Дальше на машинах. И вот второй батальон прибыл в полевой учебный центр, или ПУЦ.

Территория, где должен разместиться первый курс, ограждена невысоким забором. Выходить за территорию строго запрещено. Вплоть до получения взыскания и даже отчисления. Все передвижения по центру должны осуществляться только строем и с сержантом во главе.

Первокурсников накормили, и все принялись обживать новое место пребывания. Первым делом сдали оружие под охрану и организовали круглосуточное дежурство. С размещением самого личного состава было чуть проблематичнее.

Каждому взводу предназначалась отдельная казарма. Выглядело спальное помещение примитивно. Небольшой одноэтажный летний домик с деревянным полом и стеклянной дверью. Щели были повсюду, и ветер гулял, где хотел. Металлические кровати в два яруса плотно стояли друг возле друга. Их разделяли тумбочки и табуретки. Подойти к своему спальному месту можно было только в свободное время или после отбоя. В остальное время помещение тщательно вымыто, кровати заправлены, шинели аккуратно, по одной линии, висели на вешалках сбоку. Со всем этим было строго.

Курсантам-первокурсникам предстояло прожить здесь два месяца — до принятия присяги на верность Родине. И эти шестьдесят дней оказались не лёгкими. Кто-то и здесь не выдержал и «сошёл с дистанции». А в целом это был первый, самый серьёзный экзамен на выносливость, на выдержку, на армейскую смекалку.

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

6

Каждый курсант вспоминает с содроганием курс молодого бойца, «ПУЦ» под Ярославлем. Молодых ребят, только что простившихся со школьной скамьёй, переодели в военную форму, обули в кирзовые сапоги и налысо подстригли. Жизнь полностью принадлежала теперь отцам-командирам. Офицерам предстояло лепить из юнцов настоящих мужчин. По прибытии в полевой учебный центр КГБ СССР курсантам-первокурсникам предстояло выдержать примерно два месяца, до середины сентября, испытания на прочность. 14 сентября торжественное принятие присяги на верность родине. Но до этого дня нужно ещё дожить. Именно в этот период проходил процесс физического, психического и морального давления: если выдержал и не сломался — будешь учиться, а если поплыл и расклеился, то отправляйся домой. Ни за кого здесь не просили и не ходатайствовали. Каждый должен был сам показать, на что способен. Это было крайне сложно даже тем курсантам, кто поступал после армии, не говоря уже о тех, кто пришёл со школьной скамьи.

После размещения подразделений повзводно началась суровая уставная армейская жизнь.

6:00 утра. Звучит горн.

— Батальон, подъём! — прокричал команду дневальный.

Из всех помещений доносятся команды.

— Взвод, подъём! Форма одежда — голый торс! Выходи строиться!

Проверив личный состав, сержанты доложили ответственному офицеру. Несколько человек на уборку территории, а остальные на физзарядку.

У каждого подразделения свой маршрут. Четвёртая рота бежит вдоль озера, пятая — на стадион, а шестая — на стрельбище.

Наша утренняя дистанция пролегла по полевой дороге до стрельбища и обратно. Грунтовая полоса перекатывалась с одного холма на другой. Бежали строем, впереди первый взвод, потом второй и замыкал третий. Выйти из строя никто не имел права, ведь подразделение — единое целое, как постоянно твердил старшина.

После пробежки расстояния примерно в километр начинался комплекс тренировок. Стремилась выполнять его синхронно. Были упражнения, которые, как говорили командиры, укрепляют коллектив. Например, стоящий сзади брал за ноги впереди стоящего и метров двадцать первый шёл на руках. После они менялись местами. Были упражнения, как их называли курсанты, «казаки-разбойники». Один садился на спину другому, и тот, как раненого бойца, нёс его сто метров, потом наоборот. Любимое упражнение старшины роты в конце пробежки — гусиный шаг. Вся рота движется гусиным шагом в горку. В конце концов потные и взмыленные курсанты прибегали в расположение. Мылись холодной водой из местного водопровода. О горячей воде даже и не мечтали. Приведя себя в порядок, строились на утренний осмотр. Каждое утро командир отделения досконально проверял внешний вид подчинённых: подшитые свежие воротнички, содержимое карманов, сияние бляхи на ремне, чистоту сапог.

Большинство курсантов — молодые ребята, сразу после школы. Кто-то уже брился, а кто-то ещё

и не начинал. Мягкий пушок на щеках ещё не походил на мужскую щетину, но уже был заметен на лице. Курсант должен выглядеть безукоризненно, ведь он — будущий офицер. В один из таких дней командир отделения сержант Виноградов, осмотрев подчинённых, сказал:

— Запомните этот день, курсант Кусков. С сегодняшнего дня вам придётся бриться. После обеда купите бритвенный станок и осторожно побрейте лицо.

Егор так и сделал. Правда, первый опыт бритья оказался не совсем удачным. Три пореза на щеке и на шее виднелись издали.

— Опыт дело наживное, — успокаивали друзья.

Жизнь на ПУЦе была расписана по минутам, и командиры чётко отслеживали эти минуты. Если где-то со временем затянули, то приходилось урезать и следующую операцию. Сказывалось это даже во время принятия пищи. Никого не интересовало, успел ты поесть или нет. Время вышло — значит строгая команда:

— Приём пищи закончить, рота встать.

Все поднимались, даже если ты и не успел поесть.

А есть в эти дни хотелось постоянно. Суп и любая каша улетали с тарелки моментально. Сладкий чай с булкой и маслом — это отдушина. Их просто хотелось посмаковать. Но время не позволяло.

Многие мечты были наивными до смешного: в увольнении или в отпуске купить целый батон свежего белого хлеба, килограмм масла и съесть сразу с горячим сладким чаем. Выносить пищу из столовой было запрещено. Командиры проверяли карманы. Спрятанный кусочек хлеба мог отозваться нарядом вне очереди. Такие вот были правила.

После завтрака — учебные занятия. У каждого взвода — по своему отдельному расписанию. Одним

из важнейших занятий были показательные стрельбы. Стрелять требовалось из всех видов оружия, которое находилось на вооружении у пограничников. Молодым курсантам необходимо освоить всю мощь и силу военного арсенала, который будет в их распоряжении...

В один из таких дней после обеда весь личный состав второго батальона расположился на стрельбище. Преподаватели проводили мастер-класс по обращению с оружием. Упражнение выполняли только офицеры. Начали показ с самого простого. Первым был пистолет Макарова — ПМ. Далее шёл автомат АК-74. Он чётко поражал мишени, которые по очереди появлялись в секторе обстрела (пулемётный расчёт, наступающая пехота и так далее). Особое впечатление произвёл на первокурсников пулемёт Калашникова. ПК звонко, оглушительно, с лязгом стрекотал. Это мощное оружие широко использовалось в мировой практике. Все наблюдали, как пули калибра 7,62 превращали в мелкую крошку трёхслойную кирпичную кладку. Капитан Жмурко ловко обращался с пулемётом. Как художник рисует кистью, так и офицер то справа, то слева крошил пулями кирпичное здание. Будто создавал произведение искусства.

Далее включилось тяжёлое вооружение. Стреляли из крупнокалиберных пулемётов, бронетранспортёров и боевых машин пехоты, миномётов, из пушки и даже из танка. Чуть позже, когда стемнело и над полигоном повисли сумерки, а сквозь тучи еле-еле пробивался свет от луны, стрельбы продолжились с трассирующими пулями. Их полёт был виден очень далеко.словно огненная дорожка указывала направление и конечную цель. Все стрельбы сопровождалась взрывающимися вверх ракетами красного, зелёного и белого цветов, а также звуковыми сигналами.

Подобного курсанты-новобранцы не могли себе представить. Даже те, кто поступал в училище после службы в армии, такой мощи Советской Армии не видели никогда. Все находились под большим впечатлением. Уши чуть заложило от грохота орудий, но это заставляло чувствовать огромную гордость за страну, за её военную мощь. Каждый понимал, какими инструментами им придётся владеть, умело пользоваться ими и обучать свой личный состав.

Жизнь на полигоне была, можно сказать, экспериментом на выносливость и выживание. Места занятий располагались далеко друг от друга. Расстояние примерно от 1 до 3 км, а то и дальше. Всё передвижение было только строевым шагом или бегом в колонном порядке. Отчётливо в памяти остались занятия по тактике на полигоне и первый марш-бросок из урочища Жарки до места дислокации. Жара нестерпимая, солнце, кажется, сжигает своими лучами всё вокруг. Как-никак август месяц. Встали с рассветом. Прошли четыре раза боевым порядком в полной выкладке с вещмешком за спиной и со всей амуницией. Время к обеду. Привезли обед в поле. Достали походные котелки. Начался приём пищи. Если осталась еда, может и повезти — получишь добавку. Звучит команда:

— Тридцать минут на отдых.

После еды смертельно хочется спать. Тридцать минут лежишь без движения. Господи, да больше и не надо! Это как вечность. Падаю на землю и на карачках отползаю подальше в сторону. Прячусь в теньке. Всё вокруг замирает. Высоко в воздухе парит сокол, выслеживая добычу. Где-то поёт соловей. Вспоминаю, как с отцом в лесу на озере ловили рыбу. Удивительно, что успеваю ещё подумать об этом. То и дело засыпаю,

потом вдруг открываю глаза. Кажется, прошло одно мгновение... И вот голос командира:

— Подъём, строиться.

Время пролетело как один миг. Начинаются новые занятия. 10 августа 1986 года второй взвод шестой роты после полевых занятий бежал первый марш-бросок. Миша Логунов запомнил этот марш на всю жизнь — это страшное, многотрудное передвижение бегом в полной боевой выкладке. А у Димы Пиотровича это был как раз день рождения. Ему исполнилось 18 лет. После занятий устали все, а тут ещё возвращаться надо бегом. На каком-то этапе Миша не рассчитал свои силы и начал слабеть. Дима положил ему руку на плечо и сказал:

— Миха, брат, держись. Я рядом.

Логунов посмотрел в глаза Пиотровича и увидел в них дружеское сочувствие. Артур Оганесян взял у товарища автомат, кто-то перехватил вещмешок, т.е. полностью разгрузили уставшего товарища. Так всем взводом сумели добежать до финиша.

Через тридцать лет, 10 августа 2019 года, когда Дмитрий Пиотрович отмечал свой 50-летний юбилей, полковник Михаил Логунов сказал:

— Тепло руки Димы на своём плече я ощущаю до сих пор. Да, тогда все мы были пацаны, и это была первая такая тяжёлая нагрузка. Мы не знали ещё друг друга по большому счёту. Можно было в той трудной ситуации поступить по-разному: кто-то мог пинком подстегнуть, кто-то возмутиться, «почему из-за тебя взвод отстаёт». А кто-то положил руку на плечо и не дал товарищу упасть, помог добежать до цели. Так создавалось, росло и крепло наше курсантское братство.

Сближение курсантов проходило быстро. Все были видны как на ладони. А вот с сержантами-коман-

дирами было другое: разговаривали только по Уставу ВС. Панибратства не допускалось. К сержанту курсант мог обратиться только на Вы, с его разрешения, встав по стойке смирно и приложив руку к головному убору. Даже если сержант не был на должности.

В первый наряд по столовой помощником дежурного направили старшего сержанта Цирулёва и шесть курсантов, в том числе Пузырёва и Бурякова. Ребята попали на обслуживание своего батальона. Вымыли пол. Олег возьми и скажи Кириллу:

— Мы с тобой убираемся, моем, а вот Сергей Цирулёв, хоть и старший сержант, но он же не на должности. Он сам говорил: «Называйте меня в таких случаях не по званию, а просто Серёга».

— Пусть теперь с нами моет пол. А то ходит руки в брюки. Сегодня он такой же, как и мы, — подхватил Кирилл.

Когда помощник дежурного по столовой старший сержант Цирулёв подошёл к ребятам и поинтересовался их успехами, они на полном серьёзе наехали на него:

— Серёга, ты сегодня такой же, как и мы, курсант. Бери в руки тряпку со шваброй и мой пол с нами.

Наезд был неожиданный и неутешительный. Серёга понял, что ребят надо поставить на место. Привести их в чувство можно было только одним способом: напомнить об уставных взаимоотношениях и потребовать от них упорного труда. Выслушав эмоциональную речь коллег по взводу, старший сержант начал свою речь так, как его учили в школе сержантского состава:

— Товарищи курсанты, вы плохо изучаете Устав Вооружённых сил. К старшему по званию нужно обращаться только на Вы и по стойке смирно. Вы находитесь в наряде по столовой и подчиняетесь

непосредственно помощнику дежурного и дежурному. У вас есть круг обязанностей. Берите и выполняйте их. А я приду и проверю. Если плохо выполните, будете перedelывать. Вы всё поняли? — закончил он свою речь.

— Так точно, — удивлённо ответил Олег. Кирилл промолчал.

— Для вас двоих всё понятно? — повторил, снизив тональность, старший сержант.

— Так точно! — в один голос ответили курсанты.

— Вот и хорошо, через полчаса приду и проверю порядок, — и командир пошёл проверять других работников.

— Похоже, мы с тобой попали в историю круто, — сказал Кирилл.

— Придётся драить пол самим, — согласился Олег.

На скорую руку ребята вымыли пол грязной тряпкой, не подметая его, и доложили помощнику дежурного, что всё сделали и хотят идти спать. Но не тут-то было. Сергей наблюдал, как ребята небрежно убирали. Четыре раза курсанты после этого перемывали пол с мыльным раствором и меняли грязную воду. Пол после этого заблестел. С посудой тоже были сложности: пришлось два раза её перемывать.

Почти всю ночь старший сержант Цирулёв воспитывал молодых курсантов, как нужно убирать в столовой и как должна быть вымыта посуда. И, конечно же, не забыл о субординации между военнослужащими, порядке обращения к старшему по званию так, как гласит Устав Вооружённых сил. Этот урок курсанты запомнили на всю жизнь и даже после выпуска вспоминали Сергею свой первый наряд. Ловко он их построил и привёл в чувство, но без оскорблений и унижений.

ПОРЯДОК ДОЛЖЕН БЫТЬ ВО ВСЁМ

7

Достойная учёба, дисциплина и порядок везде и во всём — это были основные постулаты жизни и обучения в военном училище. Курсантов приучали к порядку в каждой мелочи. Пора было забыть о разных привычных вещах, с которыми свыклись в гражданской жизни. Привыкли настолько, что не обращали на них внимания. А здесь, в училище, всё должно знать своё место.

Первое: после отбоя личные вещи курсанта должны быть аккуратно сложены на табуретке в строго определённом порядке. Гимнастёрка — погонями к проходу, потом брюки. Сверху фуражка. Рядом с табуреткой, ровно у прохода между кроватями — кирзовые сапоги с намотанными на них портянками. Всё должно лежать и стоять чётко по линии. У всех одинаково.

После отбоя дежурный офицер или сержант мог проверить правильность укладки одежды. Если случилось, что сложено неаккуратно или непоследовательно, курсанта поднимали, он укладывал всё заново и только после этого получал право лечь и отдыхать.

Как-то случилось, что младший сержант Кожин проверял порядок в спальном помещении. Обратил внимание на отступление от нормы: форма на табуретке лежит, а фуражки сверху нет. Курсант на кровати, укрывшись одеялом с головой.

— Ширгарёв, где ваша фуражка? — обратился дежурный к курсанту.

Руслан снял одеяло с головы и сонно спросил:

— Какая фуражка?

И тут младший сержант Кожин увидел, что фуражка у курсанта на голове.

— «Ругать или смеяться?» — подумал сержант.

— Ой, я забыл снять её, — спохватился курсант.

Покачав головой, Кожин продолжил проверку.

БОЕВОЕ ГРАНАТОМЕТАНИЕ

8

В ПУЦ предстояло серьёзное занятие с курсантами-первокурсниками. После завтрака взвод отправился на стрельбище и разместился на полигоне. С учётом важности мероприятия и заботой о мерах безопасности людей расположили за большим насыпным валом.

Старший офицер обычно руководит всеми действиями во время таких занятий. Последовательность действий строго под контролем и ни в коем случае не должна нарушаться. На сей раз гранату будут бросать все курсанты и сержанты. Будущие офицеры должны уметь держать оружие в руках и использовать его в случае необходимости. Смелость и умение в обращении с оружием — залог победы над противником.

Преподаватель — полковник Солнцев — перед началом занятия ещё раз провёл инструктаж, напомнил, как надо вести себя в различных ситуациях.

В его словах всё было просто и ясно:

— Берёшь гранату в правую руку.левой вкручиваешь запал. Выдёргиваешь чеку, бросаешь гранату в мишень и прячешься за бронированный щит. Ждёшь взрыва и только после этого выползаешь из укрытия по команде офицера, руководителя занятий. — Всем понятно? — ещё раз строго повторил полковник.

— Так точно, — дружно ответили курсанты.

Первым на огневой рубеж побежал сержант Савицкий. Всё по сценарию: бросок, щелчок запала, взрыв, команда офицера. И — следующий на позицию.

Занятие проходило в штатном режиме. Полевой санинструктор вроде спокойно курил одну сигарету за другой, но в голове его нет-нет да и возникала мысль: только бы ничего не случилось, только бы всё было хорошо.

И не случайно. Ведь это боевое гранатометание. Бывает всякое.

Первое отделение выполнило все упражнения и переместилось подальше от огневого рубежа, а второе приступило к выполнению боевого задания.

На позицию побежал Максим Факушин. Был он парень весёлый, любитель шуток-прибауток, умел разрядить напряжённую ситуацию одной-двумя фразами.

— Ну, не поминайте лихом! — весело крикнул он, повернувшись к однокурсникам.

Все рассмеялись, только старший сержант Удовиченко недовольно прикрикнул:

— Не болтай, бегом на позицию!

Раздалась команда. Несколько секунд — и взрыв. Но... где-то рядом с укрытием. Санинструктор схватил полевую медицинскую сумку и опрометью бросился за бруствер. Через несколько минут он вышел оттуда

и нервно закурил. И вдруг все услышали от него громкий, отборный русский мат, употребляемый народом только в крайней жизненной ситуации. Вслед за санинструктором из-за земляного вала появился Максим. Он мелкой трусцой бежал к отделению. Курсанты бросились к нему с вопросами.

С лицом белым, как полотно, весь в грязи, заикаясь, Максим виновато бормотал:

— Нога соскользнула, и граната полетела не по траектории, а вверх и упала где-то рядом.

Благо офицер успел оттянуть курсанта за бромированный щит, сбил с ног и закрыл его своим телом.

Всем стало не до смеха. А те, кто ещё не успел бросить гранату, оторопелые, ждали своей очереди.

Больше, правда, приключений на огненном рубеже не было. Курсанты получили серьёзный урок. Наверно, поняли, что в нешуточном деле шутки не к месту. Если в твоих руках оружие — надо быть предельно внимательным и аккуратным, чтобы не причинить вреда не только себе, но и окружающим.

СТАРШИЙ ПРАПОРЩИК ХАЛИЗОВ

9

Чистота и порядок — один из атрибутов воинской дисциплины. Особенно в специализированном подразделении, где готовят не просто защитников Родины, а офицеров, призванных оберегать её границы.

Курсанты обязаны быть опрятными, подстриженными, чисто выбритыми. Форма должна быть выглажена. Но важен не только внешний вид. Чистота в спальном помещении, в местах общего пользования, на закреплённой за взводом и ротой территории — всё должно быть в безупречном состоянии.

Идеальным днём для наведения порядка являлась суббота, её называли парко-хозяйственным днём. Итак, в первую субботу сержант Виноградов построил своё отделение и начал распределять обязанности по уборке территории. Егору было поручено вымыть коридор. Но уборочного инвентаря не было.

— А где взять швабру, тряпку, мыло? — обратился Егор к командиру.

— Идите в капёрку к старшине батальона. Там всё дадут, — сказал сержант Виноградов и показал рукой, куда надо идти.

— А кто такой старшина батальона? И как я его узнаю? — попытался уточнить курсант-первокурсник Кусков.

— Сами увидите, — отмахнулся сержант.

— Придётся идти куда-то и искать кого-то, — недовольно проворчал Егор. Но начальству возражать не положено.

Проходя по коридору, озадаченный курсант увидел мужчину в спортивном костюме. Тот стоял к Егору спиной. Подойдя поближе, Егор тронул мужчину за плечо и бодро спросил:

— Привет, земляк! Ты случайно не знаешь, где тут капёрка?

Мужчина медленно повернулся к вопрошающему курсанту. Внимательно посмотрел на него. Был этот человек плотного телосложения, невысокого ро-

ста, с рыжими волосами. Смотрел на Егора загадочно-выжидающим взглядом.

— А зачем тебе каптёрка, земляк? — ответил он вопросом на вопрос.

— Отправил командир за уборочным инвентарём к старшине батальона. Говорят, жмот ужасный. Ничего у него не допросишься, — добавил курсант доверительно.

— А ты с ним знаком? Видел его? — спросил мужчина в спортивном костюме.

— Нет, не видел. Просто все так говорят. Говорят, что к нему лучше не попадаться. Ни за что ни про что заработаешь наряд вне очереди, — продолжал Кусков развивать свою тему.

— Ладно. Вон возьми швабру, ветошь и два куска мыла. Тебе они точно понадобятся, — с усмешкой произнёс незнакомый мужчина.

Кусков схватил инвентарь и, забыв сказать спасибо, побежал через всю казарму к месту уборки.

Виноградов, увидев курсанта со шваброй в руках, удивлённо спросил:

— Курсант Кусков, а вы всё это где взяли?

— Да там стоял какой-то земляк в спортивном костюме. Сказал: бери и пользуйся. Говорит: особенно пригодится мыло. Оно тебе точно понадобится, — гордо ответил Егор и взялся за работу.

— И как ему удалось всё найти? — удивлённо задавал себе вопрос командир.

На следующий день сержанту Виноградову объявили, что он и четыре его подчинённых заступают в наряд — дежурство по батальону. Так Егор Кусков, Кирилл Пузырёв, Михаил Иванов и Артур Оганесян попали в первый в своей жизни наряд. Ребята уже по-

знакомились и даже успели подружиться. Они вчетвером готовились к суточному дежурству. Виноградов провёл занятия с подчинёнными, распорядился насчёт внешнего вида: побриться, помыться, форму погладить, сапоги почистить.

Вечером на построении дежурный офицер должен был провести инструктаж, проверить готовность наряда к дежурству. Ровно в 18-00 Виноградов построил наряд и доложил ответственному офицеру о готовности к несению службы. Офицер принял доклад и распорядился: инструктаж проведёт старшина батальона старший прапорщик Хализов. У командира от деления от этой новости перекошило лицо и мурашки побежали по коже.

— Жди неприятностей, — подумал Виноградов и, обращаясь к отделению, сказал:

— Значит так, «орлы», инструктаж будет проводить старшина батальона. Человек он суровый. Спрашивать устав будет по полной программе.

Вскоре подошёл и сам старшина батальона. Человек невысокого роста, в выглаженном мундире. И только по рыжим волосам Егор узнал того, кто был в спортивном костюме и кого он назвал «земляком». И наговорил всего того, чего не следовало говорить.

Старшина, не торопясь, осмотрел внешний вид суточного наряда. Проходя мимо курсанта Кускова, остановился, окинул его взглядом с ног до головы и спросил:

— Как делишки, земляк? Швабра с тряпкой помогли в уборке? А мыло тебе сегодня точно пригодится. И как-то загадочно улыбнулся.

Практически всё время в этом наряде Егор провёл с тряпкой и шваброй, убирая территорию. Так прошёл его первый наряд.

Семинарские занятия по дисциплине «История КПСС» вёл начальник кафедры, доктор исторических наук, профессор полковник Гайдук. Человек требовательный и суровый, высокого роста, худощавый, он бодрой походкой входил в учебный класс, молча осматривал аудиторию. Старший сержант Удовиченко командовал:

— Ввод, смирно!

Курсанты вставали. Полковник, удовлетворённый приветствием, слегка кивал головой, предлагая всем садиться. В училище знали, что на семинарских занятиях он строг и требователен. Высоко ценит свой предмет и чрезвычайно взыскателен к любым мелочам. Получить «неуд» по его предмету не составляло особого труда. А «неуд» на занятиях — это значит лишиться увольнения. Поэтому к семинару по истории КПСС готовились старательно. На самоподготовке пытались прочитать внимательно всё, что требовалось.

Важно присев за преподавательский стол, полковник Гайдук открывал журнал, всматривался в списочный состав взвода и начинал требовательно и сурово:

— Кто пойдёт отвечать?

Глаза курсантов торопливо пробежали по страницам конспектов, и каждый лихорадочно думал: «Только бы не я».

На этот раз занятие началось как обычно. Дважды повторив свой любимый вопрос «Кто пойдёт отвечать?», полковник назвал фамилию курсанта Олега

Бурякова. Олег — выпускник Казанского суворовского военного училища. Между собой курсанты называли его «кадет». Буряков был добросовестным и хорошо подготовленным курсантом. И на этот раз, понимая, что надо спасать взвод, он решил растянуть по времени ответ на вопрос преподавателя и говорить как можно дольше.

Профессор внимательно слушал, время от времени посматривая то в окно, то на сидящих перед ним курсантов, особенно на тех, кто сидел в конце аудитории. Потом перевёл взгляд на журнал, лежавший перед ним. Листы журнала медленно поднимались чуть-чуть вверх и тут же опускались на своё место.

— Откуда дует ветер? Что за сквозняки тут? — сурово спросил полковник.

Кто-то из курсантов нерешительно предположил:

— Может, дверь не закрыта?

Другой шёпотом заметил:

— Наверно, дует из окна.

Взглянув на дверь, которая была плотно закрыта, преподаватель снова подозрительно глянул на последние парты. Выслушав Олега Бурякова, профессор наклонился над журналом, выискивая следующую жертву. Лист журнала снова чуть заметно поднялся. В аудитории наступила абсолютная тишина, только слышалось лёгкое посапывание. И тут преподаватель взглянул на первую парту. Прямо перед ним сидел курсант с закрытыми глазами и чуть слышно посапывал. Глаза полковника потемнели:

— Как это может быть? На его занятиях, где разбираются серьёзнейшие вопросы бытия... И вдруг кто-то спит непробудным сном.

— Кто спит? Встать! — в голосе полковника зазвенели металлические нотки.

Курсанты оглядывались по сторонам, но никто не вставал. Непонятно было, как вести себя в этой ситуации. И тут курсант Дима Юрков, который сидел за первой партой, вскочил и стал по стойке «смирно».

Смех пронёсся по всему классу. Дима Юрков не сразу понял, что произошло и что он серьёзно провинился. За сон на занятиях можно получить внеочередной наряд. Так оно и случилось. На вечерней поверке старший сержант Удовиченко объявил Диме два наряда на кухню. Притом в выходной день. Запланированное на воскресенье увольнение пропало.

Что было дальше после этого случая — история умалчивает.

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА

11

На первом курсе офицеры обязательно дежурили в подразделении, не оставляя курсантов одних во избежание нарушений дисциплины. Контроль был строжайший со всех сторон. Самовольный уход с территории части если и случался изредка, то в основном на старших курсах. Но первокурсников требовалось приучать к порядку.

Обязанность дежурного офицера заключалась в вечерней проверке личного состава перед отбоем и утром после сна. Ответственный офицер, когда ночевал на курсе, рационально использовал время для вос-

питания сержантов, вырабатывая у них командирские качества. И, конечно же, не прочь был организовать тренировку и вверенного ему личного состава взвода.

Так решил поступить во время своего дежурства командир взвода Иван Иванович Жмурко. Он согласовал с командиром роты план мероприятия по подъёму вверенного ему второго взвода по ночной тревоге. Подъём наметил на 00.30. Сержантам об учебной тревоге на вечернем совещании он ничего не сказал. Решил проверить боеспособность вверенного ему взвода в режиме реального времени. Вечером после отбоя, проверив дневную службу, ответственный дежурный офицер капитан Жмурко прилёг в канцелярии на диване. Спать не хотелось. Вспомнилась своя военная молодость. После окончания училища он, молодой лейтенант, попал служить на Балтику, в морские части пограничных войск. Когда приехал к месту службы, молодого лейтенанта откомандировали в дозор на пограничный корабль. Целый месяц пришлось охранять рубежи Родины на море. После смены с дежурства неделю побыл на берегу, а потом снова — выполнение боевой задачи. А на берегу молодая жена, коренная москвичка. И здесь, на Балтике, ни родных, ни знакомых.

Только через несколько лет старшему лейтенанту Жмурко по воле случая удалось перевестись в Москву в военное училище командиром взвода.

Будильник прервал полусонные размышления капитана. Пора начинать.

Выйдя в казарму, дежурный офицер громко скомандовал:

— Второй взвод, подъём! Учебная тревога!

И тут же офицер включил секундомер. Курсанты торопливо вскочили. Одевались на ходу, бежали в ору-

жейную комнату за оружием и военным снаряжением, попутно захватывая с собой тревожные вещевые мешки.

Взвод по тревоге поднялся и построился в хорошем темпе. Командиры отделений, пробежав глазами подчинённых, докладывали замкомвзвода о готовности. Приняв доклад, старший сержант Удовиченко начал рапортовать дежурному офицеру:

— Товарищ капитан, второй взвод по учебной тревоге поднят. Весь личный состав на месте.

И старший сержант гордо оглядел строй. Но тут все услышали какой-то шум, скрежет железа и грохот металла. Распахнулась дверь, из неё выпал курсант Руслан Шингарёв. Шапка ему слезла на глаза, и он, не заметив ступеньку, споткнулся и упал. В одной руке у него был автомат, в другой — тревожный мешок. Вещмешок развязался, и из него выпали котелок для еды, кружка, ложка. Рухнув на бетонный пол, металлическая посуда наделала столько грохота, что казалось, проснулось не только училище, но и вся Москва. А общевойсковой защитный комплект (ОЗК), аккуратно свёрнутый трубкой, выкатился прямо к ногам командира взвода.

— Удовиченко, вы мне докладываете о готовности, а это что такое? — удивлённо спросил Жмурко, указывая на Шингарёва.

Старший сержант молчал. Он боялся поднять глаза на командира.

Руслан не спеша поднялся, поправил шапку, забросил автомат на плечо и спросил разрешения встать в строй. Командир отделения Виктор Савицкий, у которого в подчинении был курсант Шингарёв, уже готовился к предстоящей взбучке не только от взводного, но и от его заместителя.

— Теперь все на месте? — спросил Жмурко.

— Так точно, все, — опустив голову ответил Удовиченко.

— Всем в распоряжение. Сдать оружие и личному составу отдыхать, — скомандовал Жмурко.

Сержанты понимали: утро будет не из лёгких.

КУРСАНТСКИЕ ШУТКИ

12

Дима Юрков поступил в высшее пограничное училище после службы в армии. Он отслужил год в морских пограничных войсках на Чёрном море и приехал в Москву поступать в училище в чёрной морской форме. Своей формой он гордился, даже слегка бахвалился, подчас вёл себя с сослуживцами заносчиво. Среди абитуриентов, которые приехали поступать в училище после службы в армии, были ребята в основном из сухопутных войск. Между собой на абитуриентских сборах они дали Диме кличку Море. Был он парнем амбициозным. Он же пограничник! Да ещё с самого Чёрного моря! Чтобы немного «приземлить» бывшего моряка, товарищи решили подшутить над ним.

После отбоя, когда уже все спали, Максим Факушин и Руслан Русс (они тоже поступали после

армии и были из сухопутных) взяли Димину гимнастёрку и поверх курсантских погон пришили морские эмблемы — чёрные с золотыми якорями. Всё аккуратно сложили и определили на привычное место.

Утром после подъёма взвод построился на проверку. Все были полусонные, и никто не заметил ничего необычного в форме Димы Юркова. Но старший сержант Удовиченко, человек строгий и внимательный, проходя вдоль шеренги, всмотрелся и увидел, что у курсанта Юркова на гимнастёрке поверх зелёных погон пришиты чёрные морские с золотыми якорями.

— Курсант Юрков, выйти из строя! — громко скомандовал сержант.

Ещё не совсем проснувшись и не понимая причины, Дима вышел из строя на два шага и повернулся к строю лицом. И тут вдруг все увидели, как выглядят погоны на гимнастёрке Юркова. Громкий смех прокатился по всему коридору. Бедный Юрков покраснел как рак. Он сразу догадался, кто автор этой шутки, и незаметно показал кулак в сторону Максима и Руслана.

Удовиченко освободил его от зарядки и приказал привести форму в порядок. А весь взвод выдвинулся на утреннюю пробежку, и кто-то во время кросса азартно запел: «Море, море!» Смех разнёсся по всему строю.

Эта история многие годы ходила по училищу то ли как быль, то ли как небылица. Курсанты её рассказывали и добавляли свои повороты сюжета. Вроде бы даже начальник училища — генерал — знал об этом. Ясно, что многое из этих событий было на самом деле. Все фамилии в рассказе вымышленные, чтобы не бросать тень недоверия на отцов-командиров.

На старшем курсе учился обыкновенный курсант. Назовём его Сергей Иванов. Был он высокого роста, худощавый. Как и большинство курсантов, учился средне, в спорте медалей не хватало, призовых мест особо не занимал, то есть во всём была золотая середина. Но был у Сергея один интересный талант. У него здорово получалось имитировать голоса. Юморист, выступая на сцене, мог пародировать голоса известных людей, а у Серёжи в училище был талант копировать голос только одного человека. Это был начальник курса, командир его батальона. Гроза офицеров и курсантов, непримиримый борец за чистоту и порядок, знаток и ценитель воинской дисциплины. Если что-то было не так — тут же без разговоров выговор офицеру, а это — лишение премии и отсрочка присвоения очередного воинского звания и дальнейшего продвижения по службе. Курсанты тоже знали жёсткость комбата и старались не попадаться ему на глаза. Иначе наряд на кухню в выходные гарантирован.

Ещё в школе, в старших классах, Сергей занимался в театральном кружке. Он с увлечением играл

различные роли. Ему даже советовали поступать в театральное училище. Но вместо театральных подмостков судьба определила его в казарму военного училища. И вот каким образом это произошло. Кончалась четверть, а у Сергея были проблемы с химией. Накануне Сергей весь вечер провёл на репетиции в театральной студии. Домашнее задание не выполнил. Надеялся: авось пронесёт! Но на перемене перед уроком химии вдруг начался мандраж:

— А вдруг не справлюсь? Оценка за четверть полетит. Отец, как узнает, точно уши оборвёт.

Кабинет химии был на третьем этаже, в конце коридора, а рядом с ним находилась радиорубка. Небольшое помещение с селекторной связью, так называемый радиоузел школы. По радио делали объявления о различных мероприятиях, хвалили отличников и высмеивали двоечников. Когда Сергей подошёл к кабинету химии, дверь в радиоузел была приоткрыта. Заглянул — а там никого нет. План созрел моментально:

— Когда все пойдут на урок, я опоздаю.

Прозвенел звонок на урок. Серёжа спрятался в туалете. Когда в коридоре стало пусто, он на цыпочках пробрался в радиоузел, включил микрофон и по громкой связи на всю школу голосом директора объявил:

— Внимание! Всем учителям старших классов через 15 минут собраться в учительской. Повторяю...

Придуманный текст был озвучен ещё раз.

Выключив микрофон, мгновенно выскочил из радиоузла и осторожно постучал в дверь кабинета химии, привычно извинился за опоздание и попросил разрешения сесть на своё место. Учительница только что начала объяснять задание по контрольной работе, а тут неожиданное объявление по радио смешало её пла-

ны. Если дать задание и выйти из кабинета, кому-то удастся списать. А не пойти в учительскую — возникнут проблемы с директором. Предупредив класс, чтобы ждали, что она скоро вернётся, учительница быстрым шагом направилась в учительскую, которая находилась на первом этаже школы.

Контрольная по химии была сорвана. Сергей праздновал победу и от радости похвастался классу, что он их спас от контрольной. Кто-то из одноклассников рассказал об этом дома, а от родителей стало известно в школе. Учителя, узнав, кто их разыграл, жаждали наказать обидчика. Утром отец Сергея, военнослужащий, старший прапорщик, стоял в кабинете директора школы по стойке «смирно». С трудом ему удалось уговорить руководство школы, чтобы на пороге выпуска не выгоняли сына. Он заверил директора, что с Сергеем серьёзно поговорит и примет необходимые меры. Вечером на семейном совете отец командным голосом определил дальнейшую судьбу сына: «После школы поступаешь только в военное училище. О театральных подмостках забудь навсегда». Так и произошло.

Серёжа, став курсантом, о своём хобби на время забыл. А потом потихоньку стал оттачивать мастерство пародиста. Вначале своё увлечение он держал в строгом секрете. Даже лучшему другу об этом не рассказывал.

Во взводе курсант Иванов был библиотекарем. В его обязанности входило брать в библиотеке книги для курсантов на время подготовки к занятиям и относить их обратно. Привилегия заключалась в том, что он мог самостоятельно передвигаться по училищу прогулочным шагом, а не идти в строю, строго чеканя шаг. Это время он и использовал для отработки своего

мастерства пародиста. Особенно удавалось ему подражать голосу комбата. Желание отдать команду от имени командира батальона своей роте, а если получится, и всему батальону с каждым днём росло.

И вот как-то зимним вечером, за полчаса до окончания самоподготовки в учебном классе, Серёжа собрал литературу и понёс её в библиотеку.

На улице было темно, только фонари освещали дорогу. Снег падал небольшими хлопьями и плавно ложился на серебристые ели. Зима вступила в свои права. Лёгкий морозец слегка щипал кисти рук и щёки.

Сдав литературу, Сергей вышел из библиотеки и увидел, что по центральной аллее из учебного корпуса нестроевым шагом движется его рота. Серёже захотелось было подбежать и спросить разрешения встать в строй. Но тут вдруг возникло страстное желание:

— А может попробовать хоть разок голосом комбата поруководить подразделением? Темно. Рядом никого нет. Никто не заметит. А если даже и увидят, подумаешь, пошутил — и всё тут. Подождав, пока рота прошла мимо здания библиотеки и вышла на строевой плац, пародист из-за угла громким голосом комбата крикнул:

— Не понял? Старшина, а почему идём вразвалочку? Где строевой шаг?

Старшина обалдел. Все офицеры обычно в это время уже дома, а тем более комбат. Но команда офицера прозвучала, и её надо выполнять. И тут старшина как рывкнет:

— Рота, строевым — марш!

Удивлённые курсанты стали чеканить шаг, как на параде.

Серёжа довольный, что его шутка сработала, догнал роту и спросил разрешения встать в строй.

Старшина приказал, чтобы сделал он это быстро, так как здесь где-то комбат за ними наблюдает.

Радость пародиста не имела границ. Душа расцветала. Хотелось петь. Его пародия сработала. А может, ещё как-нибудь попробовать и кого-нибудь другого разыграть? Главное — не засветиться.

Такой момент ему подвернулся скоро. Он попал во внутренний наряд. Это дежурная служба, то есть ты — дневальный по батальону. Наряд возглавляет дежурный. Это обычно сержант, а дневальными были курсанты. В их обязанности входила сохранность оружия, шкафов с пистолетами, ящиками с боеприпасами, имущества батальона и личных вещей курсантов и офицеров. Следовало нести службу внутри казарменного помещения у входной двери, вблизи комнаты для хранения оружия. В курсантском простонародии это называлось стоять на «тумбочке». Задача дневального: не отлучаться без разрешения, не пропускать посторонних в помещение, следить за чистотой и порядком. А по прибытии в батальон прямых начальников — от комбата до дежурного по училищу — подавать команду «Смирно!». По прибытии в батальон других офицеров и военнослужащих не своей роты — вызвать дежурного. Ну и так далее.

Дополнительно дежурная служба по распоряжению комбата фиксировала приход и уход офицеров — командиров рот и взводов — с обязательным указанием времени. Комбат контролировал воинскую дисциплину не только курсантов, но и офицеров. И если выявлялся факт опоздания на службу, следовало замечание. За вторым опозданием или замечанием следовал выговор или взвод во главе с офицером на праздничные или

выходные дни заступал на боевое дежурство. Офицеры это знали и, конечно, старались не опаздывать.

Однако на курсе был один взвод, который постоянно оказывался в отстающих. Хромала в нём не только учёба, но и дисциплина. То двоек за контрольную нахватают, то кто-нибудь из увольнения замечание принесёт. Или по тревоге последними соберутся. Одним словом, «залётный» взвод. Командовал этим подразделением офицер предпенсионного возраста — «вечный капитан» Помзиков. Так называли офицера, который за свою службу дослужился только до звания капитана. Майорские звезды на погоны Помзикову явно не светили. То ли должность не позволяла, то ли послужной список взысканий был впечатляющим.

Курсанты этого взвода практически не ходили в увольнение в выходные и праздничные дни. Кто-то проштрафится, а весь взвод отдувается. И командир подчас сам попадал в переплёт вместе со своими подчинёнными.

И всё же старый капитан непонятно какими способами умудрялся отпускать своих бойцов в увольнение в будние дни. Это было запрещено начальником училища и допускалось только в крайних случаях. Ходила даже поговорка: «В воскресенье в Москве делать нечего, лучше гулять в будние дни. Нет комендантских патрулей. Значит ты во взводе капитана Помзикова».

Однажды, поднимаясь по лестнице в расположение батальона после бурно проведённых выходных, капитан Помзиков думал только об одном: как бы не попасться на глаза комбату. На построение он опоздал. С командиром роты, конечно, можно договориться. Мол, проспал. День рождения у жены. Слегка

переусердствовал со спиртным. Виноват. Исправлюсь. Вот только бы проскользнуть мимо комбата.

Остановившись на половине пролёта лестницы и не заходя в подразделение, Помзиков шёпотом спросил у дневального:

— Комбат на месте?

Громко спрашивать было небезопасно, так как место несения службы дневального — «тумбочка» находилась как раз против двери канцелярии комбата и командиров рот. И всё, что происходило в коридоре, было слышно в кабинетах руководства. Дальше по коридору располагалась Ленинская комната, или, как её называли курсанты, комната психологической разгрузки. Ещё дальше — спортивный зал с тренажёрами. Курсанты и офицеры в свободное время качали там мышцы. Особенно любил это комбат. После раздачи поручений, чаще всего по понедельникам, он любил посещать «качалку», пока другие выполняли его поручения. Дальше же, метров через тридцать, находились канцелярии командиров взводов. Вот именно туда — незаметно — и предстояло проскользнуть опоздавшему капитану.

Дневальным по стечению обстоятельств был Сергей Иванов, скрытый юморист. Курсант посмотрел по сторонам, пожал плечами и отрицательно покачал головой. Помзиков на цыпочках, чуть дыша, медленно прошмыгнул мимо дневального и направился в канцелярию командиров взводов.

Серёжа наблюдал, как командир в хромовых сапогах, по скрипучему полу на цыпочках, как цапля по болоту, пробирается мимо канцелярии комбата. Тут Сергея осенило, и из-за угла он голосом комбата негромко сказал:

— Где этот Помзиков? Опять опоздал на службу? Если это так, точно напишу рапорт и выгоню его из армии.

Взводный вытянулся в струнку и одним прыжком оказался у двери Ленинской комнаты. Она оказалась закрытой. Куда бежать? Прыжок — и он у двери спортзала. Толкнул дверь — и она открылась.

— Слава Богу — промелькнуло в душе капитана. Ещё секунда — и он в помещении. Осталось плотно закрыть за собой дверь.

Серёжа посмотрел по сторонам. Рядом никого не было, и он решил продолжить розыгрыш. Медленно идя по коридору к спортивному залу, он продолжал говорить голосом комбата. Остановился напротив двери и дёрнул за входную ручку. Она не поддавалась. Создалось впечатление, будто дверь закрыта или её с обратной стороны кто-то сильно подпирает. Шутник ещё раз дёрнул за ручку и громко сказал:

— Кто закрыл дверь в спортзал? Придётся теперь идти за ключом.

Сергей вернулся к месту дневального. Через пару минут Серёжа решил проверить, что же происходит в спортзале. К его удивлению, дверь была приоткрыта, и в помещении никого не было. Как за такое короткое время можно незаметно преодолеть расстояние до канцелярии командиров взводов, для него осталось загадкой.

Целый день капитан Помзиков ходил по коридору, громко разговаривал, интересовался у дежурного по батальону, не спрашивал ли его комбат и занимался ли тот в спортзале. Ушёл домой взводный поздно вечером, так и не встретившись с начальником.

Этого розыгрыша шутнику показалось мало. Ему хотелось ещё раз пощекотать нервы и испытать

судьбу. Так фаталист, приложив руку с заряженным пистолетом к виску, ждёт решения своей судьбы.

Заступив в очередной раз на дежурство дневальным, Серёжа воспользовался тем, что канцелярия комбата находилась напротив канцелярии командиров рот. Когда весь командный состав был на месте, голосом комбата Сергей Иванов сказал:

— Тулов (это была фамилия одного из командиров рот, чья канцелярия находилась рядом), зайдите ко мне.

Ротный, услышав знакомый, начальственно прозвучавший голос в коридоре, вышел из своей канцелярии, перед дверью комбата поправил галстук, постучал и бодро вошёл. Не прошло и пяти секунд, как он с удивлённым выражением лица появился на пороге. Минут через тридцать наш артист повторил всё в слово в слово, а сам схватил телефонную трубку и повернулся спиной к канцеляриям командиров. На этот раз командир роты решил перестраховаться. Он вышел из своего кабинета и стал выяснять у дневального, не вызывал ли его комбат. Дневальный спокойно ответил:

— Извините, не слышал, так как разговаривал по телефону.

Ротный опять поправил галстук, постучал и вошёл в кабинет. Назад он вышел уже с выражением явного беспокойства на лице. Домой Тулов уходил, явно озабоченный состоянием своего здоровья.

После этого случая в батальоне стали происходить странные вещи. Вечером в 21.00 кто-то позвонил по телефону и голосом комбата приказал достать из всех помещений огнетушители для полной проверки и поставить перед его канцелярией. Придёт пожарный инспектор и будет проверять пломбы на них.

А он, комбат, утром их пересчитает. Наряд выполнил приказ в точности, и выстроил все огнетушители перед дверью комбата. Утром, придя в подразделение, командир увидел это странное зрелище. После доклада он снял дежурного сержанта с наряда. По батальону пошли нехорошие слухи. Офицеры боялись подходить к телефону.

Различные розыгрыши происходили не так уж часто, но время от времени случались. Больше всех был озабочен комбат. Ведь все эти нелепые команды поступали от его имени и были озвучены его голосом. Всё это пахло ЧП.

Как говорят, аппетит приходит во время еды. Серёжа почувствовал свою безнаказанность и продолжал разыгрывать всех, даже своих друзей курсантов. Но однажды он всё-таки прокололся. Как-то после завтрака у него прихватило живот, и он отпросился у командира отделения в туалет. Курсант побежал в казарму в туалет, а взвод выдвинулся на занятия. Увидев, что он один в помещении, Сергей сел на «толчок» и закрыл кабинку. Живот ныл от боли, а сходить по-большому не получалось. Тужась изо всех сил, имитатор одновременно тренировался отдавать команды голосом комбата. Голос его звучал настолько громко, что слышно было в коридоре. В очередной раз курсант проговорил:

— Тулов, ко мне!

Дверь кабинки приоткрылась. За ней стояли командир батальона и ротный Тулов. Глаза у них метали молнии. Наступила мёртвая тишина. Серёжин живот мгновенно очистился сразу от всех шлаков и перестал болеть. Командир батальона неожиданно спокойным голосом произнёс:

— Не делай так больше, пожалуйста. Это довольно рискованно. Договорились? И закрыл дверцу.

— Договорились, — машинально пролепетал шутник его же голосом, ещё не осознавая, что же произошло.

Через час о курсанте Иванове ходили легенды. Многие хотели рассчитаться за розыгрыши, придуманные им. Вроде бы шутки прекратились, но все остерегались: нет ли подвоха.

Когда ротный был на больничном, его обязанности исполнял капитан Помзиков. Как-то комбат позвонил ему по телефону и сказал:

— Помзиков, мне срочно надо видеть вас.

Взводный решил, что это очередной розыгрыш, и в ответ использовал весь свой запас матерных слов. После минутной паузы он услышал в телефонной трубке заверение, что звонит действительно комбат и срочно требует его к себе.

Положив трубку, капитан Помзиков понял, он снова «залетел» и уйти от наказания уже не получится.

Шло время. Перед самым выпуском наш пародист совсем разошёлся, чувствуя свою безнаказанность. А может некоторые фамильярные отношения со своими персонажами убаюкивали его. Однажды заметив, что комбат с ротным спускаются вниз по лестнице, Серёжа, дождавшись, когда они окажутся на первом этаже, крикнул:

— Тулов, зайдите ко мне. Пивка попью!

И вслед послышалось:

— Как он меня достал! Скорей бы уже выпуск! Тут же у комбата появилась интересная идея:

— Собери ко мне на совещание всех офицеров и старшин. Есть разговор.

А потом по батальону пошли слухи о каком-то фантастическом приказе Председателя КГБ СССР. Никто в глаза не видел этот приказ, но слышали о нём многие. А суть приказа заключалась в том, что один раз в 5 лет одному из курсантов, выпускающихся из училищ, по представлению командования сразу по окончании обучения присваивается воинское звание не лейтенанта, а старшего лейтенанта. Досрочно. За особые заслуги во время обучения. В этом году выбор пал именно на выпуск из нашего училища. Командование срочно решает, кого из выпускников можно поощрить таким образом.

Среди курсантской молвы пошли интересные разговоры. Кто-то из офицеров рассказывал, что, когда он выпускался 15 лет назад, его другу тогда уже присвоили звание старшего лейтенанта. А теперь его друг уже аж целый генерал.

Обсуждали этот приказ везде: в столовой, в курилке и даже после отбоя. Каждый мечтал попасть в этот привилегированный приказ.

Накануне выпуска Сергей проходил по коридору мимо канцелярии комбата. Дверь была приоткрыта. Хозяина в кабинете не было. Сергей посмотрел по сторонам. Вокруг тоже никого. Он осторожно зашёл и на столе увидел копию рапорта с ходатайством о присвоении звания старшего лейтенанта курсанту Иванову. Под рапортом стояла подпись комбата. Рядом лежала характеристика на него, курсанта Иванова, подписанная командиром роты Туловым. Услышав чьи-то шаги в коридоре, Сергей положил всё на место и, радостный, выскочил из кабинета.

Сердце запрыгало от счастья. Неужели это правда? Неужели он будет поощрён? За что такая честь?

А может комбат оценил его необыкновенные способности? Слухи слухами, а тут же документ, целый рапорт комбата и характеристика ротного. Значит, это правда.

За день до вручения дипломов комбат приказал построить личный состав уже в офицерской форме для проверки внешнего вида. Серёжа решил опоздать на построение и прикрепил себе на погоны ещё одну звездочку. Как у старшего лейтенанта. Ведь рапорт комбат подписал уже месяц тому назад. Там даже дата стоит. А раз есть приказ — чего я буду стесняться? Пусть все видят и завидуют.

Когда выпускники были построены на плацу и комбат собирался произнести речь, к нему не спеша подошёл офицер. Приложив руку к головному убору, выпускник произнёс:

— Товарищ полковник, старший лейтенант Иванов. Разрешите стать в строй.

Комбат внимательно посмотрел на молодого офицера. Его взгляд остановился на погонах, где было уже по три звезды. Не удержавшись, командир батальона громко рассмеялся. Этот весёлый заразительный смех тут же подхватил весь батальон. Кто-то насмешливо выкрикнул:

— А почему не майорские звёзды нацепил?

С другого конца строя послышалось язвительное:

— Не лучше бы генеральские звёзды и штаны с лампасами?

Сергей понял: его разыграли. Оказывается, он один попался на эту удочку. Ведь в училище все давно знали об этом заговоре.

Насмеявшись, комбат сказал:

— Ладно. Приведите себя в порядок, товарищ лейтенант, и перестаньте фантазировать. Три мину-

ты вам на исправление недостатков в форме одежды. Всё понятно?

Сергей под смех всего выпускного курса понуро побрёл в подразделение снимать с погон лишние звёзды. А через час выпускник Иванов, зайдя в канцелярию комбата, извинился за все свои прошлые грехи. И дал себе слово больше так не шутить над людьми.

УВОЛЬНЕНИЕ

14

В первый год обучения курсантам военных училищ было трудно не только физически, но и морально. Сержанты и офицеры всегда привычно и добросовестно относились к выполнению своих обязанностей. Все их действия и приказы были основаны на Уставе ВС. Отцы-командиры из юнцов, оторвавшихся от родительского гнезда, старались сделать настоящих крепких мужчин, будущих офицеров, стойких физически и нравственно, которым страна впоследствии доверит почётную миссию охранять её рубежи.

Хотя училище находится почти в центре Москвы, курсанты-первокурсники видели столичную жизнь только из-за забора. Выходить за территорию учебного заведения без разрешения командиров строго запрещалось. Называлось подобное преступление «самоволкой». За «самоволку» — безоговорочное отчисление из училища.

Выйти за пределы училища можно было лишь в двух случаях: если ты получил увольнение или если тебя назначили нести службу в военном патруле при военной комендатуре.

В первое увольнение курсантов отпустили после принятия присяги на верность Родине 14 сентября 1986 года. Праздник встречи с родными был разрешён и продолжался почти сутки. На следующий день к 7-00 все должны быть на месте. В дальнейшем в увольнение отпускали лишь в выходные: до отбоя — и не более трёх человек из отделения.

Это удовольствие получали лишь те, кто имел хорошие оценки на занятиях и у кого не было замечаний по дисциплине. Выучил тему по предмету, получил высокий балл за ответ — нет проблем, можешь рассчитывать на увольнение в выходной.

С дисциплиной было сложнее. Заместитель командира взвода и командиры отделений отслеживали каждое действие — вольное и невольное — своих подчинённых. И чуть что-то не так — сразу получаешь выговор за нарушение дисциплины. Даже если только попытаешься возразить старшему по званию — сразу получаешь замечание. А есть замечание — тут тебе как минимум наряд вне очереди. Гордость и строптивость курсанты обязаны сдерживать, не давать воли своим эмоциям. И ещё приходилось постоянно помнить: каждый начальник имел собственные причуды или, как говорили курсанты, своих «тараканов в голове».

Особенно старался продемонстрировать власть сержантский корпус. Сержанты обычно определяли графики выходного дня и дежурств. Офицеры в это дело не вмешивались.

Во второе увольнение Егор Кусков попал только второго января 1987 года. Второму взводу шестой роты выпала честь нести службу в карауле с 31 декабря по первое января. Время нахождения на посту для их наряда считалось с двадцати трёх ноль-ноль до часу ночи.

Новый, 1987, год Егор встречал с оружием в руках. Командир взвода капитан Жмурко за хорошее несение службы решил поощрить всех, кто под бой курантов нёс боевую службу. Было очень приятно. В третье увольнение в город курсант Кусков попал в феврале. Так получилось, что одна половина взвода была задействована в патрулировании на территории Бабушкинского района вместе с офицерами академий, а вторая половина отдыхала. Замечаний у курсантов не было, и командир взвода разрешил Егору и ещё нескольким курсантам выйти в город. Обычно курсанты — не москвичи — собирались группами по два-три человека. Егор Кусков отправился в увольнение вместе с Лёшей Загребиным. Один из Витебска, другой — из Ижевска. Москву они ещё знали плохо. Решили прокатиться в метро, побывать на ВДНХ. Из газет и телевидения они много слышали о чудесах, которые демонстрировались на этой выставке.

Февраль — самый суровый месяц зимы. А этот февраль был особенно суровым. Но погода не пугала горячих и решительных военных курсантов. Желание вырваться за стены казарменной реальности превозмогало любые неприятности, связанные с природными явлениями.

Получив из рук старшины роты заветные увольнительные записки, курсанты Загребин и Кусков вышли за контрольно-пропускной пункт училища. Теперь они свободны и до 22.00 законно могут находиться

за пределами части. Но к отбою надо прибыть без опоздания, иначе, как минимум, целый месяц в город не выпустят. Таков порядок.

Проезд в общественном транспорте, кроме такси, для военнослужащих срочной службы — а к ним приравниваются курсанты всех военных училищ — бесплатный.

К остановке подошёл рейсовый автобус, и друзья, не раздумывая, вскочили в раскрывшиеся двери. Проехали три остановки и решили выйти у станции метро «Медведково». Вот она — московская подземка. Спускаясь на эскалаторе, с любопытством рассматривали архитектурные красоты, проходя по подземным переходам, восхищались роскошью станций метро. Удивлялись озабоченным лицам москвичей. Никто не обращал внимания на двух будущих защитников границы, а им так хотелось, чтобы все смотрели на них, любовались их формой и гордились, и верили, что страна всегда будет под надёжной защитой. Но люди шли, подчас хмурые, и каждый был занят своими заботами. Никому не было дела до курсантов-первокурсников, которые впервые вырвались из-под сержантского надзора.

Переходя с одной ветки метро на другую, Лёша и Егор влились в бесконечную толпу, которая хаотично двигалась в разные стороны. Парни держались друг друга, боясь потеряться в этом многолюдье. Несколько раз подходили к схеме метрополитена, чтобы справиться о месте своего нахождения.

— Станция метро «ВДНХ», — прозвучал голос машиниста. То, что им хотелось увидеть. Друзья переглянулись и направились к выходу.

При входе на выставку огромный монумент «Рабочий и колхозница», знакомый по кинофильмам.

Возвышается он на столь же основательном постаменте. Захотелось увидеть воочию и другие скульптурные сооружения, хорошо известные по фотографиям. Привлекли внимание великолепные фонтаны «Каменный цветок» и «Дружба народов». Но самой главной целью был павильон «Космос». Всё осмотрели внимательно: модели искусственных спутников Земли, луноход, систему жизнеобеспечения космонавтов, подлинный спускаемый аппарат космического корабля «Восток», макеты кораблей «Союз» и «Аполлон». Московские морозы немного поубавили посетителей, но для будущих пограничников стужа — не преграда.

Много ещё чего интересного хотелось увидеть на выставке, но время близилось к полудню. Одной духовной пищей сыт не будешь. А в училище как раз час обеда. На выставке много различных кафе, но цены в них не всегда по курсантскому карману.

— Не пора ли нам червячка заморить? — спросил Лёша у Егора.

— Есть хочется, но куда пойдём? Цены в этих кафе заоблачные, — заметил Егор.

Лёша, как человек более практичный и расторопный, поделился опытом. Рассказал, что, когда был в наряде по кухне, слышал разговор старшекурсников. Они хвалили пельменную на станции метро «Новослободская». Уверяли, что дёшево и вкусно. Хоть несколько порций бери. А ещё ходят слухи, что там есть удивительная тётушка-повариха. Иногда она стоит на раздаче, так вот для курсантов-пограничников она по две-три пельменины сверх нормы кладёт. Говорят, у неё сын на границе служит. Вот она и поддерживает погранцов.

— Не может быть, — усомнился Егор. — Но есть-то хочется. Ну что ж, поехали. Только как туда добраться?

— Не робей, смуглянка, — с улыбкой Лёха произнёс фразу из любимого кинофильма «В бой идут одни старики». Потом добавил:

— Язык до Киева доведёт. Давай быстрее. В метро отогреемся.

Находясь в увольнении, курсанты обязаны соблюдать форму одежды. Быть аккуратными и с гордостью нести честь будущего офицера. Внешний вид в увольнении единый для всех: зимой шапка-ушанка, шинель, перчатки, парадный китель и т.д. В сильные морозы разрешалось опускать вниз уши головного убора и завязывать их под подбородком. Конечно, если очень холодно. И это не считалось нарушением.

Солнышко светило ясно. На небе ни облачка. Снег хрустел под ногами. Мороз всё крепчал. Ребята ладошками рук слегка похлопывали себя по ушам, отогревая заодно и уши, и нос. Опускать уши шапок они не собирались. Как же, мы пограничники, нам никакой мороз не страшен.

Спустившись в метро, по схеме определили свой маршрут. Сначала до станции «Проспект мира», а там по кольцевой одна остановка. И вот она — «Новослободская». Неукоснительно следуя указателям, друзья быстро приехали на нужную станцию.

И где она тут, эта пельменная? Старшекурсники говорили, что рядом с метро. Вышел из огромных дубовых ворот, прошёл по подземному переходу через проспект — и ты у дверей столовой. Неудобно было перед Егором. А вдруг долго искать придётся?

— Лёха, смотри, — прервал его мысли Егор. Вот подземный переход. Произведём разведку на местности.

Перейдя на другую сторону улицы, ребята уткнулись в большое здание, а чуть дальше, после арки, виднелась вывеска «Столовая». Будущие офицеры-пограничники обменялись довольными взглядами. Они у цели.

В помещении общепита чувствовался приятный запах еды. Очереди практически не было. Впереди стояли три солдата-срочника с эмблемами внутренних войск на погонах.

— «Шурупы», — подметили друзья. У пограничников есть своя легенда. Однажды кто-то из руководителей страны сказал: «Пограничники — это щит, который охраняет нашу большую страну, а все остальные войска — это шурупы, ввинченные в этот щит». Ходили слухи, что принадлежат эти слова Ф. Дзержинскому. Поэтому любой представитель другого рода войск для пограничников был «шурупом», независимо от того, какие эмблемы украшали его погоны. Забавно? Или печально? Но как есть, так есть.

Загребин и Кусков сняли шинели и подошли к раздаточному столу. Пожилая раздатчица, заметив курсантов, негромко окликнула кого-то:

— Петровна, там твои пограничники пришли.

Из-за огромной плиты, на которой стоял со-рокалитровый бак, показалась невысокого роста полноватая женщина. Белый халат, белый же колпак на голове, из-под которого выбивается каштановая прядь. Она взяла в руки половник и окинула благожелательным взглядом курсантов-пограничников.

— Двойную порцию пельменей, — выпалил Егор.

— Может, ещё и салатик возьмёте? Вкусный, — сказала Петровна. — Совсем как дома.

— Лучше пельмени, — настоял Егор.

— Мне то же самое, — добавил Лёша.

Положив двойную порцию в тарелку, повар ещё раз взглянула на ребят в зелёных погонах и, добавив по три пельменины сверху, с улыбкой произнесла:

— Кушайте, ребятки, на здоровье. Вам сейчас нелегко.

А потом, тяжело вздохнув, еле слышно добавила:

— Может и моему сыночку на далёкой афганской границе кто-нибудь лишнюю пайку положит.

Курсанты молча переглянулись и искренне поблагодарили Петровну.

Плотно пообедав, «герои границы» продолжили знакомство с Москвой. Времени до окончания увольнения было ещё много.

Бродить по центру не хотелось. Вспомнили, что у станции метро «Медведково» есть кинотеатр. После сеанса и в училище возвращаться будет ближе.

В метро они уже чувствовали себя знатоками и практически даже не обращали внимания на схемы и указатели. Французская комедия оказалась непродолжительной. Вышли из зала, а времени в запасе ещё целых четыре часа. В училище близилось время ужина, но друзья решили, что часы свободы на гражданке важнее голода и холода. И тут Лёша вспомнил, что где-то неподалёку от училища живёт знакомая девушка. Не сильно знакомая, так, случайность, но приятная. И он рассказал Егору о странной истории, которая произошла с ним недавно. Его дядя был в дальней командировке и возвращался домой в Ижевск через Москву. Лёшина мама попросила родственника навестить Лёшу в училище. Купить какие-нибудь сладости и передать курсанту. У дяди времени от поезда до поезда было мало, и они встретились возле КПП

училища. Пока дядя с племянником разговаривали, Лёша заметил, что перед КПП стоит симпатичная девушка. Они с подругой явно кого-то ждут, о чём-то просят дежурного. Но дежурный солдат не пропускает никого. Оказалось потом, что у четвёртого курса в клубе дискотека. Вход только по пригласительным билетам, или курсант должен встретить сам того, кого он пригласил.

Попрощавшись с дядей, Лёша собирался уходить, но одна из девушек подбежала к нему и взволнованно позвала:

— Молодой человек, можно вас на минуточку?

Лёша посмотрел по сторонам и не сразу сообразил, что обращаются именно к нему. А девушка продолжала дрожащим голосом:

— Мы пришли на дискотеку, а товарищ, который должен был нас встретить, попал в наряд. Заменял заболевшего друга. Проведите нас в клуб. Мы замёрзли тут, а возвращаться ни с чем не хочется.

К Лёше с такой просьбой ещё никто не обращался. И ему вдруг захотелось сделать для этих девчонок хоть что-то приятное. Жаль их, одеты легко, готовились ведь к танцам. Окоченели совсем, стоят тут перед КПП.

— Ладно. Следуйте за мной, — строгоскомандовал он.

На контрольно-пропускном пункте дежурный попробовал возразить:

— А девушки куда?

— Они со мной, — огрызнулся Лёша.

— Ты же первокурсник, а дискотека для четвёртого, — усомнился солдат.

— А я иду вместе с ними на дискотеку. Поощрён за отличную учёбу. Всё ясно, — буркнул курсант.

Пройдя КПП, Лёша довёл девчонок до клуба. С грустью посмотрел, как они впорхнули в зал, откуда лилась музыка. Как хорошо было бы оказаться там. Станцевать медленный танец с таинственной незнакомкой. Он в мыслях ругал себя невежей. Даже не представился, не познакомился. А мог бы взять телефон.

Минуты две он стоял неподвижно перед входом в клуб, откуда звучали знакомые мелодии.

Вдруг дверь клуба раскрылась, и к Лёше подбежала она, его незнакомка. Уже без пальто, в облегчающем синем платье.

— Извини, мы даже не сказали тебе спасибо. Меня зовут Лена. Вот мой телефон. Запиши. Может, когда в кино сходим. Погуляем по Москве. Я так понимаю, что ты не столичный парень.

Лёша стоял как вкопанный, язык сковало. Его растерянность заметила Лена:

— Телефон запомнил? Может, с нами потанцуешь?

— Мне нельзя. Время ограничено. Увидят, что самовольно был на дискотеке, получу наряд вне очереди.

— Тогда пока, — она неожиданно повернулась и по-сестрински поцеловала Лёшу в щёку.

Егор, выслушав историю друга, в шутку сказал:

— Чего стоишь? Иди и звони. Вон телефонная будка рядом.

— А ты? — поинтересовался Лёша.

— Если она не против, то и я с вами. А нет — так пойду в училище. Как раз к ужину успею.

Лёша нашёл в записной книжке номер — и в телефонной трубке услышал знакомый голос:

— Привет. Я узнала тебя. Не знаю почему, но была уверена, что ты всё-таки позвонишь.

Лёша попытался пригласить Лену погулять на улице. Но она уклончиво отказалась, сославшись на погоду. Наоборот, предложила прийти к ней в гости.

— Родители ушли в театр, вернутся поздно. Горячим чаем напою. Отогреешься.

— Я не один в увольнении. Мы с другом, — попытался объяснить Лёша.

— Неважно. Приходите вдвоём. Запоминай мой адрес. Это рядом со станцией метро «Медведково», — уверенно звучал голос в телефонной трубке.

— А мы как раз рядом, — радостно сказал Лёша.

Елена встретила гостей в ситцевом домашнем халатике. На ногах забавные тапочки с большими красными бумбонами. Как ушки у зайки.

— Вы молодцы, что пришли. Сейчас горячим чаем напою. Замерзли, небось? Снимайте шинели. Руки мыть в ванную, — распоряжалась молодая хозяйка.

— Нам мороз нипочём. Мы даже уши в ушанке не опускали, — похвастался Лёша.

Снимая шинели в прихожей, ребята обратили внимание на вешалку. Там висела шинель с полковничьими погонами и общевойсковыми эмблемами на петлицах, а выше лежала каракулевая папаха.

Первая мысль, которая мелькнула у курсантов: «Ну и попали! Надо делать ноги».

Лена заметила смущение гостей и успокоила их:

— Не волнуйтесь. Папа командир какой-то военной части. Здесь в Москве. Я точно не знаю какой. Мне не говорят. Да не переживайте. Они с мамой ушли в театр. Раньше полуночи не вернутся.

Друзья переглянулись и немного успокоились. Пили чай. Лена предложила накормить ужином. Но ребята из-за скромности отказались. Заверили хо-

зайку, что недавно ели. Рассматривали модные журналы, фотографии. Делились интересными новостями.

Но тут в передней щёлкнул входной замок, и в комнату вошли родители Лены. Курсанты переглянулись.

— В театр не попали. По пути сломалась машина. На следующую премьеру поедem в метро, — с порога сказала мама Лены.

— А у нас гости? — вопросительно-командным голосом произнёс отец, заметив на вешалке курсантские шинели.

Хоть отец Лены был в модном гражданском костюме, курсанты встали по стойке «смирно». Они-то знали, что перед ними полковник.

— Вольно. Отдыхайте, — сказал офицер.

Курсанты выдохнули и осторожно сели на краешек дивана.

— А ты, хозяйка, служивых хоть накормила? — поинтересовался отец у дочери.

— Чай пили. От ужина отказались, — сказала Лена.

— Понятно. Значит, голодные. Мать, — обратился полковник к жене, — налей-ка ребятам твоего фирменного борща и пельменей наших, самодельных. Да отвари побольше.

Егор и Лёша начали было отказываться. Но командирский голос полковника поставил их на место.

Лена удивлённо слушала отца и друзей, их своеобразные военные словечки, но в разговор не вступала. За ужином мама Лены, врач по профессии, внимательно посмотрела на Егора и Лёшу и поинтересовалась:

— Ребята, вы в увольнении целый день? Что-то мне ваши уши не нравятся. Не болят?

— Всё хорошо. Только чуточку чешутся. Нам мороз нипочём. Мы же пограничники, — браво выпалил Егор и замолчал, увидев вопросительный взгляд полковника.

Время истекало. Ребята стали собираться в училище. Перед их уходом мама Лены посоветовала ребятам всё же обратиться в санчасть и показать специалистам свои уши.

Прибыв в училище, курсанты доложили дежурному о своём прибытии, отметили увольнительные. Дежурный внимательно осмотрел внешний вид курсантов и поинтересовался:

— С ушами всё в порядке?

— Всё хорошо, — подтвердили первокурсники.

— По пути в подразделение зайдите обязательно в санчасть. Не нравятся мне ваши уши. Приказ понятен?

— Так точно, — ответили курсанты и, отдав воинскую честь, направились в лечебное заведение.

Фельдшер, увидев Егора и Лёшу, сразу командовал:

— Шинели и головные уборы снять и ко мне на перевязку.

— Зачем? У нас всё хорошо, — попробовали возразить курсанты.

— У вас у обоих уши обморожены. Небось, из-за фанфаронства в увольнении не удосужились уши в ушанках опустить. Теперь на пару недель о выходе в город придётся забыть, — выговаривал фельдшер, делая перевязку.

Докладывая заместителю командира взвода о прибытии из увольнения, Егор и Лёша выглядели как бойцы после боя, получившие ранение в голову.

Грустно подумалось:

— Теперь точно в увольнение недели две не сходим.

Так оно и было.

— Беречься надо, а не красоваться в морозную погоду, — шутили сержанты.

Здоровье важнее всего, и о нём надо думать заранее!

НАРЯД ПО СТОЛОВОЙ

15

— Караул и наряд, равняйся, смирно, равнение на середину! — скомандовал помощник дежурного по училищу. Так начались, как обычно, боевые дежурные сутки в военном училище на строевом плацу.

Полковник, выслушав доклад своего помощника, решил лично подойти к каждому дежурному подразделению и познакомиться. Как-никак целые сутки эти люди находятся в его подчинении, будут обеспечивать безопасность и порядок в училище. От слаженности данной команды зависит многое: оперативность, боеспособность, жизнедеятельность. Самое главное, чтобы без происшествий. Осмотрев караул и внутреннюю дежурную службу подразделений, он подошёл к наряду по столовой.

— Сержант Хакимов, дежурный по столовой, — приложив руку к головному убору, представился военнослужащий.

— Первый раз заступаете в наряд или как? — поинтересовался офицер.

— Не в первый, — бодро ответил сержант.

— Людей своих знаете?

— Так точно, знаю. Наряд сборный, но из своей же роты, — продолжил сержант.

— Меня дежурный предупредил, что днём поступила жалоба от старшего курса: грязные кружки и картошка плохо почищена. При проверке посуды уделите этому особое внимание. А я приду и проверю, — пообещал офицер.

— Задачу понял, — настороженно ответил сержант Хакимов и задумался. — Вот и начало наряда. А что будет в конце?

Получив ценные указания, дежурная служба, пройдя строевым шагом по плацу, выдвинула каждое своё подразделение в место несения службы. Хакимов повёл свой наряд прямым ходом в столовую. Сутки предстояли жаркие. Необходимо без происшествий накормить курсантский корпус. Ладно первый, второй и третий курсы. А вот четвёртый — это уже почти офицеры. От выпускников можно ожидать всего. Не понравится, как вымыта кружка, чай холодный или ложка не вытерта — могут и запустить её в наряд. Потребуют перемыть всю посуду. Разные слухи ходят об этой столовой...

Как-то случилось на первом курсе. Наряд по столовой был сформирован из курсантов шестой роты. Все молодые и неопытные. И курсанты, и сержанты. Вечером в столовую пришёл дежурный врач, проверил состояние посуды и чистоту самого помещения. В принципе все требования по санитарии соответствовали. Не понравилось ему только, что некоторые круж-

ки у четвёртого курса не совсем чистые. От компота на них кое-где оставались следы. Доктор отдал распоряжение всё перемыть и продезинфицировать хлоркой. Дежурный по столовой выдал курсантам хлорку и приказал им замочить кружки в холодной воде...

— Будут белые как снег и продезинфицируются. Двух зайцев убьём сразу.

Курсанты — ребята неопытные, только с гражданки, всего лишь несколько месяцев как надели военную форму. Они сложили все кружки в ванную, наполнили её водой и добавили туда хлорки. Насыпали от души, не пожалели. Оставили всё это на ночь. Пусть отмокает. Рано утром придём, обмоем их — и на стол.

Вода за ночь вытекла, а хлорка осталась на посуде. Наряд пришёл утром, посуда вроде чистая, продезинфицированная и белоснежная. Всё как приказали. Дежурные не додумались перемыть эти кружки и сразу же поставили на стол четвёртого курса. Выпускной курс пришёл на завтрак. Начали разливать чай, а в нём хлорка плавает. И тут началось. Угломнить выпускников было невозможно. Шум, гам, нецензурная брань. Старшина выпускного батальона требует дежурного по столовой и сам наряд. Как только наряд появился на горизонте, — как иногда шутили, «в секторе обстрела», — пошли в ход те же кружки.

— Ребята, прячьтесь, иначе будет труба, — сказал дежурный по столовой и сам постарался увернуться от летевшей в него посуды. Только с приходом дежурного по училищу курс угломнили. Дежурный построил наряд, и за 10 минут всё было перемыто. Только завтрак задержали. Об этом доложили даже начальнику училища. Благо взысканий не поступило. Хотя кто-то мог оказаться и на гауптвахте...

Но как-никак это было на первом курсе, — сам себе сказал Хакимов, — а мы службу знаем. Всё будет в порядке. Главное правильно её организовать, расставив людей на важные объекты.

На четвёртый курс решил поставить двух курсантов-кадетов — Сашу Нефёдова и Игоря Агапова. Ребята прошли обучение в суворовских училищах, службу знают, хотя и за ними нужен глаз да глаз. Будем надеяться, что всё обойдётся.

Попасть в столовой на обслуживание четвёртого курса — это полная жесь. Целые сутки чувствуешь себя под непрерывным прессингом. Однако школа кадетских будней для Саши и Игоря прошла недаром.

— Где наша кадетская душа не пропадала! — друзья лукаво переглянулись. — Главное быстро всё убрать, вымыть и выкроить время для сна. Если не отдохнёшь, к вечеру можно свалиться с ног от усталости. А тут ещё дежурный Хакимов картошку заставляет чистить по-новому. Заявил: пока всю картошку не перечистите, спать никто из наряда не пойдёт.

Раньше в наряде были другие правила. Каждому человеку нужно было почистить пятидесятилитровую кастрюлю (выварку) — и ты свободен. А тут Хакимыч палку перегнул: пока наряд всё не перечистит, отдыхать никто не пойдёт. Кадеты ребята ушлые, быстро убрали и две выварки картошки начистили.

— Мы всё выполнили. Можно идти отдыхать? — обратились они к командиру.

— Нет, пока всё не будет почищено, никого не отпускаю, — стоял на своём дежурный.

Нефёдов и Агапов поняли: спать не отпустят, надо что-то придумать, и они осторожно перемигнулись между собой.

Хакимов, опытный сержант, командир отделения, перед поступлением в училище год отслужил на границе. Чтобы наряд не разбежался, он закрыл все двери в столовой на ключ. Без разрешения уйти никто не сможет. Собрав весь наряд после уборки в овощехранилище, сержант сам лично контролировал чистку овощей. Дважды пересчитав весь наряд, заметил, что нет Нефёдова и Агапова. Значит, где-то спрятались.

— Найду и накажу. Заставлю ещё три выварки перечистить, — решил Хакимов.

Обойдя всю столовую — и первый и второй этаж, он никого не обнаружил. Заглянул в котломойку и в посудомойки — и там кадетов нет. Проверил все замки на дверях — всё на месте.

— Куда же они могли подеваться? Может, выскочили из столовой и уже спят в подразделении, — усомнился командир. Оставив старшим своего помощника, Хакимов быстро поднялся в расположение батальона. Кровати курсантов были застланы, а самих кадетов нигде не было.

— Никто из наряда не приходил, — доложил дневальный. Выходит, что они всё же в столовой. Но где? Этот вопрос остро задел дежурного. Всё равно найду. А найду — тут им не поздоровится. Хакимов обошёл всю столовую ещё раз и пересчитал наряд по головам. Нефёдова и Агапова нигде не было. Как сквозь землю провалились. Сержанта это задело за живое. Картошку наряд почистил, и всех курсантов отправили спать. Хакимов выпускал всех сам лично. Ему очень хотелось узнать, где же спрятались хитрые суворовцы. Он на всю ночь остался в столовой, закрыл все замки и снова искал место лёжки хитрецов. Но всё было безрезультатно.

В 6 утра наряд стал собираться в столовую на построение. И тут, откуда ни возмись, появились Нефёдов и Агапов. Злость закипела у сержанта. Как это так, его, пограничника, обвели вокруг пальца какие-то два кадета. Но как ни пытался командир узнать, где то потайное место в столовой, куда могли спрятаться от него, Хакимова, хитрые кадеты, — всё было напрасно. Даже угроза получить по наряду вне очереди не подействовала.

И только на четвёртом курсе Хакимову удалось выпытать у Нефёдова, как обстояло дело:

— Саша, имей совесть, скажи, где вы всё-таки прятались от меня, когда были в наряде. Курсант посмотрел, хитро улыбнулся и сказал:

— Только если в чипок сводишь (в курсантскую чайную) и угостишь тортиком «Наполеон» и двумя стаканами сока, тогда скажу.

— Договорились, — согласился сержант.

За столом в чипке, с удовольствием проглатывая торт с соком, Саша рассказал.

— В столовой, на первом этаже, где принимают пищу курсанты спец. факультета, столы застланы белыми скатертями. Ножки металлических столбов внизу соединены перемычками. На них кладутся две доски, и получается как верхняя полка в плацкартном вагоне. Скатерть можно опустить чуть ниже, и она закрывает лёжку. Аккуратно ложишься на доски. Со стороны не видно. А ты там есть. Вот там мы с Агаповым и спрятались. Ты нас искал везде и проходил рядом с нами не раз, ворчал. Мы слышали твои шаги, злой голос, но молчали.

Хакимов почесал затылок и рассмеялся:

— Молодцы, здорово обдурили меня. Но что было, то было.

Время для курсантов в училище было расписано по минутам. Жёсткий распорядок дня позволял только вечером отдохнуть и привести себя в порядок. Командная машина по подготовке будущих офицеров-пограничников действовала эффективно и неукоснительно. Курсанту следовало быть осведомлённым в разных плоскостях военной науки. Одной из важнейших дисциплин в учебной программе была «Тактика ведения боя» (или «Тактика», как говорили между собой курсанты).

Тактика ведения боя — это умение разгромить противника с наименьшими потерями в ходе военной операции. Преподаватели по тактике много внимания уделяли обучению важнейшим принципам обороны и наступления. Любой военачальник должен в совершенстве владеть основными установками этого важнейшего раздела военной науки. Знать, когда нужно держать свои войска в секрете, скрывая от противника. Не вводить в бой сразу все военные силы. Не оставаться пассивным, а атаковать неприятеля с фронта и с флангов. Поставить перед собой высокую цель и направить на её выполнение всю собственную энергию и силы. Отлично ориентироваться на местности. Этому и многому другому опытные преподаватели обучали курсантов в специально оборудованных классах и в полевом учебном центре. В классах проходило изучение специальной литературы и когда-то секретных документов. Хитрости

и тонкости военной науки должны были постичь будущие офицеры на этих занятиях. Требовалось знать основы и учитывать мощь вооружённых сил своей страны и особенности сопредельных армий, знать, с кем, может быть, придётся иметь дело. Чтобы постичь стратегию и тактику передвижения войск, их манёвры и специфику, будущие офицеры изучали это не только по учебникам и документам. Офицеры-преподаватели доступно излагали учебный материал, курсанты смотрели и обсуждали документальные фильмы. Требования к тактике были высокие, проверка усвоения материала основательная.

Одним из способов проверки знаний курсантов по тактике являлся краткий письменный опрос, который в курсантской среде назывался «летучка». Она чаще всего была неожиданной, внезапной. Преподаватель предлагал один или два вопроса, на которые в течение пяти минут на бумаге надо было дать письменный ответ. Времени для размышления обычно не предоставлялось. Учитывалась полнота ответа. По итогам и выводилась оценка. О «летучке» преподаватели не предупреждали. Готов к ответу — молодец. Задумался, потерял время — оценка неудовлетворительная, передача в течение недели. Если были «неуды», выход в город запрещался. Это правило распространялось на всех курсантов и сержантов без исключения.

Особенно мудрёно было проскочить «летучку» у подполковника Барбина. Подполковник считался в училище человеком и преподавателем неординарным. «Летучки» в конце его занятий постоянно были неожиданными и нестандартными. Впрочем, как и сам Барбин. Видимо, учитывая, что перед ним строго мужской

контингент, преподаватель старался создать в коллективе непринуждённо-официальную форму общения. Его любимые поговорки, такие, как «Мочи, ковбой!», насмешливо-суровая требовательность, неповторимые, порой грубоватые обороты речи вызывали у курсантов и уважение, и настороженность.

Странный казус произошёл во взаимоотношениях курсанта Саши Полуэктова и преподавателя подполковника Барбина. Саша Полуэктов учился неплохо. Был, как говорят, крепким «середнячком». Не всегда, конечно, дела у него шли ровно. Бывают ведь всякие случаи. В прошлые выходные на дискотеке Саша познакомился с девушкой из медучилища. Понравилась. Красивая. Умная. Договорились в субботу сходить в кино посмотреть американский боевик. Пока складывалось всё удачно. На выходные в наряд не назначили. Двоек за неделю не получил. Планы реально должны были осуществиться. Мысли курсанта наполнялись картинками предстоящей встречи. До субботы оставалось два дня.

И вот в четверг подполковник Барбин «учинил летучку». Курсанты никак не ожидали такого преподавательского манёвра. Больше всех, наверное, переживал Саша Полуэктов. Саша — человек эмоциональный. В минуту особого напряжения на него вдруг обрушивались сомнения, неуверенность в себе. Сдавая работу преподавателю, он внезапно засомневался: «А может я не всё написал? А всё ли правильно?»

Если так, могут не пустить в увольнение. Пропало свидание с девушкой. Как объяснить ей это? Скажет, что он «двоечник». А ведь только познакомились.

Едва дождавшись звонка на перемену, Саша подошёл к преподавателю и вежливо спросил:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться.

— Да, обращайтесь, — ответил офицер, занятый какими-то своими мыслями.

— А когда будут известны результаты опроса? На следующем занятии через две недели или теперь? — с тревогой в голосе спросил курсант.

И по голосу, и по выражению лица было видно, что человек не на шутку встревожен. Барбина это заинтересовало:

— Почему на следующем? Я сегодня заступаю дежурным по училищу. Проверю и выставлю оценки.

— А как узнать результат? — ещё больше заволновался Саша.

Барбин насторожился.

— А вам зачем так срочно? Увольнение может сгореть? — усмехнулся подполковник.

— Так точно. Могу пролететь, если получу неудовлетворительную оценку.

В интонации курсанта чувствовалось отчаяние.

— Ладно, подойдите ко мне вечером в дежурное помещение. Часиков этак в двадцать. Скажу результат. Обрадую или огорчу — не знаю, — лукаво произнёс офицер.

— Спасибо, — с облегчением вымолвил курсант.

Весь день Саша был в напряжении. Обедать ему не хотелось. Аппетит пропал начисто. Командир отделения даже сочувственно поинтересовался, не заболел ли курсант. Однако тут же, как говорят, подлил масла в огонь, то есть ещё раз за столом повторил всему личному составу установку: кто получит «два» по контрольной — в увольнение не пойдёт.

Время до ужина тянулось медленно. Поскорей бы вечер, чтобы узнать, наконец, результаты этой злосчастной «летучки». За ужином, поковыряв гречневую кашу

и глотнув чаю, Полуэктов тут же отпросился у командира отделения и решительно зашагал к дежурному по училищу подполковнику Барбину. Входя в помещение, где находился дежурный офицер, Саша особенно чётко постарался соблюсти все требования устава ВС. Он подчёркнуто строго приложил руку к головному убору, попросил разрешения обратиться к старшему по званию:

— Товарищ подполковник, курсант Полуэктов пришёл узнать результаты сегодняшнего письменного опроса. Барбин поднял голову, выслушал курсанта и, как бы вспоминая что-то давно забытое, заговорил:

— Ах, да. Результаты «летучки»?..

Помолчал. Потом задумчиво начал что-то искать в своей офицерской сумке, изредка поглядывая на курсанта. Курсант стоял в растерянности. Правая рука нервно теребила штанину камуфляжа.

— А, вот нашёл, — не спеша произнёс офицер и строго посмотрел на курсанта. — Напомните мне, как ваша фамилия.

— Курсант Полуэктов, первый взвод шестой роты, второй батальон, — громко отрапортовал встревоженный курсант.

— Не шуми так. Голова и без того идёт кругом от этого дежурства. А тут ещё ты со своими оценками... Ах вот, нашёл. «Два» тебе.

У Саши подкосились ноги.

— Как «два»? За что? Я же всё написал. Может, только неполно. Но я же ответил на вопрос, — растерянно доказывал курсант.

— Я поставил вам «два». Значит, меня не удовлетворил ваш ответ, — равнодушно проронил полковник.

Саше терять было нечего, и он решил отстаивать своё:

— Я написал всё. Согласно уставу и инструкции. Может, не до конца раскрыл концовку. А так всё. Даже определение полностью написал.

Диалог курсанта и подполковника длился минут двадцать. Он, может, продолжался бы и дольше, но тут по специальной связи позвонил оперативный дежурный из главка. Барбин, понимая, что разговор служебный, прижал левой рукой микрофон телефонной трубки и шёпотом сказал курсанту:

— Идите в подразделение, посмотрите устав, или что там у вас есть ещё. И, если я не прав, позвоните мне и скажите по телефону: «Барбин, ты му...к». У вас есть тридцать минут. Не больше. Я пойму, и оценка будет на балл выше. Но если я прав, то в увольнение, думаю, вам месяц не ходить. Повторяю: у вас только тридцать минут в запасе.

Курсант пулей помчался в подразделение. По пути Саша встретил кадета Олега Бурякова, отличника боевой и политической подготовки.

— Олег, друг, выручай. Спор с Барбиным по тактике. Я ответил на вопрос вот так. Правильно? — запыхавшись, выпалил Саша. Кадет внимательно выслушал сослуживца и не спеша начал повторять то, что сказал ему Полуэктов.

— Значит, я прав? — переспросил Саша, не в состоянии оставаться на месте.

— Да, вроде бы всё так. Только ответ неполный, — подтвердил Олег.

Поблагодарив Олега, Саша бросился пулей на второй этаж. Там он встретил Егора Кускова, земляка из Белоруссии.

— Егор, послушай. Сегодня по тактике писали «летучку». Я дал такое определение. Скажи, правильно?

— Да, всё верно. Только можно дополнить, — и Егор стал перечислять недостающие положения инструкции.

— Спасибо, — на ходу крикнул Саша, и, вбежав в расположение взвода, остановился у поста дежурного по батальону. Рядом с дневальным находился телефон для связи с другими подразделениями. Саша пристально посмотрел на телефон, потом на дневального. Дневальным по «тумбочке» (так условно называлось место дежурства) был Лёша Киреев. Он стоял, уставившись в одну точку. Всё, что происходило вокруг, его не волновало. Беспокоило только одно: впереди бессонная ночь на дежурстве.

— Лёха, друг, мне надо срочно позвонить, — обратился Саша к дневальному, глядя на часы. Тридцать отведённых минут вот-вот истекут.

— Кому ты собрался звонить на ночь глядя? — буркнул Лёха.

— Барбину. Он сегодня дежурит по училищу.

— Барбину? Ты с ума сошёл? — вытаращив глаза, удивился дневальный. — Ладно, звони. Но ответственность вся на тебе. Я ничего не знаю.

Саша взял в руки телефонную трубку, и вдруг его осенило:

— Слушай, Лёха, ты на самоподготовке шпаргалку писал. Я видел. Дай посмотреть. Никому не скажу. Мне надо быть абсолютно уверенным. С Барбиным просто так не поспоришь. Он человек принципиальный.

— Ладно, только никому, — и Лёша Киреев достал из блокнота клочок бумаги с записями, сделанными мелким почерком.

Саша прочитал шпаргалку и обрадовался:

— Точно, я прав. Только не полностью раскрыл вопрос.

Он набрал нужный номер и услышал:

— Барбин, 200.

— Товарищ подполковник. Это курсант Полуэктов. Я только что был у вас по результатам «летучки». Я почти прав.

В трубке молчание, а потом голос Барбина:

— Я как вам велел сказать? Отвечайте!

— Барбин, вы м...к, — дрожащим голосом пробормотал курсант. Воспитание всё же не позволило «тыкать» старшему по званию.

Подполковник выслушал и, чуть помедлив, сказал:

— Я вспомнил ваш ответ. Слабо. Но раз вы так отчаянно настойчивы... Я был уверен, что вы не позвоните. Так уж и быть: ставлю вам «три». Авансом. И добавил свою любимую фразу: «Мочи, ковбой!»

ИНЖЕНЕРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ И СПОРТ

17

Шло занятие по самоподготовке к очередной контрольной по применению инженерных сооружений при защите границ. Для защиты и охраны государственной границы используется не только личный состав войск, оперативные силы и средства,

но и инженерные сооружения, заграждения и даже животные.

В состав инженерного оборудования входят радиолокационные станции, систематические датчики, стационарные и мобильные станции наблюдения.

Всё это оборудование работает в самых сложных погодных условиях одинаково эффективно как днём, так и ночью.

Возможности современной техники таковы, что те же датчики способны не только вскрыть факт преодоления охраняемого рубежа потенциальным нарушителем, но и определить место с точностью до нескольких метров, установить направление движения, идентифицировать как одиночного нарушителя, так и группу злоумышленников, определить наличие у них оружия.

Постоянно совершенствуются и принимаются на вооружение новые приборы, датчики, системы и комплекты, дающие возможность осуществлять сигнализационное прикрытие протяжённых участков границы, периметров и локальных зон и объектов, используется возможность системы видео- и тепловизионного наблюдения.

Внедрение техники такого класса позволяет повышать надёжность охраны границы и мест дислокации военных подразделений.

Этому всему в военном училище терпеливо и настойчиво обучают курсантов. Они должны чётко представлять себе все инженерные сооружения, используемые на границе, знать их технические данные и возможности. Офицерам-пограничникам застав надо уметь грамотно применять всю эту технику при охране границ.

В учебных аудиториях смонтированы макеты, которые помогают будущим защитникам границы выработать навыки использования их на практике.

Игорь Липницкий признавал достоинства своей будущей профессии, но терпеть не мог цифр, всяких технических характеристик, частных тонкостей. Сидя в аудитории, он лениво перелистывал учебники под грифом «Секретно», рассматривая картинки радиолокационных и прожекторных станций. Преподаватель на предыдущем занятии предупредил, что будет либо «летучка», либо опрос по всей теме. Заметил, что следует обратить больше внимания на технические характеристики, приведённые в примечаниях. Курсанты знали: поблажек не будет никому.

Однако всё это как-то не укладывалось в сознании курсанта Липницкого. Учить не хотелось. Он смотрел в окно, где синичка, примостившись на краю подоконника, своим маленьким клювиком стучала по стеклу, вылавливая мошек. Запоминать многочисленные цифры было тоскливо.

— А может, мне пойти в библиотеку? Там позаниматься, — мелькнула спасительная мысль.

У курсантов была возможность посещать библиотеку во время самостоятельной подготовки. На первом курсе передвижение разрешалось только в сопровождении сержанта. А позже можно самостоятельно, без младшего командирского состава. Но обязательно требовалось получить разрешение. Мысль о библиотеке возникла неожиданно, и Игорь сразу же взялся за её воплощение. Был он человек решительный. Не любил разумные идеи оставлять на потом. Тут же Липницкий обратился к помощнику командира отделения:

— Товарищ сержант, разрешите продолжить подготовку в библиотеке.

— Липницкий, ты обалдел? Надо готовиться по спецучебникам. Причём здесь библиотека? Завтра будет серьёзный опрос, — возмутился сержант.

— Да ничего страшного. У меня уже есть оценки. Не вызовут. Дважды снаряд в одну воронку не падает, — уверенно, с оттенком бахвальства отозвался курсант.

— Смотри, дело твоё. Если получишь «неуд», вместо увольнения в наряд пойдёшь. Сам походатайствую перед командиром взвода капитаном Григорьевым.

Получив разрешение, курсант Липницкий направился из учебного корпуса напрямик в библиотеку, которая находилась в другом здании. Идти по знакомому коридору до библиотеки было привычно. Игорь частенько умудрялся прятаться в библиотеке от обременительных дел.

Там можно было окунуться в удивительный мир фантазии авторов художественных рассказов, прочитать о героях-пограничниках, подвигах воинов в годы Великой Отечественной войны. Сам он мечтал о воинской службе. После школы дважды поступал в Минское зенитно-ракетное училище, но безрезультатно. Пошёл служить в армию и попал в пограничные войска. Служил он в Калининградском пограничном отряде, на пятой заставе, под городом Багратионовском.

Через год после начала службы к нему на заставу приехали дед и отец. Оказывается, родной брат его деда воевал в этих местах в Великую Отечественную войну и здесь погиб. Поисковые отряды обнаружили захоронения советских солдат и установили личности некоторых, в том числе и двоюродного деда. Пригла-

сили родственников на торжественное перезахоронение и открытие памятника. Оказалось, что это рядом с заставой, где теперь проходил службу рядовой Игорь Липницкий. Начальник заставы дал солдату выходной и отпустил в увольнение до вечера.

Присутствие на торжественном митинге задело парня за живое. Он смотрел на отца и деда и видел, что они еле сдерживали слёзы. Через много лет родственники узнали, как воевали их отцы и деды, узнали, как они героически сражались и где похоронены.

Проходивший мимо офицер отвлёк курсанта от его воспоминаний. Машинально отдав честь старшему по званию, курсант мысленно вернулся к инженерной подготовке. Много там, конечно, интересного и нужного. Любопытно, что наравне с новинками техники в строю у пограничников остаются старые, проверенные временем устройства. К примеру, ничто так не поможет визуальному наблюдению над морской поверхностью, как мощный прожектор. Видимый луч света, который способен излучать прожектор, достигает десятков морских миль. О технике, прошедшей испытания временем, много сказано в учебниках. И сегодня эти технические средства, технологии и опыт, накопленный годами, по-прежнему востребованы на пограничной службе. О контрольно-следовой полосе — распаханном вдоль государственной границы участке земли — знает всякий, кто смотрел фильмы о пограничниках. Неудивительно, что эта система порой не менее эффективна, чем электронные устройства. Опытный взгляд специалиста по обнаруженному следу может распознать не только количество нарушителей, но их пол, рост, возраст. Игорь вспомнил, что по-прежнему востребованы на границе и животные.

Применение служебных собак значительно повышает эффективность во время задержания нарушителей, обнаружения контрабанды, наркотических средств, оружия и взрывчатки.

В читальном зале Игорь взял любимый журнал «Пограничник» и стал перелистывать его. На глаза попала статья о четвероногих помощниках пограничника — служебных собаках.

Курсант вспомнил, что ещё в детстве и позже он много читал о знаменитом пограничнике Никите Карацупе. Герой Советского Союза Никита Фёдорович Карацупа с помощью служебных собак задержал 338 нарушителей границы и уничтожил 129 шпионов и диверсантов, не пожелавших сложить оружие. Однажды он обезвредил целую банду из девяти нарушителей, имея в помощниках только друга — собаку. Более двух десятков лет прослужил Никита Фёдорович на границе. Не раз он терял своих питомцев. Кстати, каждого вновь взятого на воспитание щенка он называл одной и той же кличкой — Индус.

Для передвижения пограничных нарядов и повышения маневренности подразделений при выполнении оперативных задач — особенно на труднодоступных участках границы и участках большой протяжённости — применяется и конский состав.

А было время, когда службу на границе несли и голуби. Это был своего рода «прообраз телефонной связи», помогающий быть в курсе ситуации на отдельных заставах. Голуби исправно служили до самого появления более современных средств коммуникации.

Всё это вспомнилось Игорю, пока он листал журнал «Пограничник». Жаль, что время пробежало так быстро. Глядишь, и пора бежать на построение

перед ужином. Если опоздаешь, в библиотеку больше с самоподготовки не отпустят.

На следующий день занятия проходили в системном режиме: «Тактика пограничных войск», «Иностранный язык» и «Инженерная подготовка». Преподаватель, как обычно, вошёл в учебный класс, выслушал доклад замкомвзвода и приступил к устному опросу.

— Итак, раскройте технические характеристики радиолокационной станции, — прозвучал голос преподавателя. Офицер чуть помедлил и произнёс:

— Отвечать пойдёт курсант Липницкий.

Курсант не поверил своим ушам: «Как это я? Я же недавно отвечал. Не может этого быть».

— Я не готов, — сухо сказал курсант и искоса посмотрел на командира отделения. Тот жестом показал: «Ну, парень, тебе крупно не повезло».

— Садитесь. Оценка «два», — продолжил офицер.

Игорю было уже не интересно, что дальше происходило на занятиях. Он понимал, что в конце недели капитан Григорьев ознакомится с успеваемостью своих подопечных — и приятного будет мало. Времени на исправление не оставалось.

После занятий Игорь Липницкий заглянул в журнал. Против его фамилии красовался «неуд».

— А что если оценку «два» переправить на «три»? В школе у меня это проходило. Родители не догадывались, — мелькнула мысль.

Выбрав минутку, когда замкомвзвода отошёл, а журнал остался лежать на столе, Игорь взял ручку с нужным цветом стержня и дорисовал на «двойке» крохотный хвостик. Получилась почти идеальная «тройка».

— Должно пройти. Вроде бы незаметно. Будем надеяться, что никто не догадается. Всё будет

шито-крыто, — успокаивал себя «нечаянный правонарушитель».

В пятницу перед выходными командиры каждого взвода проверяли успеваемость своих курсантов. Делалось это скрупулёзно и квалифицированно. Если были неудовлетворительные оценки, увольнение не полагалось.

Капитан Григорьев, как всегда, затребовал журнал и стал проверять оценки курсантов своего взвода. Глаза офицера сами собой задержались на какой-то непонятной «тройке» против фамилии курсанта Липницкого по предмету «Инженерное обеспечение».

Пришлось звонить на кафедру и выяснять у коллеги, что за непонятная цифра «три» стоит у курсанта в журнале. Пообщавшись с преподавателем, командир взвода понял, что оценка «три» — это исправленная «двойка». Но кто это сделал? Надо раскрыть подобное жульничество.

Григорьев распорядился пригласить в канцелярию курсанта Липницкого... Игорь не предполагал даже, что проделка его будет обнаружена. Настолько он был уверен в своём мастерстве фальсификатора.

В приподнятом настроении он спросил разрешения войти в канцелярию. Ничто не предвещало неприятностей. Командир взвода капитан Григорьев, высокий, худощавый мужчина, всегда спокойный, пристально посмотрел на вошедшего курсанта и начал разговор как-то издали:

— Как учёба? Какие проблемы? Может, есть просьбы, пожелания?

— Меня всё устраивает. Всё нравится, — без всякой задней мысли ответил курсант. Но что-то в выражении лица взводного встревожило Игоря.

Взводный просто так интересоваться не будет. Дальше последовал вопрос, как говорится в лоб:

— Какую оценку вы получили по предмету «Инженерная подготовка»?

Игорь догадался, что афера его раскрыта, и решил: надо честно признаваться.

— «Два», — виновато произнёс Игорь.

— А почему в журнале «три»?

— Я исправил оценку. Очень хотел сходить в увольнение.

— Думаю, после всего этого вы в увольнение месяца два не сходите. А пока в субботу заступайте в наряд по кухне. И предупредите о моём распоряжении замкомвзвода. Всё понятно? Выполняйте.

— Есть. Так точно, — виновато произнёс курсант.

Но случилось непредвиденное. После выходных капитана Григорьева вызвал к себе замполит батальона подполковник И.И. Шевчук.

— В училище через две недели будут проходить соревнования по гиревому спорту. У вас во взводе, я знаю, есть курсант — фамилию его я не помню, — который успешно занимается гирями, — сказал подполковник.

— Так точно, есть такой курсант. Липницкий Игорь. Хороший спортсмен, — пояснил Григорьев.

— Комбатом поставлена задача: мы должны занять первое место. Не какое-нибудь там второе, а именно первое, — решительно заявил замполит. Делайте, что хотите. Освободите его от нарядов. Отпустите с самоподготовки. Пусть тренируется столько, сколько надо. Первое место должно быть у нашего батальона. Три раза проходили соревнования, а мы ни одного приза не взяли. Под вопросом репутация батальона. Всё ясно?

— Так точно. Займём только первое место и никакое другое, — пообещал капитан Григорьев хмуро.

А сам подумал:

— Липницкий, конечно, хороший спортсмен. Но разгильдяй чистейшей воды. Это же надо: додумался оценку себе подрисовать. Ну точно как ребёнок. Впрочем, я и сам в школе, случалось, грешил этим. Даже учитель, который ставил «неуд», не мог отличить свою оценку от моей.

Разные мысли тревожили взводного. Наказать следует. Но честь батальона превыше всего. Как тут поступить? Решено: пусть исправит свой бесчестный поступок достойным спортивным результатом.

Поставив задачу курсанту, капитан Григорьев его подготовку к соревнованию взял под личный контроль. Игорь тоже понимал, что, если не займёт первое место, точно два месяца в город не выйдет. А может и больше? Взводный — человек справедливый и упорный. Если сказал, что будет первое место, значит, должно быть. Он от своего не отступится.

А если я первый на пьедестале — все вопросы снимутся. Комбат всегда за первое место поощрял победителей. Внеочередным увольнением, благодарностью. Придётся упорно тренироваться.

В гиревом спорте важно не только, сколько раз ты поднял снаряд (гирю), но в какой весовой категории ты выступаешь. С поднятием гири проблем нет. А вот с весом надо срочно уточнить, может, пару килограммов придётся сбросить. После взвешивания масса Игоря составила 65 кг и 120 г. Вот незадача! В весе до 65 будут выступать не очень именитые и сильные курсанты-спортсмены. А в категории выше есть мастер спорта. Там о первом месте мечтать

не приходится. Надо срочно сгонять вес. Бегать кроссы, меньше есть за ужином. Жаль только, что осталось мало времени. Но репутация батальона превыше всего. Да и виноват всё же.

Игорь забыл про учёбу. Еду ограничил до минимума. Ежедневно по две тренировки. Иногда после продолжительного бега чувствовал усталость и головокружение. Ладно, скорей бы пройти контрольное взвешивание, а там в чайной отъежусь вволю. К соревнованиям курсант Липницкий был готов. Его весовая категория оказалась такой, как надо. Выступая последним, Игорь не щадил себя. Отдал все силы для победы. Делая рывки один за другим, чувствовал страшную усталость, но не сдавался. Он уже обошёл всех соперников. Надо идти на рекорд. Рекорд училища — это здорово! Только одна мысль держалась в голове.

И вот конец. Гирю надо поставить на стеллаж. В глазах туман. Ноги как ватные. Но рекорд есть!

Все подходят и поздравляют. Он, Игорь Липницкий, занял первое место и установил новый рекорд училища в своей весовой категории.

Комбат поздравил чемпиона перед всем личным составом, объявил внеочередное увольнение.

Курсант Липницкий стал первым рекордсменом и до окончания училища никому не позволил себя победить. В мае 1990 года на соревнованиях по гиревому спорту среди вооружённых сил общества «Динамо» он занял второе место, поднимая 32 кг при личном весе 59 кг. Выполнил норматив кандидата в мастера спорта...

В училище бережно сохраняются и приумножаются чекистские и боевые традиции. Одна из них — это участие в военном параде.

27 июня 1945 года на Красной площади состоялся Парад Победы в честь разгрома фашистской Германии. Вместе с фронтовиками впервые в парадном строю торжественно прошли по московской брусчатке курсанты училища. Этой чести тогда и в настоящее время удостоиваются только лучшие из лучших. Участие в параде вызывает у курсантов чувство гордости и требует особой ответственности. Участвуя в парадном расчёте, каждый курсант представляет не только себя и своё училище, но и всех тех граждан нашей большой страны, которые носили и по сей день носят на плечах зелёные погоны, охраняли и охраняют мир и спокойствие родины.

Любой человек, наблюдая за парадом воочию и по телевизору, восхищается чёткостью и слаженностью всего действия и каждого его участника. Военные расчёты, словно единый монолит, перемещаются по неровной брусчатке Красной площади. Поразительная организованность, выдержанная дистанция в строю наполняют сердца людей чувством гордости. В такт звукам оркестра военная мощь страны обретает ещё более несокрушимую силу. При этом непроизвольно вспоминаются мудрые слова известного новгородского князя Александра Невского: «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет».

Понятно, что эта гармония строя достигается упорными тренировками и требует немалой физической нагрузки и моральной выдержки. Занятия строевой подготовкой начинаются за два месяца до проведения торжества. Происходит это следующим образом: курсантов всех курсов, кроме первого, выстраивают по росту на строевом плацу. Потом отделяют по двадцать пять человек. Так формируются шеренги. Для участия в параде в шеренге должно быть двадцать курсантов. Отбирают больше, чтобы была конкуренция и желание по-настоящему проявить себя в строевой подготовке. А в целом в парадном расчёте училища принимают участие два батальона, в каждом из которых по десять шеренг. Всего четыреста курсантов.

Впереди идёт начальник училища, за ним знаменная группа, офицеры подразделений и курсантские коробки. Таков порядок каждого военного подразделения.

После распределения курсантов по местам начинаются каждодневные строевые тренировки. Два часа на плацу с двадцатиминутным перерывом. За этот небольшой перерыв надо успеть выпить горячего чая с дополнительным пайком и перекурить.

Первые две недели тренировки индивидуальные. Шеренги делят на квадраты, и курсанты чеканят строевой шаг по периметру плаца. Ответственный офицер пристально наблюдает за каждым. Филонить не приходится.

Если кто-то шагает лениво, офицер делает предупреждение. Три замечания — и выводят из парадного расчёта. Индивидуальная строевая подготовка каждого участника важна для общего прохождения колонны. Курсант должен двигаться по плацу с высоко поднятым подбородком, плечи расправлены, живот

подтянут, а нога поднимается не менее чем на тридцать сантиметров от земли. Носок сапога строго вытянут вверх. В таком положении нужно маршировать всё отведённое время. Есть и музыкальное сопровождение. Два солдата военного оркестра чётко выдерживают ритм, определяют под звуки большого и малого барабанов движение парадного расчёта.

Определив лучшую двадчатку, формируют шеренги. В дальнейшем движение идёт только по одной линии и в новом составе. Каждый должен видеть грудь рядом стоящего четвёртого человека, не выпячиваться и не отставать. Иначе будет ломаться строй. Это долгая и кропотливая работа, направленная на достижение единообразия в движении, чтобы шеренга из двадцати человек двигалась ровно как по натянутой струне.

Тренировки проходят ежедневно, но учебный процесс в училище не прерывается. С утра занятия, а после обеда строевая на плацу. На подготовку к учебным занятиям это не должно влиять. Оценки преподаватели ставят безжалостно. Невзирая на тренировки. Если не готов по предмету — оценка «2», и увольнение пропало. Единственное послабление — это то, что парадный расчёт не ставят в наряд. Если же провинился, можно загреметь и в наряд. И даже в выходные. А это жестоко-сердечно! Отдых же ждёшь с надеждой и нетерпением.

Егор попал в восьмую шеренгу второго парадного батальона. Первым стоит правофланговый. Этот курсант следит за дистанцией, за идущими впереди, и на него равняется вся шеренга. В данной шеренге правофланговым был Слава Симаков. Второй по расчёту — Сергей Дьяченко, а третьим — Егор. Курсанты должны держаться в шеренге строго друг возле друга и даже соприкасаться локтями. Эта сцепка позволит, если вдруг кто оступится,

поддержать товарища на весу и сохранить строй. Егор уверенно упирался левой рукой в локтевой замок старшего сержанта Дьяченко. Физически крепкий парень, Сергей был старше Егора на четыре года. Он успел отслужить срочную службу в пограничных войсках. Когда демобилизовался из армии и приехал домой, долго не мог найти себе место работы. Его мучил вопрос: кем быть дальше, куда идти работать? Служба в армии, должно быть, оставила след в его душе, и он твёрдо решил поступать в пограничное военное училище. Пришлось основательно посидеть за учебниками, посчастливилось успешно сдать экзамены. И вот он, Сергей Дьяченко, заместитель командира взвода в пятой роте второго батальона. И здесь со всеми в строю.

Между тем подготовка к параду шла полным ходом. Страна ждала праздника, курсанты — торжественного выступления на параде.

Парадный расчёт училища уже входил во вторую фазу подготовки к торжественному мероприятию. Курсанты оттачивали строевой шаг не только в составе шеренг, но и в составе батальона.

Значимая роль в чётком прохождении колонн отводилась правофланговым, тем, кто шёл с краю, ближе к мавзолею. На них равнялись все двадцать человек. Перед правофланговыми ставилась важная задача — соблюдать дистанцию. По военной терминологии правофланговых называли направляющими. Во время движения направляющий шёл в строю и смотрел прямо. Все остальные — с головой, повернутой направо, — равнялись на него. Одним глазом надо смотреть на правофлангового, а другим — вперёд, чтобы не наступить на ноги впереди идущего. Сложно, но всё достигается упорными ежедневными тренировками.

Ещё одна из обязанностей направляющего — это во время перерывов проверять внешний вид курсантов и «поднимать боевой дух» вверенной ему шеренги. Все подчинялись его замечаниям, и никто не смел возражать.

Одним из правофланговых был Миша Иванов, парень родом из посёлка Андреевка Московской области. Он был направляющим девятой шеренги. В один из дней на тренировку курсантов приехал генерал, начальник училища. После дополнительного перерыва был построен парадный расчёт. Поступила команда всем старшим шеренги проверить внешний вид личного состава, и каждый правофланговый приступил к выполнению своих обязанностей. В их числе и курсант Иванов. Миша по натуре был человек обстоятельный, уравновешенный, все свои действия планировал и осуществлял не спеша. Одним словом, по характеристике психолога — типичный флегматик. Проверяя внешний вид курсантов своей шеренги, он чётко отдавал команды: кому затянуть поясной ремень, кому подтянуть живот. Кому поправить фуражку или ослабить резинку, державшую головной убор, чтобы не сдавливала мышцы лица, а кому-то расправить плечи и не сутулиться. Свои обязанности Миша выполнял неторопливо и обстоятельно.

Правофланговый Иванов ещё не прошёл и половину шеренги, когда к нему подбежал заместитель начальника училища и начал кричать:

— Товарищ курсант, что за беспорядок вы тут создаёте? Почему не в строю? Кто командир батальона?

— Выполняю ваше распоряжение. Проверяю внешний вид вверенного мне личного состава. А комбат — полковник Малий, — спокойно ответил Иванов.

Услышав невозмутимый ответ курсанта, полковник обозлился ещё больше и грозно скомандовал:

— За мной к трибуне марш!

Правофланговый девятой шеренги Миша Иванов так и не понял, что от него хотят. Но приказ есть приказ, и он не спеша пошёл за разгневанным офицером.

На трибуне стоял начальник училища и готовился произнести речь. Полковник подвёл курсанта к генералу и оттаптал:

— Товарищ генерал, разрешите обратиться. В то время как вы выступали, этот курсант ходил вдоль шеренги и не слушал команды.

Недовольный, что его отвлекли, и ничего не понявший, начальник училища раздражённо бросил:

— Уберите его отсюда!

Полковник, удовлетворённый собой, громко скомандовал:

— Товарищ курсант, бегом марш в подразделение. Сдать оружие. Отстраняю вас от тренировок. Доложите командиру батальона.

— А что я сделал? В чём виноват? — удивлённо спросил растерянный курсант.

— Вы мне ещё грубите? Я вас на гауптвахту отправлю. Но позже. Сейчас не до вас. Марш в подразделение! — ещё больше разъярился полковник.

Расстроенный курсант Иванов направился в казарму. Сдал оружие дежурному. Настроение было вконец испорчено. Мысли возникали невесёлые. В чём он виноват? Да ещё «на губу» отправят?

Однако надо идти к комбату и доложить о ЧП. У дневального Миша спросил, кто из командования на месте. Дневальный, позёвывавая после бессонной ночи, заглянул в журнал и равнодушно буркнул:

— Все на месте. Даже командир батальона там.

Обдумывая предстоящий неприятный разговор, Миша Иванов брёл в направлении канцелярии и всё не мог понять, за что его наказали.

— А может сначала ротному доложить? — подумал он.

Зайдя к командиру шестой роты, он подробно доложил о случившемся во время тренировки. Майор Подсидерцев внимательно выслушал курсанта и сказал:

— Пойдём к комбату. Там расскажешь всё сам. Думаю, он поймёт.

В кабинете полковника было душно. Курсанты редко бывали в этом помещении. Только если случилось что-то необычное. По общему мнению, это была запретная зона, и заходить в неё было небезопасно. Короче, курсанты старались всячески обходить стороной данный кабинет. Знали: комбат — человек строгий, но все соглашались — справедливый.

Полковник Малий и майор Подсидерцев выслушали курсанта. В кабинете воцарилась недобрая тишина. Минут пять комбат думал, молча смотрел то на ротного, то на курсанта. Потом взял трубку внутреннего телефона и набрал номер приёмной начальника училища. Услышав, что первый у себя, он отправил ротного и курсанта заниматься по распоряжку дня.

Позже, стоя у окна, Миша увидел, как полковник Малий быстрым шагом пошёл в сторону главного административного корпуса училища.

— Всё. Закрутилось. Точно на гауптвахту попаду. Вряд ли нарядом вне очереди отделаюсь, — горестно подумал без вины виноватый курсант.

Через час в учебный класс второго взвода шестой роты прибежал дневальный с распоряжением:

«Курсанту Иванову срочно к командиру батальона!». В классе все сочувственно посмотрели на Мишу. Кто-то даже попытался поддержать его, но мысли у всех были невесёлые.

Комбат указал курсанту на стул и начал разговор.

— Видишь ли, Миша, неприятная история произошла. Генерал пришёл проверить тренировку. Выступает перед парадным расчётом, а ты ходишь внутри строя. Понимаю: ты не слышал команды «Смирно!». Наказать тебя я должен. В этом я с начальником училища согласен. Но наказать не за то, что ходил и проверял внешний вид личного состава, а за то, что был невнимателен, не услышал команды.

Пограничник обязан всегда держать ухо востро и нос по ветру. Как же ты будешь охранять границу, если ты здесь не услышал команды. Бдительность, сноровка, внимание — для пограничника главное! Этому мы здесь учим вас. На границе будет сложнее во много раз. Граница ошибок не прощает.

Правильно, что ты заботаешься о своей шеренге. Нужно уважать солдата. Ты, как будущий командир, обязан беречь его. И если посылаешь в наряд, то должен быть на сто процентов уверен в безопасном несении службы. Ну а если твой подчинённый попал в плохую историю и даже если он виноват, ты обязан защитить его. Отмазать, как говорится. Но сам после этого семь шкур с него сними, чтобы он осознал ошибку и на всю жизнь запомнил. Иначе грош цена нам, командирам. Ты понял меня, сынок? — изменил тон разговора полковник. — Завтра пойдёшь на тренировку и станешь на своё место в строю парадного расчёта. И впредь будь внимателен всегда и во всём, в том числе и к своим подчинённым.

— Так точно. Понял, товарищ полковник. Спасибо. Ваши слова запомню на всю жизнь, — радостный и счастливый, курсант выбежал из кабинета.

«Хороший офицер будет. Настоящий русский мужик», — подумал полковник.

Да, комбат своих подчинённых не бросает. Но ведь могла и не так благополучно для курсанта Иванова закончиться эта история.

Этот разговор с комбатом пронёс через всю воинскую службу курсант, а в будущем полковник ФСБ Михаил Иванов. В различных боевых и жизненных ситуациях заботился он первым делом о бойцах, а потом уже о себе. Знал, что солдата нужно беречь, живого и невредимого вернуть родителям. А если придётся идти с ним в бой или смотреть смерти в лицо, то быть рядом, а не в сторонке...

Тренировки продолжались. Курсанты проходили торжественным маршем в полном составе. Начались масштабные репетиции уже в составе Московского гарнизона. На взлётной полосе аэродрома выстраивался весь парадный расчёт: офицеры академий, курсанты, суворовцы, десантники, морские пехотинцы... Моделировалась вся постановка парада от начала до конца. Проходили боевым порядком в строгой очерёдности по ровной поверхности взлётного поля.

На гарнизонных тренировках формировались и свои традиции. Например, слушатели академии имени Гагарина всегда приветствовали командой «Смирно!» курсантов-пограничников. А те в свою очередь отвечали им торжественным прохождением с равнением направо. Удивительно, но эта традиция сохранялась более десяти лет. Кто именно её ввёл, в училище не помнят. Но на каждой гарнизонной тренировке подоб-

ное приветствие присутствовало. Традицией гордились как офицеры-лётчики, так и курсанты-пограничники.

На ровном взлётном поле пройти ровным строем несложно. Но надо бы приучить людей и к неровностям старой Красной площади. Пройти по брусчатому камню и выдержать строй — не так-то просто. Несколько раз командованием были организованы ночные тренировки.

Время ближе к полуночи. Войска московского гарнизона выстроены на Красной площади. Прожекторы освещают Кремлёвскую стену и мавзолей. Всё кругом залито светом. Звучит команда «Смирно!», и из Спасских ворот выезжает командующий. Стоящие на брусчатке участники парада, охрана и наблюдатели — все замирают. Каждый ощущает себя важным и значимым лицом в этом мероприятии. Перед каждым стоит серьёзная задача — пройти чётко, синхронно и не нарушить строй. Командующий приветствует всех участников, а они отвечают троекратным «Ура!»

Далее по сценарию начинается прохождение. Парадные расчёты двигаются друг за другом. В какой-то момент Егор случайно оступается на неровности. Чувство локтя и поддержка товарищей срабатывают автоматически. С двух сторон его подхватывают товарищи, не давая возможности выскокить из шеренги.

— Егор, земляк, что случилось? — сочувственно спрашивает Сергей Дьяченко.

— Оступился. Случайно, — испуганно отвечает Егор.

— Ты будь аккуратен. Иначе подведёшь не только училище, но и всех погранцов, — укоризненно замечает Сергей.

Разговор быстро прекратил правофланговый Слава Симаков:

— Строй держать! Разговоры прекратить!

На трибуне мавзолея не заметили шероховатости в строю пограничников, но в училище Егор получил нагоняй от направляющего Симакова.

Наступает день парада. Войска московского гарнизона построены на Красной площади для торжественного прохождения. Весь мир следит за этим мероприятием. Парадные расчёты с гордостью проходят, приветствуя руководство страны и приглашённых гостей. И только миновав мавзолей, курсанты слышат команду «Вольно!» Все облегчённо вздыхают. Курсанты старших курсов поздравляют тех, кто впервые принимал участие в параде. Приветствуют фразой: «С крещением, мужики! Так держать!»

Покидая площадь, парадные расчёты растворяются в московских улочках, где их ждут машины.

На одной из таких улиц в окне второго этажа виден маленький мальчик в камуфляже защитного цвета. На плечах у него погоны «ПВ», а на голове миниатюрная пограничная фуражка. Он торжественно приветствует парадный расчёт пограничников, приложив правую руку к головному убору. Очевидно, отец мальчика был пограничником и в том же духе воспитывал сына.

Офицер первой коробки подаёт команду «Смирно!», и весь расчёт, как на параде, переходит на строевой шаг. Парад окончен. Чувство гордости переполняет каждого. В сознании рождается мысль: «Мы это сделали. И нами гордится страна». И теперь уже вспоминаются не долгие тренировки, усиленные физические нагрузки. В сознании остаётся гордость за слаженность коллектива и чувство удовле-

ствия от того, что посчастливилось принять участие в таком грандиозном празднике страны. Это состояние души осталось на всю жизнь. Через годы, через расстояния каждый участник памятного торжественного парада, увидев по телевизору или воочию подобный парад, вспоминает себя, тогдашнего, гордого и счастливого.

Курсантам второго батальона за время обучения в училище выпала честь четыре раза пройти торжественным маршем по Красной площади:

- 7 ноября 1987 года;
- 7 ноября 1988 года;
- 7 ноября 1989 года;
- 9 мая 1990 года.

Много раз курсанты принимали участие в торжественном прохождении рот почётного караула в Александровском саду у могилы Неизвестного солдата.

МАРШ НА ДЕСЯТЬ КИЛОМЕТРОВ

19

Традиций в пограничном училище было немало. Их чтили, уважали и соблюдали. Одна из этих традиций — каждое воскресенье спортивный праздник. Формы проведения праздника различные: кросс, марш-бросок, марш на десять километров. Марш-бросок проводится один раз в месяц, а марш на десять

километров — раз в год или в полгода. Это важное, серьёзное и трудное мероприятие.

И вот подошло такое время. В очередное восхождение марш-бросок на десять километров, да ещё зимой, на лыжах.

Декабрь. Подмосковье. Парк Челобитьево. Это место проведения праздника. Ночью в лесу выпал снег. Деревья принарядились в белоснежные одеяния. Солнце по-зимнему холодно и ярко сияет на небе. Мороз, как по заказу, ночью усердно потрудился. Скрипел настом недавно выпавший снег, и лыжня получилась на славу.

Личный состав прибыл к месту назначения точно по расписанию. Выгрузившись из машин, второй батальон разместился повзводно. Командиры всех уровней проверяли готовность курсантов к мероприятию.

Предстояло пройти на лыжах десять километров в полной боевой выкладке. Хозяйственная часть готовила местность к предстоящему действию: развернули пункт питания, медицинскую точку, место для обогрева — на всякий случай.

Марш был серьёзным испытанием для всех. Пройти десять километров в полной боевой выкладке — это не шутка. В боевую экипировку входили табельное оружие, сумка с магазинами для патронов, противогаз и укомплектованный вещмешок. Шли на армейских лыжах. А ведь многие из курсантов до поступления в училище видели снег только в горах, а на лыжи стали, когда надели курсантские погоны. Офицеры настраивали подчинённых на необходимость сконцентрировать максимум физических и моральных сил. Ведь результат взвода, роты, батальона зависит от результата и выдержки каждого курсанта.

Личный состав каждого взвода стартовал одновременно, и на финише учитывалось время по последнему курсанту. Потерь не должно быть. Если кому-нибудь станет плохо или он будет выбиваться из сил, поможет взаимовыручка внутри коллектива. Поддержать своего сослуживца в трудную минуту — долг и обязанность каждого. Так воспитывалась в будущих офицерах готовность подставить плечо товарищу в нужную минуту. Чтобы подчеркнуть близость ситуации к боевой обстановке, использовалась маскировка. Всех курсантов переодели в халаты белого цвета. Ведь на границе маскировке всегда уделялось особое внимание. Охранять рубежи родины, применяя смекалку пограничника, и быть незаметным — это главное, что должны были усвоить курсанты в течение всех лет учёбы.

Стартовали повзводно. Второй взвод пятой роты получил команду «На старт!» Командир взвода капитан Медведев шёл впереди, а курсанты за ним друг за другом. Замыкали строй командиры отделений и замкомвзвода старший сержант Мороид. Сержант Владимир Ивановский, командир второго отделения, шёл за своими подчинёнными последним. Володя — человек крепкого телосложения, ростом под два метра, сильный, закалённый. Парень из белорусской глубинки, он жил и учился в городе Мозыре. После школы окончил техническое училище, служил в армии в пограничных войсках. Служба прошла в Средней Азии на пограничной заставе, в горах. Там и родилась мечта стать офицером-пограничником. Был Владимир Ивановский требовательным командиром. И требовательным в первую очередь к себе, а потом уже к подчинённым. Его девиз «Делай, как я!» стал популярен в курсантской среде.

Взвод прошёл примерно километра три, и тут командир взвода капитан Медведев скомандовал: «Взвод, газы!» Все курсанты очень быстро надели противогазы. Идти стало труднее. Сильнее чувствовалась усталость. Противогаз мешал дышать.

— Всё должно быть, как в бою. И никаких поблажек, — сказал капитан Медведев и добавил, перефразировав свою любимую цитату Суворова: «Тяжело в учении, легко на границе».

Только через километр прозвучала команда: «Отбой, газы». Все сняли противогазы и продолжали движение. До финиша было ещё далеко. Сержант Ивановский, замыкавший колонну своего отделения, старался контролировать каждого бойца, особенно, когда видел, что кому-то трудно. Он заметил, что курсант его отделения Дархан Бедельманов начал сбавлять темп и остановился. Усталость мешала восстановить ритмичность дыхания. Поравнявшись с курсантом, сержант спросил:

— Дархан, как себя чувствуешь? Может, помочь?

— Всё нормально, товарищ сержант. Чуть передохну и пойду дальше.

— Ну, давай. Надо идти вперёд.

— Спасибо, я справлюсь, — поправив лямку вещмешка, заверил курсант.

Ивановский встал на своё место на лыжне и задумался.

— Вот Дархан — невысокий, добродушный парень. Учится хорошо, а с физической подготовкой есть проблемы. Родом он из города Кызыл-Орда. Ещё на первом курсе, после зимней сессии, Дархан хотел написать рапорт и уйти из училища. Тогда Владимир Ивановский долго разговаривал с ним, убеждал, что надо воспиты-

вать силу воли, больше уделять внимания физической закалке. Парень хороший, независтливый, грамотный. Из семьи военных. Любит деда, полковника КГБ в отставке. Слово деда для него закон. Он даже в военном билете носит фотографию деда и утверждает, что дед ему таким образом помогает. Дархан мечтает стать первоклассным офицером, чтобы дед мог гордиться им.

Заметив, что Дархан снова сбавляет ход, сержант поравнялся с ним и скомандовал:

— Давай мне вещмешок. Будет легче. На финише отдам.

— Нет, я сам. Только чуть-чуть передохну, — отказывался курсант.

— Я приказываю отдать вещмешок, — чуть тише повторил командир и надел мешок курсанта на себя.

«Странно, почему этот мешок тяжелее моего?» — подумал Ивановский.

Взвод успешно двигался к финишу. До заветной черты было уже недалеко. Оставалось примерно около километра, и командир взвода скомандовал:

— Увеличить шаг! Быстрее!

Сержанты подхватили команду. Всё ускоряя темп, второй взвод пятой роты вкатился на финиш. И как только последний курсант пересёк черту, был выключен секундомер. Все чертовски устали. Кто-то упал на снег и лежал не двигаясь. Кто-то делал вращательные движения руками, пытаясь восстановить дыхание. Сержант Ивановский, сняв лыжи, подошёл к Бедельманову и спросил:

— Ты как, Дархан? Вот только почему твой мешок такой тяжёлый? Мой, мне кажется, гораздо легче.

— Спасибо, товарищ сержант, за помощь. Я в училище всё расскажу, — устало ответил курсант.

Минут тридцать отдыха после марша, и капитан Медведев приказал взводу построиться. Он поблагодарил личный состав за старание и выдержку.

Вернувшись в училище и сдав оружие, курсанты приводили себя в порядок. Многие готовились в увольнение. Ивановский, выйдя из душа, заглянул в спальное помещение и заметил, что Дархан что-то долго копается в своём вещмешке. Подойдя поближе, спросил:

— Ты почему вещи не сдаёшь?

Командир взял мешок курсанта и заглянул в него. Там, помимо котелка, фляги, общевойскового защитного комплекта, лежала спортивная гантель. Сержант достал её и внимательно осмотрел. На гантели была цифра «пять», то есть пять килограммов дополнительного веса лежали в вещмешке у курсанта Бедельманова. Держа гантель в руке, Ивановский медленно перевёл взгляд на курсанта:

— Ты где взял её? И почему она у тебя в мешке? Она была у тебя на марше?

— Я её специально положил. Думал, будет хорошая тренировка, — опустив голову, сказал Дархан.

В горле у сержанта запершило. Он стал медленно поднимать руку с гантелью вверх. Курсант подумал, что могут возникнуть неуставные взаимоотношения, и виновато сказал:

— Товарищ сержант, извините, я больше не буду, — и выбежал из спального помещения.

А Владимир Ивановский присел на табуретку, немного успокоился и подумал: «А ведь хороший парень, явно будет когда-нибудь генералом».

Настроение вернулось к сержанту. Впереди увольнение в город и поход в театр вместе с курсантом Бедельмановым...

Занятий по тактике в учебных классах было недостаточно для усвоения этой сложной дисциплины. Для закрепления теоретических знаний, полученных в аудитории, необходима была полевая практика. Практические занятия проходили при каждом выезде в полевой учебный центр. Поездка в ПУЦ — это отработка условных тактических задач в конкретной обстановке, приближённой к боевой.

Специально оборудованные участки местности служили макетами для того, чтобы знания, приобретённые в аудитории, продемонстрировать в реальной ситуации. Любой курсант, прошедший ПУЦ, хорошо знал такие места, как урочище Жарки и Григорцево. Тут случалось покорять различные рубежи, как в самых настоящих военных условиях, исследуя каждый метр огромного пространства и бегом, и ползком. Все приспособления, установленные на этом участке местности, помогали курсантам представлять реальную тактику и стратегию боевых действий.

В один из обычных дней первый взвод шестой роты под командованием подполковника Барбина выдвинулся из места своего расположения в учебно-полевой район Жарки пешим порядком.

Солнышко только что поднималось. Лёгкий боковой ветер уносил с дороги пыль, поднимавшуюся за колонной военнослужащих. Деревья у дороги «помахивали» зелёными ветками. По небу проплывали низкие кучевые облака, но дождя синоптики не пред-

сказывали. Колонна двигалась быстрым шагом, строго соблюдая дистанцию. Полная боевая выкладка — одно из условий полевого выхода.

Прошли шесть километров до места проведения занятий, и подполковник Барбин остановил взвод, объявив небольшой перерыв. Подполковник Барбин считался в училище весьма интересной личностью. Педантичен он был во всём, а не только в отношении к знаниям курсантов. Форма всегда отглажена, сапоги начищены. Особенно тщательно он следил за собственным здоровьем. Считал, что одно из важных условий здорового образа жизни — правильное питание. В перерыве между занятиями он обычно доставал из офицерской сумки какой-нибудь фрукт — банан, апельсин — и не торопясь получал удовольствие от своей трапезы. Заметив курсантов, которые курили в минуты отдыха, Барбин язвительно дразнил их, постоянно повторяя любимую тираду: «Организмы вы мои, как можно так наплеватьски относиться к своему здоровью. Курите, травите себя никотином. Берегите себя, пока молоды. Потом будет поздно. Ведь здоровье не купите ни за какие деньги». Все курсанты знали об этих взглядах подполковника, и местным шутникам хотелось хоть как-то разыграть старшего офицера.

Однажды на занятии был объявлен перерыв. И надо же, в этот момент у подполковника Барбина не оказалось с собой привычного любимого банана. Офицер просто отошёл в сторонку, глядел на курсантов и словно забыл о своих подшучиваниях над любителями покурить.

Смекалистые парни, может, специально готовились к мистификации, а может, у кого-то по иронии судьбы оказались в сумке фруктовые запасы. Курсанты

достали — кто банан, кто сливу — и, громко обсуждая учебные проблемы, стали с аппетитом поглощать свои лакомства. И ни один не закурил.

Барбин не сразу догадался, что это шутка, розыгрыш. Но уж очень демонстративно они жевали, афишируя неподдельное наслаждение. Барбин, наконец, понял, что эта сценка подготовлена специально, чтобы обыграть его привычки. Но Барбин есть Барбин. Он не торопясь подошёл, внимательно посмотрел на тех, кто, по его мнению, был инициатором шутки, и не то одобрительно, не то с досадой изрёк:

— Молодцы, ковбои! Только старших уважать надо. Могли бы и поделиться.

Остались в памяти и другие эпизоды, связанные с высокой требовательностью и незаурядностью личности подполковника Барбина.

Однажды во время выезда в ПУЦ, чтобы продемонстрировать теоретические знания на практике, курсантам предстояло выступить в роли командира и командовать подразделением в реальной ситуации.

Взвод построен. Сейчас раздастся привычная команда преподавателя:

— Итак, отвечать пойдёт...

Глаза курсантов опущены и смотрят в землю. В сознании каждого одна мысль: «Только бы не я».

— Пойдёт отвечать курсант «маленький», — закончил офицер свою фразу и показал рукой на Вадима Епишева. Вадим вместе с братом Димой всегда замыкали строй. Братья-близнецы Епишевы были небольшого роста, хотя физически подготовлены неплохо и внешне выглядели превосходно. Низкий рост их компенсировался крепко сбитой коренастой фигурой. Братья почти с рождения мечтали стать офицерами. Воспи-

тываясь в военной семье, они готовили себя к суровой пограничной службе.

Итак, отвечать по требованию подполковника должен курсант «маленький». Вадим вышел из строя и, как положено, повернулся лицом к товарищам. Начинать ответ он не спешил. Молча передвинул сапёрную лопатку, которая сбилась на нижнюю часть спины и мешала передвигаться. Поправил автомат на плече и достал из сумки конспект с записями. Окинул взглядом родной взвод и хмуро посмотрел на преподавателя.

— Ставьте боевую задачу подчинённым, — потропил преподаватель.

Вадим начал отвечать на поставленный вопрос. Говорил он тихо, приглушённо. Барбин, видимо, поставил целью выработать у курсанта командирские интонации, поэтому раздражённо повторил:

— Громче, подчинённым ничего не слышно.

Вадим продолжал с той же интонацией. Барбин не выдержал и скомандовал:

— Курсант, кругом! Тридцать шагов вперёд марш! Вот на этом расстоянии и ставьте боевую задачу. И чтоб подчинённые вас слышали.

Вадим, следуя приказу командира, отошёл на тридцать шагов и стал командовать, то есть ставить взводу боевую задачу. А преподаватель, стоя вместе с личным составом, безжалостно повторял:

— Громче! Не слышно! Командуйте, а не шепчите себе под нос. Будьте увереннее!

Двадцать минут Вадим Епишев не говорил обычным своим голосом, а кричал что есть мочи. Головные связки как только выдерживали... И только когда он закончил ставить подчинённым боевую задачу, офицер разрешил ему вернуться в строй.

— Что вы сделали неправильно? — строго спросил подполковник у курсанта.

— Неточно указал подчинённым ориентиры на поле боя, — прошептал Вадим. Голос его был сорван, и говорить он мог только шёпотом или жестами.

— Стать в строй, — скомандовал преподаватель и продолжил, — проведём разбор всех действий курсанта «маленького».

Взвод молчал. Никто не хотел вступать в диалог с подполковником. Барбин сурово посмотрел на курсантов и, жестом показав на Диму Епишева, скомандовал:

— Пойдёт отвечать второй курсант «маленький».

Дима бодро вышел из строя. Учитывая ошибки брата, он стал громким голосом отвечать на поставленный вопрос:

— Главное в ориентировании личного состава на местности...

Но Барбин перебил его и продолжил сам:

— Ориентирами на местности должны быть только неподвижные, отдельно стоящие предметы. Например, ориентир I — раздвоенная берёза, ориентир II — куча навоза, ориентир III — речка Ободранка. Понятно? — обратился он к курсанту.

— Так точно, — сказал Дима и продолжил. — Ориентир I — кирпичная башня, II — отдельное дерево, III — группа курсантов четвёртого курса.

— Вы что надо мной издеваетесь? — раздражённо бросил полковник. — Как может быть ориентиром группа курсантов? Сейчас они стоят в одном месте, а потом перейдут в другое.

— Товарищ подполковник, — уверенно сказал Дима, — это же курсанты четвёртого курса. Их с места

не сдвинешь. Если после завтрака стали где-то, только к обеду сойду. Выпускники!

У Димы был характер не такой, как у брата. Он умел пошутить и шуткой снять напряжение. Преподаватель удивлённо посмотрел на отвечающего курсанта и обратился к заместителю командира взвода:

— Дайте мне бинокль.

Внимательно взглядевшись в оптический прибор, Барбин вдруг весело сказал:

— Действительно выпускной курс. Их и правда ничем с места не сдвинешь.

Помолчал немного и закончил своей любимой фразой: «Мочи, ковбой!»

А потом конкретно Диме:

— Стать в строй!

Ближе к вечеру за курсантами пришла машина и отвезла взвод к месту расположения. Так вот каждый день — и в дождь, и в жару, и в слякоть, и при палящем солнце — офицеры обучали курсантов военному делу.

ПОДРЫВНОЕ ДЕЛО

21

После завтрака второй взвод шестой роты выдвинулся в район стрельбища, где должны проходить занятия по подрывному делу. На месте проведения занятий подразделение уже ждали преподаватель

и два офицера. Первым делом был проведён инструктаж по технике безопасности. Офицер-преподаватель подробно повторил пройденный в учебной аудитории материал. Рассказал о мерах предосторожности. Выполнять упражнение курсанты должны группами по пять человек. Каждому выдали толовые шашки. Офицеры роты в очередной раз проконтролировали соединение бикфордова шнура. Снова напомнили, как правильно его зажигать.

Из-за погоды возникла проблема. Все действия нужно совершать голыми руками, без перчаток. А тут ослепляло холодное яркое солнце и мороз всё усиливался. Градусов минус двадцать пять по Цельсию, а может быть и больше показывал термометр. Пока офицер пройдёт и у каждого проверит правильность укладки шнура — руки коченеют. Но с оружием шутки плохи. Безопасность на первом плане. Поэтому приходилось повторять это упражнение по несколько раз. Курсантов нужно основательно научить новому делу, закрепить навыки обращения с оружием.

Исторические факты неопровержимо свидетельствовали, как важны были эти навыки в военное время. Пограничники во время войны, случалось, оказывались после внезапного нападения врага в тылу противника. Возглавляли партизанские отряды, организовывали диверсионные группы, взрывали на железных дорогах составы с вражеской техникой, подрывали неприятельские склады с боеприпасами.

Подобного рода примеров в Великую Отечественную войну было множество. Да и в мирное время, как говорится, надо держать порох сухим и готовить надёжные кадры, если вдруг возникнет необходимость противостояния.

Потому-то занятия по подрывному делу проходили в условиях, приближённых к реальной обстановке.

В открытом поле у речки установили деревянные тренировочные столбы. Чтобы макеты сооружений вывести из строя, следует безошибочно и грамотно расположить взрывной заряд.

По команде офицера курсанты подошли каждый к своему объекту и прикрепили устройство. Расположили заряд, как требовало задание. Операцию выполняли голыми руками, хотя руки мёрзли нестерпимо. Мороз не спадал. К тому же усилился ветер.

— Зажигай! — прозвучала команда старшего офицера. Курсанты приступили к выполнению упражнения. С этого момента время учитывается по секундам. Тот, кто зажжёт шнур, бегом возвращается в окоп укрытия.

Первый — пошёл! За ним — второй, третий, четвёртый... Руслан Шугаев был пятым. Он долго возился со шнуром. Что-то у него не получалось. Преподаватель начал волноваться. Все курсанты, кроме Руслана, были уже в укрытии. Время, отведённое на безопасность при выполнении упражнения, истекало. Офицер снова с тревогой в голосе повторяет команду: «В укрытие!» Руслан всё-таки пытается выполнить задание и в ответ кричит: «Сейчас, подождите чуть-чуть. Вот вот получится».

Нервы у преподавателя на взводе. Он подбегает к курсанту, хватая его буквально за шиворот, и они вместе мчатся в укрытие.

В окопе, уже чуть успокоившись, офицер спрашивает у Руслана:

— Получилось? Поджёг?

— Кажется, нет, — запыхавшись, отвечает курсант.

— Значит, должно быть только четыре взрыва, — решает офицер.

И вот один хлопок. Другой. Третий, четвёртый... Деревянные щепки разлетались на десятки метров. Замёрзшую землю разбрасывало в разные стороны. Никто из курсантов не ощущал раньше такого содрогания земли. Сердце, что называется, уходило в пятки.

Преподаватель насчитал четыре взрыва и, поверив словам Руслана, дал команду покинуть укрытие. Все пятеро отстрелявшихся ребят приподнялись и только начали выползать из глубокого окопа, как прогремел пятый взрыв. Без каких-либо команд все, включая офицера, упали на дно окопа. Наступила тишина. Потом преподаватель медленно приподнял голову, многозначительно посмотрел на Руслана и вроде бы без слов, одним взглядом поинтересовался: «Ну, что? Как дела?»

Через пять минут молча, без команды, курсанты и офицеры покинули зону укрытия. Сержант Савицкий построил отстрелявшихся пять человек и начал разъяснять программу дальнейших занятий. Офицер остановил его и объявил тридцатиминутный перерыв.

Курсанты сбились в группки, что-то негромко обсуждали. Преподаватель отошёл метров на десять к речке, присел на завалянку и закурил. Он не сказал никому ни слова. И сам в одиночестве словно любовался природой.

На протяжении многих веков отношение к курению неоднократно менялось. Если в годы средневековья за «пускание дыма через ноздри» полагалась смертная казнь, то в новые времена эта привычка стала неотъемлемым элементом утончённого светского времяпрепровождения.

Во время Первой мировой войны табак был неизменной частью пайка, на определённый срок выдавался солдату. Курить рекомендовалось для успокоения нервного состояния в трудные минуты.

В середине XX столетия сигареты стали частью имиджа киногероев и актёров — кумиров молодёжи. Восприимчивая молодёжь старалась подражать своим идеалам. Мыслящие люди понимали, что курение приносит вред здоровью. Началась антитабачная пропаганда. Появились первые научные публикации, обосновывающие утверждение, что курение наносит вред не только самим курильщикам, но и окружающим. В мире считают, что началом антитабачного движения стало заявление Уэйна Макларена, бывшего ковбоя «Marlboro», умиравшего от рака лёгких.

В Советском Союзе тоже много писали и говорили о вреде курения. Однако любимые киногерои экранов кино и телевидения гордо вскрывали пачку элитных сигарет и задумчиво дымили, решая на экране сложные жизненные вопросы. Ну а зрители, наиболее экспансивные, старались подражать кумирам. Одним словом, кто хотел, тот курил,

кто думал о собственном здоровье, тот не курил. Но табачная промышленность работала на полную мощь.

Молодые ребята, курсанты военного училища, в большинстве своём не курили. В их понимании офицер — это человек не только образованный, грамотный, но и физически крепкий, выносливый. А это значит — постоянные тренировки, значительные физические нагрузки. Курение в такой ситуации никак не вписывалось в образ жизни. Не случайно первым экзаменом при поступлении в военное училище была физическая подготовка.

Некоторые только что поступившие слегка баловались, чтобы показать свою самостоятельность и взрослость. Благо ведь — рядом не было родителей, которые могли пожурить или наказать.

На первом курсе во втором взводе шестой роты курили только четыре курсанта. Они поступили в училище после службы в армии. Но случалось, что пагубной привычке поддавались и некурящие. Часто этому способствовали неформальные армейские традиции.

Если взвод был занят на хозяйственных работах, в перерыве звучала команда: «Перекур!» А потом кто-то шутливо добавлял: «А кто не курит, тот работает». Бывало, что и некурящие брали в руки сигареты и постепенно привыкали к модному увлечению.

Серьёзные физические нагрузки: бег во время утренней зарядки и в выходные, кроссы на один, три, шесть километров, строгие нормативы, в которые нужно уложиться, — всё это несовместимо с увлечением сигаретами. Кто не выполнял установленных нормативов, не получал увольнения.

Иногда командиры устраивали символические антитабачные спортивные мероприятия. Кто-то придумал футбольный матч — «курящие против некуря-

щих». К лету 1989 года — а это был уже третий курс — во взводе сложились определённые пристрастия и привычки. Второй взвод шестой роты славился двумя яркими спортивными личностями. Это Артём Воронин и Лёша Загребин.

Артём Воронин, высокий, под метр восемьдесят ростом, широкоплечий, уверенный в себе молодой человек. В своё время он был чемпионом Москвы по плаванию. Но в училище Артём пристрастился к курению и стал активным приверженцем сигареты.

Лёша Загребин — невысокого роста, коренастый, человек строгих правил. В своём родном Ижевске он получил на соревнованиях по вольной борьбе первый взрослый разряд. Достойных соперников в этом виде спорта на родине у него не было. И в училище он не только поддерживал спортивную форму, но был ярым противником курева.

— Курение — это скверно, это вредно для здоровья, — твердил он. Курильщики его слушали и с иронией отвечали:

— Смотри, скоро и ты к нам примкнёшь.

Подходил к концу тёплый майский день. Решено было провести футбольный матч на последнем часу самоподготовки перед ужином.

Второй взвод шестой роты выдвинулся на стадион. Матч начался с деления на курящих и некурящих. В каждой команде оказалось по восемь человек. В команду курящих попал Артём Воронин, который уже целый год был опытным курильщиком. Лёша Загребин оказался в команде некурящих.

Началась игра. Час футбольной игры становился всё напряжённее. Никто не хотел уступать. Результаты трёхлетней каждодневной курсантской физической

подготовки сказывались во всём. Обе команды боролись отчаянно. К концу матча «курящих и некурящих» счёт был равный: 2:2. До финального свистка оставались считанные минуты. Мяч попал к Лёше Загребину. Он ловко обошёл одного защитника, другого. Третьим на его пути оказался Артём Воронин. Лёша сделал обманное движение и стал уходить от преследователя — своего друга и могучего защитника ворот противника. Артём понимал, что соперник с мячом уже у штрафной площадки. Будет удар. Будет гол. И тут Артём, вроде бы невзначай, задевает нападающего. Лёша падает. Судья — сержант Виноградов — фиксирует грубое нарушение правил — подножку. Да ещё на линии штрафной. Арбитр назначает одиннадцатиметровый. Артём виноват. Он нарушил правила. Чувствуя свою вину перед командой, он вызвался стать на ворота. Пенальти пробивает Лёша Загребин. Он разгоняется, бьёт. Мяч ударяется в верхнюю перекладину и отправляется в ворота. Счёт 3:2. Команда некурящих празднует победу.

Артём, расстроенный, что пропустил такой мяч, чувствуя вину перед другом, стал извиняться.

— Лёха, извини. Я не хотел тебя сбивать. Так получилось.

Загребин, чуть прихрамывая, улыбнулся:

— Да ладно, курильщики проиграли, что и требовалось доказать. А какой гол я тебе забил!

Задетый за живое, Воронин едко заметил:

— Бывает. Только ты всё равно к нам присоединишься. Смотри: почти все во взводе курят. Кадет — и тот в увольнении балуется сигаретами. Даю слово — и ты не за горами.

— Никогда этого не будет, — уверенно обронил Лёша.

Но Артём считал, что последнее слово должно быть за ним:

— А может, забьёмся на спор? Если ты до 50 лет не выкуришь ни одной сигареты, с меня бутылка дорогого импортного коньяка «Наполеон».

— На одну бутылку спорить не буду. Лучше на ящик. Но смотри: он дорогой. Зарплаты не хватит, — усмехнулся Лёша.

— Договорились, — согласился Артём.

Друзья скрепили спор рукопожатием.

Время пролетело быстро. Выпуск. Лейтенантские погоны. К сожалению, во взводе некурящих осталось только четверо. И среди них Алексей Загребин.

А годы шли. Многие отслужили положенный срок и уволились в запас. Большинство отставных офицеров вернулись в Москву.

И вот 7 марта 2019 года Алексею Васильевичу Загребину исполнилось 50. За это время он так и не закурил ни разу. Может быть, не было желания курить, чтобы не наносить вред здоровью, а может быть, хотелось выиграть пари, заключённое 30 лет тому назад... Кто знает?

Загребин пригласил родных, близких, друзей в дорогой московский ресторан. Среди приглашённых был и Артём Борисович Воронин. Он тоже помнил о пари, заключённом в курсантские годы. На торжественном мероприятии Артём Борисович взял микрофон и начал необычный тост:

— Дорогие друзья, я хочу поднять этот бокал не только за моего старого друга, но и за удивительного человека, настоящего мужика, стойкого, непоколебимого. Тридцать лет тому назад мы поспорили на ящик дорогого коньяка. Закурит Алексей Васильевич или не закурит?

Он этот спор выиграл, а я проиграл. И торжественно признаю это. Прошу внести в зал мой подарок.

Под аплодисменты официанты поднесли к праздничному столу огромную коробку. Открыли. Там коньяк.

Верный своим традициям, Артём предложил:

— Слушай, юбиляр, если хочешь, по такому случаю можешь выкурить одну сигаретку.

— А, пожалуй, попробую, — улыбнулся Алексей Васильевич. — Сделал две затяжки, поперхнулся:

— Гадость реальная. Как вы только курите эту отраву? Тратите своё здоровье.

Так и закончилось это 30-летнее пари.

СТАЖИРОВКА

23

Обучение в училище длилось четыре года. Всё это напряжённое учебное время будущих офицеров готовили к суровой службе на границе в основном теоретически. Учебный план предусматривал две обязательные практические стажировки. Одна — летняя — в июле месяце, после третьего курса. Другая — на четвёртом курсе, в феврале.

Во время стажировки курсантам предоставлялась возможность применить свои знания на практике — побыть в роли заместителя начальника пограничной заставы. После стажировки полагался отпуск.

Стажировка была значимым моментом учебной программы, особенно для тех курсантов, кто поступил в училище сразу после школы. Эти ребята добросовестно изучали теоретический материал, касающийся охраны границы, но фактически не представляли себе всей сложности службы пограничника.

Книги, кино, рассказы офицеров, байки старослужащих — таким было их видение предстоящей службы.

И вот они, курсанты третьего курса, едут стажироваться на передовой рубеж Родины, где люди в зелёных фуражках охраняют мирный покой своих сограждан.

Сессия сдана успешно. Второй батальон готовится отбыть на границу. Офицеры, ответственные за организацию стажировки, пошли навстречу курсантам в выборе места службы на границе. После стажировки курсанту положен отпуск, и, чтобы удобнее было добираться домой, ему подбирали соответствующее место практики. Тех, кто родом из Беларуси, Украины, направляли на западные рубежи страны. Тех, кто приехал из восточных, южных районов, ехали на стажировку на юг и на восток.

Курсант Вячеслав Симаков (друзья называли его между собой Симой) был родом из Бреста. Отец Славы Симакова в молодости служил прапорщиком в пограничных войсках и был старшиной заставы. Здесь, на заставе в Бресте, и родился Слава. Позже отца направили продолжать службу на Дальний Восток — на остров Ратманова. Семья последовала за ним. Там, на дальневосточной заставе, фактически прошло детство Славы. Отец прослужил на острове Ратманова более пятнадцати лет. Когда отец вышел в отставку,

семья вернулась в Брест. В Бресте парень закончил среднюю школу. Оттуда приехал поступать в Московское пограничное училище.

И вот теперь курсант Симаков едет на стажировку на западную границу — почти что домой. Едет в Гродненский пограничный отряд. Радость была безграничной. Практика неподалёку от дома. В Бресте родители, молодая жена Наташа. Совсем недавно, прошлой зимой, Слава женился на своей однокласснице.

А начиналось всё обычно. Когда семья вернулась с Ратманова, с самого восточного рубежа страны, пятнадцатилетнему мальчишке было страшновато идти в новую школу, в незнакомый коллектив, где непонятно ещё какие порядки, какие требования.

Классный руководитель ввела нового ученика в класс, представила его будущим товарищам и предложила занять любое свободное место. Свободных мест было два.

Одно на «галёрке». Там с достоинством расположился рослый, уверенный в себе парень. Его язвительная улыбка не внушала доверия. За второй партой, у окна, тоже было свободное место. Там одиноко сидела симпатичная девушка с косичками. Приятная улыбка и два больших банта сыграли немалую роль в выборе Славы. Так он встретил свою первую любовь.

— Меня зовут Славой, — робко представился он.

— А я уже слышала от классной, — улыбнулась она. — А меня — Наташей.

Шло время. Были дружеские беседы, долгие прогулки вечерами. Пришла любовь. Закончили школу. Их пути на время разошлись. Наташа поступила в институт в другом городе. Слава в первый год не добрал баллов в ракетно-зенитное военное училище

и пошёл в армию. Попал служить в пограничные войска на южной границе. Отслужив на советско-афганской границе действительную службу, твёрдо решил идти по стопам отца — стать офицером-пограничником. И вот он — курсант Московского высшего военного пограничного училища...

Спустя три года зимой на вечере встречи выпускников Слава снова встретил Наташу. Сидели за родной партой, второй по счёту у окна. Вспоминали школьные годы, одноклассников. И поняли, что жить друг без друга не могут. Возникла ещё одна молодая, счастливая семья.

На участок пограничной заставы, где предстояло проходить стажировку, Славу привёз сам начальник заставы. Он был как раз в отряде на машине и взял с собой будущего коллегу. Начальник заставы, молодой с виду старший лейтенант, по дороге рассказывал курсанту о границе, об особенностях охраняемого ими участка. Время в пути пролетело незаметно.

Доехав до места расположения части, командир распорядился оставить вещи в комнате для приезжих, пообедать и через час быть в канцелярии для знакомства с руководством заставы.

— Кстати, замполит наш тоже из этих мест, — добавил командир. — Он, похоже, твой ровесник, а может, на год старше. Придёшь — сам увидишь.

Не выдержав положенного часа, курсант давно уже был в канцелярии и ждал, когда соберётся весь комсостав. Дверь распахнулась, и первым вошёл молодой лейтенант в камуфляжной форме. Что-то знакомое было в его фигуре, а когда лейтенант улыбнулся, Слава узнал своего одноклассника Сергея. Знакомая приветливо-ироническая улыбка так и не изменилась

со школьных лет. Друзья обменялись рукопожатиями, крепко обнялись.

Начальник заставы удивлённо посмотрел на них:

— Что тут происходит?

Молодые люди, радуясь этой встрече, объяснили командиру, что они друзья детства, учились в одном классе.

— Вместе бегали на танцы, ухаживали за одной девчонкой, — добавил замполит. Кстати, а где Наташа теперь? Слышал, что вы поженились.

— Да, свадьба была зимой. Сейчас Наташа в Бресте, у родителей. Будет ждать меня с практики, — пояснил Слава.

— А что, командир! Поможем моему другу и земляку в решении личных вопросов? — спросил замполит начальника заставы. Если молодая жена так близко, может, на заставе и поживёт? Пропускной режим мы не нарушим. А она пусть привыкает к жизни в пограничном коллективе. Пусть посмотрит, как быть женой пограничника?

— Что ж, я в принципе не против, только чтоб без происшествий. Сами понимаете, граница, — в раздумье сказал начальник заставы.

На следующий день жена курсанта Симакова была на заставе. Их разместили в свободной комнате офицерского дома. Всё шло своим чередом. Слава с утра и до ночи был на заставе. Выполнял любую работу, всяческие поручения. Ночью в составе тревожной группы выезжал на сработавший сигнал на участке границы. Начальник с замполитом пристально наблюдали за действиями практиканта.

Наташа ждала мужа со службы. Она подружилась с женой Сергея, помогала ей заботиться о малень-

ком ребёнке. Курсантская семья естественно вписалась в привычную жизнь небольшого, но сплочённого пограничного коллектива.

Через две недели на заставу приехал проверяющий — офицер училища, который должен был проконтролировать стажировку курсантов.

Дежурный у ворот встретил проверяющего, доложил по команде и проводил его в канцелярию.

Отобедав, подполковник начал осматривать заставу. Обошёл её по периметру, заглянул в гараж, потом в питомник. Во дворе офицерского дома увидел двух молодых женщин с детской коляской. Поинтересовался у дежурного, что за женщины на заставе.

— Это жёны замполита и курсанта, — отработовал дежурный.

— Какого курсанта? Какая жена? Откуда? — разъярился подполковник и направился к начальнику заставы.

В канцелярии произошёл неприятный разговор.

Старший лейтенант, начальник заставы, попытался объяснить подполковнику, что здесь он несёт ответственность и за охрану границы, и за жизнь коллектива сослуживцев. Это он разрешил жене курсанта пожить здесь, и он лично несёт ответственность перед своим командованием, а не перед проверяющим. Разъярённый подполковник возмущённо кричал, что здесь устроили бардак, развели безобразие. Разгневанный, он уехал в город, а вечером пришла срочная телефонограмма: курсанта Симакова срочно перебросить на другую заставу, а жену его отправить в Брест.

Курсанта перевели на десятую пограничную заставу. Прощаясь, начальник заставы успокаивал Славу:

— Ты, курсант, не переживай. Всё уладится. Жаль, что так получилось. Хотелось, как лучше. Слава сокрушённо извинялся. Неловко было, что подвёл хорошего человека.

За стажировку курсанту Симакову всё-таки поставили оценку «два», несмотря на хорошую характеристику. Встал вопрос об отчислении из училища. Специально созван был совет во главе с генералом для принятия решения о дальнейшей учёбе курсанта Симакова. В кабинете начальника училища Слава увидел помимо хозяина кабинета ещё десять старших офицеров штаба, политического и учебного отделов. Все они, кто с удивлением, кто осуждающе, смотрели на курсанта. Подполковник доложил комиссии о случившемся на стажировке и пояснил, почему он настоял на отрицательной оценке.

— Что скажете по этому поводу, товарищ курсант? — поинтересовался генерал.

Слава подумал, что правда на его стороне, и, стараясь говорить сдержанно, заявил:

— Стажировку отработал по программе. Со стороны руководства заставы замечаний не было. А то, что ко мне приехала моя жена, то это с разрешения начальника заставы. Я же не любовницу для развлечения привёз. Это моя жена. Пусть привыкает к нелёгкой ноше жены офицера, защитника границы. Вы сами знаете, что не всегда жёны выдерживают суровые условия жизни на границе. А офицеру нужен крепкий тыл. Вы вправе решать мою судьбу. Но я не считаю себя в чём-то виноватым.

Комиссия молчала. Тишину прервал генерал.

— Идите в подразделение, — коротко сказал он курсанту.

Уже находясь на территории училища, Слава думал, что, может быть, идёт здесь в последний раз. Неизвестно, что ещё решит комиссия. Надо бы позвонить домой. Там тоже волнуются. А что сказать? Чтобы успокоиться, взял в чайной стакан яблочного сока. Ничего не хотелось. На душе было отвратительно. Мимо чайной случайно проходил командир роты. Увидев Симакова, спросил, почему он не на занятиях, и, не дождавшись ответа, строго приказал:

— Бегом в учебный класс. Вас не отчислили, оставили в училище.

Через год Слава Симаков вместе с другими курсантами окончил училище. Им присвоили офицерские звания лейтенантов. После распределения Вячеслав Симаков попал служить в Закавказский пограничный округ на горную пограничную заставу. Его жена Наталья всегда была рядом с мужем и поддерживала его в трудные минуты. Закончил службу он в чине подполковника на КПП «Брест».

ВНЕШНИЙ ВИД

24

С марта 1985 года в стране началась глобальная перестройка. Перестраивалось всё: экономика, политика, мораль, сами люди; менялся взгляд на духовные и художественные ценности. Наиболее энергичные ста-

рались выделиться из общей массы самыми разными способами. Кто-то хотел заработать побольше денег, кто-то — продвинуться по служебной лестнице или достичь успеха в политике. Например, стать депутатом.

Те, кто помоложе, просто старались выделиться формой одежды, изменить внешний облик.

Дух свободы, независимости прежде всего коснулся именно молодых людей. Джинсовый стиль царил во всех проявлениях: рубашки, жилетки, джинсы...

Самым популярным элементом модного мужского образа являлись, конечно, джинсы. Самые крутые модели — это бананы или мальвины, а также кожаные короткие куртки-косухи, украшенные шипами, клёпками, заклёпками.

Перестройка в бытовом плане коснулась не только одежды, но и причёсок. Необходимой деталью мужской причёски в конце 1980-х годов считалась чёлка. Её поднимали, начесывали. Концы локонов красили в разные цвета. Особенно эффектно смотрелось это на кудрявой шевелюре.

Артур Оганесян — уроженец Еревана. Это высокий стройный парень, с карими глазами, чёрными, как смоль, волосами, орлиным армянским носом и гордым, независимым характером. Учился Артур в Московском военном училище. Между собой курсанты называли его Ара, что в переводе значит друг.

После второго курса военного училища Артур приехал домой в отпуск. Родители не могли нарадоваться, встречая сына. Мама решила приодеть Артура в модную стильную одежду. На ереванском рынке за большие деньги она купила джинсы-«варёнки» и модную кожаную куртку. Очень хотелось угодить сыну. Мама была уверена, что молодому человеку надо оде-

ваться модно. А то всё эта военная форма... Пусть сынуля расслабится хоть на время.

Отпускник подарку обрадовался. Решил: возьму одежду с собой в Москву. В увольнении буду переодеваться. А то военные патрули московского гарнизона вечно придираются: то что-то не соответствует в форме одежды, то курсант не заметил патруля и не отдал воинскую честь. Вот тебе и замечание. А любое замечание — и в увольнение месяц не пустят. Строго с этим в училище.

«А переоденешься в “гражданку” — и нет проблем с патрулями. Гуляй себе, где хочешь и как хочешь. Ребята в училище обзавидуются», — мечтал Артур, подогреваемый надеждой.

Под влиянием эстрадных программ — в моде было всё яркое, цветастое — Артур был доволен своим новым образом.

«А может, ещё что-нибудь усовершенствовать? — мелькнула у парня шальная мысль. — Сделаю модную причёску. Правда, в училище быстро заметят. Ну, если только чуть-чуть? Например, чёлку слегка подкрасить? В белый или жёлтый цвет. Под головным убором не видно. Глядишь — и прокатит», — размышлял Артур.

Иногда возникали сомнения. Военная среда сурова. Устав ВС не позволяет выделяться. Внешний вид должен соответствовать уставу. Только очень уж хотелось быть хоть чуточку оригинальным. Желание и надежда обойти военный порядок в училище не покидали Артура весь отпуск. Правда, есть опасность...

По приезде из отпуска всех курсантов строго проверяли «на прибытие» и обязательно обращали внимание на внешний вид. Ответственный дежурный офицер обычно чётко контролирует поведение

курсанта и обо всём докладывает по команде вышестоящему руководству.

Может, если прийти позже, после контрольного построения?! Всех проверят, а тебе под шумок, глядишь — и удастся просочиться.

— А вдруг повезёт! Возьму и попробую, — эта мысль настойчиво оформлялась в сознании Артура весь отпуск. И даже по ночам тревожила во сне. Артур мысленно просчитывал все возможные варианты.

— Может, прийти после контрольного построения? Одного точно заметят. А если Мишку Иванова и Диму Пиотровича подговорить? Думаю, они согласятся.

Об изменении своего облика не буду им говорить. Если захотят, сами увидят. Завтра перезвоню им в Москву и договоримся об опоздании на контрольное построение по приезду из отпуска.

Решено: место встречи — девять часов вечера перед КПП при входе в училище. Должно получиться.

Для себя лично Артур разработал и дальнейший план действий.

Отпуск пролетел незаметно. Перед самым отъездом курсант — теперь уже третьего курса военного училища — сделал в парикмахерской модную причёску.

Самолёт из Еревана приземлился в Москве в обед точно по расписанию. Побродив по городу, Артур в назначенное время пришёл на КПП. Миши и Димы ещё не было. Пришлось подождать. Через минут пять примчался курсант Иванов. Чуть позже прибежал Дима Пиотрович.

— Ребята, извините. Замешкался. Знаю, что военным нельзя опаздывать. Но так вышло. Виноват. Исправлюсь, — оправдывался Дима.

Друзья, выслушав провинившегося, обменялись крепким мужским рукопожатием и гордо двинулись на территорию училища. Как-никак на парадной шинели под шевроном эмблема с тремя просветами. А это уже — третий курс. Можно себе позволить кое-какие вольности. Опоздание из отпуска грозит взысканием и даже отчислением из училища, а вот вовремя не прийти на вечернюю поверку по прибытии из дома — это ещё можно. Пожурят, но не накажут. Всякое может случиться с транспортом.

Отметив у дежурного по училищу командировочные удостоверения, друзья бодрым прогулочным шагом двинулись в расположение родного батальона.

Поднялись по лестнице на второй этаж. Там находились спальные казармы курсантов. Дима и Миша по пути немного расслабились: сняли головные уборы, расстегнули в шинелях верхние крючки. Весело обменивались впечатлениями о прошедшем отпуске. Артур не позволял себе вольностей. Он не нарушал форму одежды, чётко соблюдал Устав Вооружённых Сил СССР. Тревога всё же была, но он строго следовал своему плану: чётко доложить о проведённом отпуске и незаметно пройти проверку внешнего вида. Ответственный офицер ещё должен быть в подразделении. Будем надеяться, что всё обойдётся. А завтра уже никто не обратит внимания.

Зашли в расположение взвода. Дежурный по батальону сразу же по команде отправил опоздавших курсантов на доклад к офицеру. Ответственным в этот раз оказался командир их второго взвода шестой роты капитан Иван Иванович Жмурко. Перед тем как зайти в канцелярию, друзья привели себя в порядок: подтянули поясные ремни, застегнули все крючки

в шинелях, поправили головные уборы. Обязательно посмотрелись в зеркало, чтобы убедиться, что внешний вид в норме.

Остановились перед дверью канцелярии. По общему решению Миша тихонько постучал, а потом приоткрыл дверь:

— Товарищ капитан, разрешите войти!

Из глубины комнаты послышался недовольный голос взводного:

— Заходите.

Курсанты вошли и начали поочерёдно докладывать о прибытии из отпуска. В таких случаях требовалось доложить о замечаниях, полученных во время отпуска, если они были.

В канцелярии было темновато. Горела только настольная лампа. Командир сидел за столом и брезгливо листал модный журнал. Порой сердито ворчал по поводу фотографий в журнале.

— Рваная и выкрашенная белыми пятнами джинсовка... рубашки пёстрого цвета. И на голове полный бардак. Как можно так уродовать себя! Тоже мне, мода, — возмущался капитан. Злило и то, что он уже должен быть дома, а тут сиди и жди этих опоздавших. Всыпать бы им по первое число, чтоб впредь не опаздывали.

В полумраке не было видно сердитого лица командира, но жёсткий тембр голоса выдавал его настроение. Жмурко молча выслушал доклад каждого, забрал командировочные документы и, стараясь сдерживать себя, спросил:

— Почему опоздали на построение? Перед отпуском всем было чётко сказано: прибыть в часть до 20 часов. Понимаю: Оганесян мог опоздать. При-

летел на самолёте. Возможны задержки рейса... Всякие там непредвиденные обстоятельства. Потом строго взглянул на остальных и сурово спросил:

— А вы, Пиотрович и Иванов? Вы же москвичи. Почему вы опоздали?

Курсанты молчали. Боялись рот раскрыть. Не стало бы хуже. Командир взвода явно был не в духе.

Высказав своё возмущение, Жмурко стал повторно проверять проездные документы. И тут же, не отрывая глаз от бумаг, командовал:

— Головные уборы снять!

Пиотрович и Иванов незамедлительно выполнили команду, зафиксировав фуражки в левой руке в согнутом локтевом суставе перед собой. Так обязывал Устав ВС. Оганесян стоял неподвижно, пристально наблюдая за выражением лица командира взвода.

Жмурко, отметив документы, сделал запись в журнале.словно о чём-то раздумывая, перечитал её: «Прибыли все». Ладно, хоть без замечаний.

Отложив журнал, капитан поднял голову и взглянул на курсантов. У этих двух как будто всё в порядке. Перевёл взгляд на Артура.

— А вас, Оганесян, команда не касается?

Артур нехотя выполнил распоряжение. Лицо командира изменилось. Не то удивление, не то возмущение появилось на лице офицера. Иван Иванович неторопливо встал из-за стола, подошёл сначала к Иванову, потом к Пиотровичу. Осмотрел их с головы до ног. Особенно пристально стал присматриваться к Оганесяну. Потом дополнительно включил в кабинете верхний свет. Ещё раз обошёл курсанта, остановил взгляд на причёске. На чёрных густых волосах Оганесяна виднелись яркие жёлто-белые

пряди. Чёлка явно отличалась от остальных тёмных волос Артура.

— Мелирование сделал, дуралей! Тоже мне артист эстрады. Насмотрелся в средствах массовой информации. Там им, таким, несть числа ныне. А что будет дальше? — досадные, горькие мысли рождались в сознании офицера. — Вчера вот собственная жена попросила денег на парикмахерскую. Тоже сотворила себе подобную несуразицу. Ну ладно, жена. Взрослая женщина. А тут молодой парень, курсант третьего курса военного училища!.. До чего довели армию с этой перестройкой...

Дима и Миша в ужасе смотрели на Ивана Ивановича. Похоже, не по себе было и курсанту, и офицеру.

Опомнившись, Жмурко скомандовал:

— Головные уборы надеть! Марш в подразделение! Доложить командирам отделений! А ко мне прислать заместителя командира взвода Удовиченко и командира второго отделения Виноградова.

Курсанты в один голос ответили: «Есть!» — и поспешно вышли из канцелярии.

— Ну, Ара, ты даёшь! Взводный даже дар речи потерял, — сказал растерянно Миша Иванов.

— Теперь жди проблем, — осторожно заметил Дима.

— Пусть будет, что будет, — растерянно вздохнул Артур.

Через пять минут в канцелярии по стойке «Смирно!» стояли старший сержант Удовиченко и сержант Виноградов. Капитан Жмурко долго проводил с ними разъяснительную беседу и в конце концов приказал:

— Чтобы завтра к утру этого безобразия не было. На утренней поверке лично проверю внешний вид у всего личного состава. И вас это касается.

Сержант Виноградов после отбоя взял у старшины роты машинку для стрижки волос и привёл внешний вид всего отделения в соответствие с требованием Устава ВС...

Больше Артур Оганесян таких вольностей не позволял себе никогда. Даже в будущем, когда сам стал командиром, настоящим полковником, он всегда обращал пристальное внимание на внешний вид своих подчинённых. Особенно на причёску.

ХОККЕЙ

25

Многотысячная армия зрителей, покидая Дворец спорта «Лужники», была недовольна игрой своей команды. Сборная Советского Союза проиграла хоккейной дружине Чехословакии на Московском международном турнире на приз «Известий». Проиграли со счётом 4:3. Болельщики по-разному высказывались в адрес спортсменов. Одни резко осуждающе, даже с негодованием, ругали тренеров и игроков:

— У себя же, в Москве! На своей площадке! Дома ведь даже стены помогают!

— Надо же, такая поддержка болельщиков — и проиграть!

Кто-то сочувствовал команде, пытался оправдать хоккеистов:

— Жаль. Ведь чуть-чуть не хватило. А как хорошо начинали!

— Эх, побольше бы упорства.

— Нервы подвели. Много раз нарушали правила. Отсюда штрафные — и проигрыш.

— Казалось, что в этой раздосадованной и возмущённой толпе людей, расходившихся после матча, молча шли только двое. Это были курсанты высшего пограничного училища сержанты Сергей Кочетов и Владимир Ивановский. Ребята учились уже на последнем курсе, но так сложилось, что в Лужниках, да ещё на турнире такого уровня, они не были ни разу. Как и всех болельщиков, присутствовавших на сегодняшнем матче, их охватило чувство досады от проигрыша родной команды. Но в отличие от всех остальных парни были всё-таки счастливы. Счастливы, что побывали в этом роскошном спорткомплексе, да ещё на таком знаменательном турнире.

От Дворца спорта до метро всего каких-то пятнадцать минут ходу. И всё это время со всех сторон звучали порицания, неодобрения, сожаления. Настроение было такое, что у ребят не находилось слов, чтобы передать своё душевное состояние. Только спустившись в подземку, Володя прервал молчание:

— Жаль, конечно, что наши проиграли. А тут ещё эти два мужика, что сидели за нами. Целых два периода отвратно вели себя. Как можно так омерзительно комментировать каждый момент игры. Будто сами в хоккее что-то понимают.

— Ты прав, — согласился Сергей. — Их злорадство только нервы поднимало. Хорошо, что ты уговорил их. Хотя в третьем периоде спокойно посидели. А знаешь, у меня такое чувство, что я этих непонятных мужчин где-то уже видел. Причём совсем недавно.

— И мне показались знакомыми их лица, — заметил Володя. — Впрочем, ладно. День-то сегодня хороший. Ведь 20 декабря — день ВЧК КГБ. Наш второй — после 28 мая — праздник.

И два будущих пограничника, забыв о поражении сборной, перебивая друг друга, предались воспоминаниям.

В этот декабрьский день все чекисты страны отмечают свой профессиональный праздник. С давних времён ведётся, что охрана границы — это дело внешней разведки. А это значит, что пограничные войска и сами пограничники тоже входят в структуру КГБ СССР и относятся к четвёртому управлению. Таким образом, этот праздник отчасти и их, пограничных войск. Пусть себе он не является красным днём календаря, то есть общегосударственным выходным днём, но и в их училище офицеры поднимают «скромные сто граммов» за этот день.

На утреннем построении после завтрака комбат поздравил личный состав с профессиональным праздником, а командование поощрило отличившихся курсантов. Им, двоим, выпускникам, уже сержантам, командирам отделений Сергею Кочетову и Владимиру Ивановскому замполит вручил два билета на хоккейный матч между сборными СССР и Чехословакии во Дворец спорта «Лужники».

Быстро приведя себя в порядок, парни получили увольнительные у командира взвода капитана Медведева. Сергей при этом осторожно поинтересовался:

— Почему именно мы идём на хоккей, а не кто-то другой? Мудрый командир лукаво улыбнулся и просто ответил:

— А вы подумайте сами. Вы оба отличники боевой и политической подготовки. Это во-первых. Во-вторых, ты, Володя, не первый раз идёшь на параде правофланговым первой шеренги и по тебе равняется весь наш парадный расчёт. А ты, Сергей, будешь нести знамя нашего училища на параде 9 мая, посвящённом 45-летию со дня Великой Победы. Ну, а в-третьих, так решил комбат. Есть ещё вопросы?

— Никак нет, — радостно ответили два командира отделений и, счастливые, вышли за пределы части.

— Добраться до ледовой арены просто, — объяснил ребятам сокурсник-москвич. — Станция метро «Спортивная», а там минут пятнадцать пешего хода. Идти туда, куда весь народ пойдёт.

Он же и просветил товарищей. Рассказал, что Дворец спорта «Лужники» был построен в 1956 году. Вначале спорткомплекс не имел крыши. Хоккейные матчи проводились под открытым небом. Но, готовясь к Олимпиаде-80, возвели крышу, сделали остекление. Однокурсник поделился и своими личными приятными воспоминаниями, как, будучи ещё школьником, вместе со старшим братом побывал в Лужниках на нескольких матчах.

И вот Сергей с Володей подошли к величественному зданию. Несколько минут просто стояли и любовались. И в мыслях каждого из них невольно возникли свои ассоциации.

Володя Ивановский вспомнил, как давным-давно дома, в Беларуси, смотрел по телевизору какой-то международный турнир. Показывали Луж-

ники. Камера оператора скользнула по трибунам, и в кадр попал маленький мальчик. Он вместе со взрослыми болельщиками восторженно кричал: «Шайбу, шайбу!». Володя, тогда совсем ребёнок, искренне позавидовал этому мальчику. Его увидела вся страна. Вот если б родные и близкие могли увидеть по телевизору и его, Володю, в такую счастливую минуту. Как бы гордилась мама!

А мысли Сергея Кочетова обратились к школе, к урокам. Их учитель истории был увлечён Древним Римом. Он рассказывал им, своим ученикам, о том, как высоко ценились в древние времена спортивные достижения, как популярны были спортивно-воинственные состязания. В том числе и бои рабов — гладиаторов. Это было одно из самых жестоких и зрелищных развлечений. А проходили эти сражения в знаменитом Колизее. Колизей — спортивно-развлекательное сооружение, где места зрителей располагались амфитеатром, то есть возвышались по кругу или полукругию вокруг арены. Отсюда и слово амфитеатр.

С тех давних времён сохранился и девиз «Panem et circenses», т.е. «Хлеба и зрелищ!». Толпа хотела быть не только сытой. Она жаждала развлечений, порой крайне жестоких. От скандирования толпы зависело, даровать жизнь проигравшему гладиатору или обречь его на смерть.

Сегодня спортивная борьба тоже имеет оттенки жестокости. Две команды выходят на арену или ледовое поле, чтобы победить. И ведут непримиримое сражение за престиж команды, державы, Родины. И зрители, что приходят посмотреть игру, тоже порой ведут себя, как неразумная толпа, жаждущая пусть не хлеба, но зрелищ.

Однако подобные мысли задержались в сознании курсантов недолго. Пройдя парадный вход, парни обратили внимание на огромные плакаты, где на фотографиях были запечатлены герои отечественного хоккея. Суровые лица легенд спорта, чемпионов мира и Европы, членов сборной Советского Союза... Эти люди смотрели с фотографий на болельщиков, входящих во дворец. И болельщики смотрели на них и гордились.

И вот она, знаменитая ледовая арена! На хоккейной площадке красными и синими красками разрисованы линии и круги. Хоккейные ворота кажутся мизерными по сравнению со всем полем. Пластиковая защита вокруг площадки оберегает зрителей от попадания шайбы. Зрительские сидения, поднимаясь вверх, окружают всю арену, и создаётся впечатление, что это гигантская чаша, в которой может разместиться не одна тысяча человек. Металлические перекрытия сверху скрыты под яркими фонарями. Точечный свет, кажется, охватывает каждый сантиметр льда. В центре — табло с экраном и гордо реют флаги стран-участниц хоккейного первенства. Это Финляндия, Чехословакия, Швеция, Канада, СССР, ФРГ. Журналисты уже назвали турнир Малым чемпионатом мира.

Билеты у ребят оказались в прекрасном месте — почти в центре. Неподалёку размещаются судьи, скамейка штрафников. Все зрители ждали приятных впечатлений и надеялись на хорошую игру, надеялись на победу.

Команды вышли на площадку. Зазвучали гимны стран-участниц матча. Зрители с достоинством встали. Хоккеисты приветствовали друг друга.

Сергей даже попытался надеть головной убор, чтобы отдать воинскую честь под мелодию гимна СССР. Но Володя одёрнул его и напомнил:

— Мы ведь в помещении. Здесь гимн страны приветствуется только по стойке «Смирно». Так говорит Устав ВС.

Начался матч. Страсти разгорались не только на площадке, но и на трибунах. За спинами ребят звучали отчётливые мужские голоса. Болельщики критически обсуждали действия игроков советской команды. Порой слышалась досада, иногда резкое осуждение:

— Почему защитники не закрыли нападающего.

— Провал на пятачке.

— Пропустил игрока, вовремя не открылся. Передержал шайбу.

— Рано в зону вошёл — играть нужно по правилам, а не нарушать их.

— Не надо спорить с судьями — им виднее.

— Пришёл играть, так играй, а не трепись на площадке.

— Не бегают по полю, а ползают, как черепахи.

— Не сборная, а настоящая дворовая команда.

Им бы в провинциальном городке на детской площадке выступать, а не в Лужниках страну представлять.

— А чехи как-никак молодцы, держатся...

Курсанты смотрели игру и невольно слушали неприятные замечания, доносившиеся сзади.

Сергей чуть обернулся и посмотрел на тех, кто обливает грязью наших игроков.

— Слушай, какие-то непонятные люди сидят сзади, — сказал он Володе. — Чего это они с таким злобным видом обсуждают игру. Даже руками размахивают. Мне их разговоры порядком надоели.

Монолог Сергея прервал гол в ворота чешской команды. Трибуны взорвались радостными криками, свистом, громом аплодисментов. Позже чехи на контратаке забросили ответную шайбу. Так закончился первый период игры. В перерыве друзья продолжили знакомство с Дворцом спорта.

Второй период оказался ещё более напряжённым. Инициатива перешла к чешской команде. Чехи вышли вперёд. Счёт стал 2:1. Потом наша команда сравняла счёт. Соперник снова вышел в отрыв. Счёт уже 3:2. Инициатива по-прежнему в руках гостей. Чешские хоккеисты уверенно хозяйничают на ледовой площадке. Советская сборная защищается. Изредка контратакует. На одной из таких атак сравнивали счёт. Пока ничья — 3:3.

Обстановка во Дворце спорта накалилась до предела. Игроки сборной СССР иногда ошибались, несколько раз нарушали правила. Чехи этим пользовались и уверенно овладевали шайбой.

Володя и Сергей переживали за родную команду. Обидно было видеть неточности в игре, но ещё досаднее было слышать, как за спиной продолжалась жёсткая критика в адрес команды своей страны. Ругательные реплики позади стали довольно хлёсткими и переходили порой в нецензурную брань. Мужчины не стеснялись в выражениях, обзывая спортсменов пьяными грузчиками в продуктовом магазине.

В конце концов у Володи не выдержали нервы. Он вопросительно посмотрел на друга, а потом повернулся к сидящим сзади мужчинам. Ему опять показалось, что он их где-то уже видел. Причём видел недавно. Но где? Думать об этом не хотелось, и он язвительно выдал всё, что накопило в душе за этот матч:

— Послушайте, уважаемые, вы пришли смотреть хоккей или ляссы точить? Ведёте себя, как базарные бабы. Осуждаете людей, которые выкладываются на поле. Им и так скверно. Сами бы попробовали играть. Сидеть на трибунах — это одно, а выигрывать на ледовом поле — совсем другое дело. Небось, на коньках катались да и клюшки держали в руках разве только в школьные годы. И так наши играют неважно, а тут вы трещите. Слушать противно.

Мужчины, выслушав эмоциональный выпад Володи, как-то неопределённо переглянулись и замолчали. До конца периода они больше никого не критиковали и не осуждали. Прозвучала сирена. Команды удалились на перерыв.

В третьем периоде места за курсантами оказались свободными. Болельщики, критиковавшие игру советской сборной, на своих местах не появились. Володя и Сергей безрадостно досмотрели последние двадцать минут игры. Видели, как чехи забросили ещё одну шайбу. Сборная СССР проиграла со счётом 4:3. Говорить ни о чём не хотелось. В вагоне метро ехали молча.

Но вот послышался привычный голос машиниста:

— Станция метро «Медведково». Конечная. Просьба освободить вагоны.

Выйдя из метро, курсанты проехали ещё пару остановок на автобусе и оказались на проходной училища. Доложив о прибытии из увольнения без замечаний, парни направились в расположение батальона.

В спальном помещении сокурсники встретили их с воодушевлением. Все наперебой твердили, что они теперь звёзды телеэкрана, что все видели их по телевизору. словно не проигравшие хоккеисты были

главными на этом матче, а, они, курсанты. Звучали слова: «Как повезло вам! Какое соседство!»... Вначале Кочетов и Ивановский решили, что их разыгрывают. Но потом выяснилось, что всё отделение смотрело по телевидению прямую трансляцию матча. И их лица, действительно, несколько раз появлялись на экране.

Володя нерешительно переспросил:

— Вы действительно видели нас на матче?

И тогда кто-то благоразумный доходчиво объяснил:

— Показывали на трибунах несколько раз Петрова и Михайлова. Олимпийских чемпионов, легенд мирового хоккея. А вы сидели впереди них. И тут же кто-то иронично добавил:

— А вы сидели перед ними, как чукчи с кислыми лицами, будто вам объявили по десять суток ареста и на месяц запретили выход в город.

Кто-то из курсантов уточнил:

— Петров и Михайлов живо реагировали на все моменты игры. Правда, слов их не было слышно. Но позже Петров и Михайлов сдержанно комментировали корреспонденту игру нашей команды, говорили, что чуть-чуть не повезло. Фортуна оказалась на стороне чешской сборной. А так играли достойно.

Кочетов удивлённо-радостно уставился на товарища и торжествующе провозгласил:

— Теперь ты понял, кого во время матча воспитывал? Деревня ты! Какие фигуры сидели за тобою! Вспомнил, где видел их лица? На плакате у входа во Дворец спорта.

А мечты, хоть и детские, сбываются. Вот и увидели их на экране курсанты, товарищи. Да ещё в соседстве с героями спорта!

Отпуск... Поездка домой. Вот оно, счастье, которое даётся курсанту два раза в год. И счастье это — короткое: десять дней зимой и три недели летом. Каждый курсант с нетерпением ждёт той минуты, когда будут получены командировочные документы и можно будет ехать на вокзал за билетами. Но это надо заслужить. Первым делом сдать достойно сессию — все экзамены и зачёты. Далее не иметь нареканий со стороны командного состава училища. Если в этом плане всё в норме, можно надеяться на скорую встречу с родными и близкими. Старшекурсники с особым нетерпением ждут такой минуты. Это уже взрослые, сознательные люди. У них сложившиеся взгляды, обширные интересы, солидные планы на время отпуска.

Кирилл и Егор — курсанты последнего, выпускного курса. Сданы все экзамены и зачёты зимней сессии. Впереди — отпуск. Они не просто друзья-приятели. Они — почти земляки. Так в шутку Кирилл называл Егора при первом знакомстве во время абитуриентских сборов. Егор — родом из Витебска, Кирилл — из Смоленска. Значит, и ехать им в одном поезде, в одном вагоне. С энтузиазмом они взялись разрешать проблему — кому отправляться на Белорусский вокзал за билетами. Дескать, каждому жаль тратить драгоценные часы увольнительной на стояние в очереди в железнодорожной кассе. А на Белорусском вокзале — постоянные очереди. Решили бросить жребий. Ничего не поделаешь: не повезло Егору. Правда, очередь оказалась не такой уж страш-

ной. И вот два билета в плацкартный вагон — в кармане. Значит, теперь точно уедем.

На следующий день Егор и Кирилл, как и другие курсанты, получили командировочные документы. Впереди только ночь — и они дома.

В вагоне Егор решил присмотреться: кто с ними едет. Наблюдательность — одно из важных качеств офицера-пограничника, потому что на границе всегда надо быть начеку. Так постоянно учат их отцы-командиры.

Но тут Кирилл проявил инициативу. Не то в шутку, не то всерьёз спросил:

— А скажи мне, товарищ Кусков, кто с нами едет в вагоне? На что нужно обратить особое внимание?

— Да нет тут ничего особенного. Семейная пара с детьми, — буркнул Егор.

— Плохо, курсант Кусков. Надо быть внимательней. Чему тебя только учили на занятиях? Вон через купе от нас две молодые девушки. Думаю, студентки. Одной я уже подмигнул. Готовься к романтическим приключениям.

«И когда он всё успевает? — подумал Егор. И учится отлично, и в партию успел вступить, и за девчонками не прочь приударить. На всё времени хватает у этого — почти земляка».

Так и получилось. После ужина Кирилл и Егор познакомились с девушками из соседнего купе. Они оказались студентками медицинского университета. Всю ночь проболтали у коридорного окна. Обменялись адресами и телефонами. Кирилл вышел в Смоленске, Егор — в Витебске, а новые попутчицы поехали дальше.

Итак, Кирилл вышел в Смоленске. На вокзале, как всегда, великое множество пассажиров и всякого

другого народонаселения. И теперь, несмотря на позднее время, на привокзальной площади было многолюдно. Как ни торопился курсант домой, как ни хотелось поскорее увидеться с родными, однако по привычке огляделся по сторонам. На минуту внимание его задержалось на фигуре мужчины, который шёл навстречу.

«Как похож? Неужели это Лёшка?» — подумал Кирилл и на всякий случай негромко окликнул:

— Алексей!

Молодой человек замедлил шаг и обернулся. Мелькнула мысль:

«Ну, конечно же, Алексей Егоренко. Друг детства. Когда-то сидели за одной партой».

— Кирюня, друг, — с восторгом отозвался встречный.

Друзья крепко, по-мужски обнялись. Время было позднее, оба спешили, поэтому договорились встретиться завтра и посидеть в ресторане, вспомнить школьные годы.

Вечер следующего дня был радостным и немного суматошным. Вспоминали эпизоды давних школьных лет. Каждому хотелось рассказать о себе, побольше узнать об успехах товарища. Кирилл восхвалял свою будущую профессию защитника границы, говорил о неукоснительной строгости в каждодневной жизни курсантов.

Алексей с жаром описывал службу сотрудников охраны порядка. Он недавно получил очередное звание и повышение по службе.

Время летело быстро. Вот и ресторан закрывается. А столько ещё не договорено, не рассказано. Кирилл вспомнил, что поблизости от ресторана, в панельной пятиэтажке, жила его школьная подруга, можно сказать, первая любовь — Алеся Кузнецова.

— Лёша, друг, — прервал он рассказ товарища, — а давай зайдём сейчас к моей знакомой. Тут, поблизости.

— Ты с ума сошёл? Уже первый час ночи. Все нормальные люди спят давно. Да и вообще нормальные люди в гости без приглашения не ходят.

— Ничего страшного. Алеська своя в доску. В школьные годы часто у неё собирались. Потом как-то отдалилось всё. Да ладно. Купим цветы, шампанское, конфеты. Посидим, поговорим. Вспомним былые времена.

Кирилл так настойчиво убеждал товарища, и оба они от выпитого в ресторане чувствовали себя такими отчаянно смелыми, что Алексей сопротивлялся недолго:

— Слушай, это неприлично.

Но Кириллу в таких делах решимости не занимать. На такси метнулись на вокзал за цветами и шампанским, а через минут тридцать уже стояли перед хорошо знакомым Кириллу подъездом. Домофонов в этих домах не существовало.

— Ты действительно помнишь дом, подъезд, квартиру? — пытаюсь остановить друга, в который раз спрашивал Алексей.

— Всё помню до мелочей. Подъезд этот точно. Этаж, кажется, третий. Или четвёртый? Нет, всё-таки третий, — самоуверенно рассуждал герой границы.

Когда дошли до третьего этажа, Кирилл вдруг лишился мужества. Вручая Алексею цветы, он внезапно взмолился:

— Лёша, друг, выручай! Иди первым. И пусть цветы будут у тебя. Я что-то робею. Ведь прошло столько лет.

— Мы идём к твоей знакомой. Ты должен быть первым. Причём тут я? — запротестовал Алексей.

— Выручи, ради дружбы нашей, — просил будущий офицер-пограничник. — Я побаиваюсь. Ах да, звони три раза. Это был наш условный знак.

— Хорошо, только ради тебя и нашей дружбы, — нехотя согласился Егоренко.

В темноте нащупали звонок. Кирилл спрятался за широкой спиной товарища. Лёша позвонил три раза. Некоторое время за дверью была тишина. Потом послышались шаги. Дверь открыла молодая женщина и обмерла от неожиданности. На пороге её квартиры стояли два незнакомых молодых человека с цветами и шампанским в руках.

— Доброй ночи, — сказал Алексей. Вот мы решили с Кириллом по старой памяти зайти к вам.

Женщина стояла молча, онемев от изумления.

— Кто там, дорогая? — донёсся из квартиры мужской голос. Кирилл, выглянув из-за спины Алексея, шепнул ему:

— Мы ошиблись. Это не Алеська. Сваливаем отсюда.

В этот момент из комнаты вышел мужчина в чёрных семейных трусах, под два метра ростом, килограммов под сто пятьдесят.

— Что здесь происходит? Кто эти люди? — обратился мужчина к жене.

— Кирилл, почувствовав проблемность ситуации, начал медленно спускаться с лестницы. Алексей машинально сунул цветы в руки женщины и торопливо последовал за ним. А за дверью послышалось громкое выяснение обстоятельств.

Выбежав из подъезда, друзья перешли на быстрый шаг и без слов прошли два квартала. Так, испытывая чувство недосказанности, и расстались.

Утром Кирилл разбудил телефонный звонок. Звонил Алексей.

— Привет. Ты помнишь, что было вчера? — спросил он, не то насмешливо, не то озабоченно.

— Да, ситуация непростая. Создали мы людям проблему, — виновато отозвался Кирилл.

— Так вот, слушай. По своим милицейским каналам я проверил. Твоя первая любовь живёт действительно в этом доме и в этом подъезде, только вот этажом выше. Ты прав был, когда упомянул четвёртый этаж. Надо исправлять ситуацию. Из-за нас у людей может быть семейный скандал.

Немного подумав, Кирилл сказал:

— Давай навестим мою подругу. Всё ей расскажем. Может, она нам чем-нибудь поможет. Всё-таки по соседству живут. А телефон ты узнай по своим каналам.

Алеся удивилась и обрадовалась, услышав голос Кирилла. Договорились встретиться в парке у кинотеатра. Кирилл добросовестно рассказал ей, в какую неприятную историю они попали. Просил совета, как всё исправить. Алеся, выслушав эту уморительную историю, долго смеялась.

— Я знаю эту семью, — посмеявшись, пояснила Алеся. — Жена — врач в больнице, муж — водитель-дальнобойщик. Часто бывает в поездках. Ревнует жену к каждому столбу. А тут вы дали такой повод! Потом, подумав, предложила:

— Завтра я переговорю с ними и тебе перезвоню.

Кирилл проводил Алеся только до угла дома. Дальше идти не решился. На следующий день Алеся обрадовала друзей приятной новостью. Их троих — Кирилла, Алексея и её — соседи ждут в гости на ужин.

Друзья купили цветы, конфеты, шампанское для женщин и коньяк. На счастье, вечер прошёл удачно. Все долго смеялись и шутили, обсуждая это происшествие. Когда все вышли на балкон покурить, а в комнате остались только Алексей и хозяйка квартиры, она тихо сказала:

— Мне муж давно не дарил цветы. А ваши розы мне очень понравились.

— Хотите, я вам ещё подарю, — гордо ответил Алексей.

— Я согласна. Только лучше через неделю, когда муж будет в рейсе, — покраснев, сказала женщина.

Остальные дни Кирилл провёл с Алексеем. Время летело, и отпуск приближался к концу. Пора было возвращаться в Москву. Остался последний долгожданный рывок к офицерским погонам.

ЛУБЯНКА

27

На курсантов военного училища нередко возлагались довольно серьёзные и ответственные задания. Руководство страны всегда доверяло людям в зелёных фуражках. И не случайно пограничное военное училище было первым резервом председателя КГБ. История знает, что одним из таких важных государственных поручений являлось обеспечение безопасности

Ялтинской конференции — встречи глав правительств стран-победительниц: СССР, США и Великобритании.

Офицеры и курсанты с честью справились с поставленной задачей. В конце 80-х — начале 90-х годов XX столетия в СССР началась «перестройка». Неприемимое коммунистическое руководство страны отставало старые идеалы и принципы. Но демократия набирала обороты. Рассекречивались государственные тайны и архивы. Намного прозрачнее стали границы с западными странами. Приобрели известность удручающие, тягостные моменты советской истории. Шла нешуточная борьба на съездах, митингах, в печати. Изъяны и пороки былой системы демократическое общество связывало в первую очередь с ВЧК, НКВД и КГБ, а символом этих организаций в представлении политизированной части общества считался Ф.Э. Дзержинский. Некоторые политики считали, что имя «железного Феликса» нужно стереть из памяти народа, а памятники, воздвигнутые в его честь, — и прежде всего памятник на Лубянской площади, — уничтожить.

Зимой 1990 года, в момент наиболее острых массовых выступлений в Москве, в спецслужбу поступила ориентировка о предстоящем многотысячном митинге в центре столицы. Предполагалось, что дальше колонны пойдут на Лубянскую площадь, чтобы демонтировать памятник Дзержинскому и организовать провокацию у стен центрального аппарата КГБ.

Могущественная система безопасности страны, узнав об этом, незамедлительно приняла необходимые меры. В числе прочих были подняты по тревоге и курсанты старших курсов. Всех переодели в пятнистый камуфляж без опознавательных знаков. Были выданы боевое оружие и полный боекомплект патронов.

— Куда? Зачем? И почему полный боевой комплект патронов? — в тревоге недоумевали участники событий.

Правда, был задействован только выпускной — четвёртый — курс и конкретно второй батальон. Поздно вечером весь личный состав батальона погрузили на автомашины ЗИЛ-130, и курсанты двинулись на Лубянскую площадь. Разместили всех в клубе Дзержинского, рядом с главным зданием КГБ. Никакой информации о происходящем не поступало. Различные слухи появлялись в курсантской среде. Но служба есть служба. Приказы не обсуждаются, и выполнение приказа для офицера и курсанта — священный долг.

Когда вошли в большое помещение клуба, поступила команда: сложить оружие и выставить охрану. Личному составу разместиться в кинозале. Перед курсантами и офицерами выступил начальник училища и рассказал о возможных провокационных событиях, которые могут произойти в центре Москвы. Офицерам была дана установка, как действовать в той или иной ситуации. Курсантам указали, кто и где должен находиться. Теперь все осознали серьёзность и важность происходящего.

Была глубокая ночь, но в кинозале непрерывно демонстрировали фильмы. Вначале шли комедии. Но, кажется, никто не интересовался фокусами и уловками комедиантов. Все готовы были в любой момент приступить к выполнению государственного задания. Во всём чувствовались строгая дисциплина и организованность. После одной-двух комедий на экран уже никто не смотрел. Приспосабливались, кто как мог, чтобы вздремнуть. Кто, скрючившись в неудобном кресле, кто — прямо в проходе, накрывшись бушла-

том и подложив под голову шапку вместо подушки. А фильмы в кинозале всё шли и шли.

Видно было, что четыре года военной школы не прошли даром для курсантов. Из былых маменькиных сынков выросли настоящие офицеры. Они способны не спать по двое суток, пробежать марш-бросок в десять километров, а после пойти в увольнение и плясать на дискотеке в медицинском училище. Могут провести всю ночь в открытом поле при двадцатиградусном морозе, а с утра, как ни в чём не бывало, явиться на занятия и выполнять учебное задание.

Курсанты четвёртого курса уже владеют всеми видами оружия, находящегося на вооружении в СССР и в некоторых зарубежных странах. Успевают заснуть при движении строем и проснуться, услышав команду.

Утром курсантов покормили в местной общепитовской столовой. Непривычным показалось в ней всё. В столовой училища курсанты видели одинаковые блюда и порции, которые уже стояли на столах. У всех всё было одинаковое. А здесь каждый брал поднос и высматривал понравившуюся ему еду. Три вида салатов, два вида гарнира, богатый ассортимент второго... Можно выбирать по вкусу и желанию.

Следующий день в кинозале прошёл в просмотре советских патриотических фильмов. Распорядок дня был удивительный и необычный. Хочешь — спи в кресле под бушлатом, хочешь — броди по периметру клуба, смотри кино или читай прессу. Редко выпадала такая возможность — быть частично свободным и даже предоставленным самому себе.

Трое суток дневали и ночевали пограничники в клубе, готовые выполнить особо важное поручение государства.

Ближе к полуночи поступила информация, что митинг прошёл относительно спокойно и провокационных действий на площади не будет. Курсантов погрузили в машины и вернули в основное место дислокации...

Можно привести множество примеров, когда пограничники оказывались в сложной ситуации, в опасных районах и обеспечивали безопасность. Это были столкновения в Алма-Ате, в других местах. А младший курс в период Карабахского кризиса обеспечивал безопасность объектов стратегического значения на территории конфликта. До чрезвычайности тревожными были годы «перестройки»...

А в декабре 1991 года в деревне Вискули под Брестом президент РСФСР Борис Ельцин, президент Украины Леонид Кравчук и председатель Верховного Совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич подписали Соглашение о распаде СССР и создании Содружества Независимых Государств. Произошёл распад всесильной супердержавы. В это время на Лубянской площади был демонтирован памятник Ф.Э. Дзержинскому. Вся страна и весь мир наблюдали у телеэкранов и воочию, как рушилась империя СССР, а всемогущественная спецслужба теряла своё весомое положение на мировой арене.

Эту картину наблюдал и Егор Кусков, будучи уже лейтенантом в Калининградском пограничном отряде. Там он рассказывал своим сослуживцам, как чуть более года тому назад был на Лубянской площади и готовился защищать «железного Феликса».

Выйдя из учебного корпуса, секретарь партийной организации второго батальона Кирилл Пузырёв был не на шутку озабочен полученным заданием. Почти два часа в душном кабинете начальника политического отдела полковника Сапожникова, второго человека по значимости в училище, шло совещание. Совещание серьёзное, важное, но немногочисленное. Посвящено оно было значимому политическому событию в жизни страны — выборам.

Реформа советской избирательной системы началась в период «перестройки», во второй половине восьмидесятых годов двадцатого века. Часть высшего партийно-государственного аппарата, осознав необходимость перестройки, вступила на путь реформ.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва на XXVIII съезде КПСС (февраль 1986 г.) об избирательной системе говорилось: «Партия будет и впредь заботиться о том, чтобы депутатами избирались наиболее достойные люди, способные на высоком уровне вести государственные дела, чтобы состав Советов систематически обновлялся». Начальнику политического отдела военного пограничного училища предстояло решать серьёзные задачи. Его кандидатуру партия выдвинула в депутатский корпус. Предстояла внушительная предвыборная работа. Нужно было активно включиться в избирательную кампанию. Организовать штаб, вести агитационную работу среди населения. И в итоге — выиграть выборы.

Задача не из простых. На совещание был приглашён партийный актив в узком составе. После обсуждения основных вопросов заместитель начальника училища по политической части поручил курсанту Пузырёву, секретарю партийной организации второго батальона, сформировать команду в составе 15 человек для ведения агитационной работы среди населения избирательного округа. Второй батальон — это четвёртый курс, без пяти минут выпускники, почти офицеры. Большая часть из них — уже кандидаты или члены КПСС.

Зная Пузырёва почти с первого курса, его ответственность, добросовестность, активную жизненную позицию, полковник, не сомневаясь, доверил ему формирование агитационной команды.

Перед тем как идти в подразделение, Кирилл в раздумье постоял на крыльце учебного корпуса. Душевное состояние было такое, что требовалось перекурить. Благо, место для курения было рядом. На ходу военнослужащим курить запрещено.

Выкурив сигарету, Кирилл постарался привести в порядок свои беспокойные мысли. И было о чём задуматься. Кого рекомендовать в команду агитаторов? Нужны люди ответственные, общительные, умеющие сказать умное слово и убедить избирателей. Понятно, что нужно привлечь секретарей первичек, комсомольский актив. Это человек 12—13 наберётся. А кого ещё?

За ужином Кирилл внимательно оглядывал своих товарищей-курсантов. Мелькнула мысль: а почему бы не привлечь к этому делу своих самых близких друзей — Серёгу Пospelова и Лёшу Загребина. Толковые ребята. Ответственные. Хорошо знаю их. Эти люди не подведут.

В личное время после ужина Кирилл застал друзей в бытовой комнате. Лёха и Сергей подшива-

ли свежие подворотнички, заботясь о внешнем виде на завтра. Занимаясь бытовыми проблемами, друзья беззаботно болтали и, как дети, смеялись немудрёным шуткам. Сергей рассказывал, как в школе, в Свердловске, нашёл сигареты и решил закурить. Вечером мама, прибирая одежду, увидела в кармане брюк начатую пачку сигарет. Отец тут же провёл с сыном разъяснительную беседу о вреде курения. Провёл с помощью широкого кожаного ремня. После этого Сергей больше не курил, но к курению вообще относился нейтрально.

Кирилл решил прервать их беззаботное времяпрепровождение и тут же озадачил друзей:

— Ну, друзья мои, — начал он разговор, — у меня к вам серьёзное предложение. Дело, можно сказать, государственной важности.

Посмотрев на озабоченное лицо товарища, ребята перестали посмеиваться и по-деловому сконцентрировались.

— Что случилось, Кира? — спросил Лёша.

— Предлагаю вам каждый день после обеда и до отбоя ходить в увольнение. Может, даже гулять с девчонками, — загадочно продолжил Кирилл. — Есть такое желание?

— Ну, Кира, ты и шутник, — сказал Пospelов.

— Кто нас отпустит с самоподготовки? Это же просто невозможно, — засомневался Загребин.

— Не переживайте. Я всё устрою. Короче, включаю тебя и тебя, — он внимательно посмотрел каждому в глаза, — в инициативно-агитационную группу по подготовке к выборам. Одним словом, начальника политического отдела выдвигают в депутаты. Мы будем вечером ходить по Бабушкинскому району и агитировать за него. И ещё, как я слышал, мы будем хо-

дить не одни. В помощь нам с той же целью привлекут выпускниц из техникума делопроизводства. Вот такие пироги, други мои.

Друзья переглянулись. О таком поручении они не могли и мечтать. Свободный выход в город независимо от обстоятельств... В наряды посылать не будут! Сказка — и всё тут!

— Конечно, согласны, — почти одновременно воскликнули друзья.

— А всё-таки что надо будет делать? Как агитировать? Мы никогда этим не занимались, — засомневался дотошный Загребин.

— Не переживай. Прорвёмся. Где наша не пропадала! — воскликнул Сергей, лидер и оптимист по натуре. — Кира, а когда начинаем?

— Завтра подаю список агитгруппы в политотдел. Думаю, в понедельник вызовут «на ковёр» для инструктажа.

Так в состав агитационной группы по выборам вошли Сергей Пospelов и Лёша Загребин. Вскоре работа агитаторов началась. На инструктаж молодых агитаторов собрали в помещении клуба. Войдя в зал, курсанты увидели группу девушек. Те стояли со своим сопровождающим и тихонько перешёптывались. Группа курсантов и группа девушек находились друг против друга, как два противоположных полюса, а расстояние между ними, примерно в метр, как экватор. И те, и другие молча смотрели друг на друга, стараясь понять, что же будет дальше. Начинать разговор никто не решался.

Прервал затянувшееся молчание офицер из политического отдела, отвечающий за агитационную работу:

— Товарищи курсанты и милые девушки! Прошу вас занять места. Курсанты — напротив девушек.

В помещении мебель была расставлена, наверное, обдуманно. Как будто специально пятнадцать стульев стояли по линии в один ряд. А с другой стороны — напротив — такой же ряд. Стол для координатора впереди — во главе. Кто-то придумал так расположить стулья, чтобы девушки и курсанты могли рассмотреть друг друга, пока шёл инструктаж. Сергей и Лёша быстро заняли места в середине курсантского ряда. Обзор был хороший, и можно было увидеть красивых девчонок как на правом, так и на левом фланге.

Офицер из политотдела подробно рассказывал, что нужно будет делать, какие могут возникнуть ситуации. Главная же цель — достойная и убедительная агитация за нашего кандидата, полковника Сапожникова, второго человека в училище.

Сергей вначале внимательно слушал инструкцию по агитационным делам, но потом желание лучше рассмотреть девчонок победило. Своё наблюдение курсант начал с правого фланга. Как преподаватели-офицеры говорили: прежде всего нужно оценить обстановку. Медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, он окинул взглядом девушек, сидящих с правой стороны. Причёска, одежда, умение сидеть и слушать, жесты, взгляды, даже выбор места — всё оценивалось им чуть ли не по пятибалльной системе. Внимательно изучая каждую девушку, будущего агитатора, он взглядом добрёл до середины. Как раз напротив сидела хрупкая блондинка с короткой стрижкой. Ни на кого не обращая внимания, она слушала инструктаж офицера-координатора, что-то записывала в тетрадь, словно боялась пропустить самое

главное. Сергея это немного зацепило. Подумаешь, отличница! Всё хочет знать. На него даже не взглянула ни разу. Как это так?

Потом он начал анализировать характер незнакомки. Села в середине. Рассадила девчонок. Наверно, лидер в группе. И никакого внимания на курсантов. Будто их вообще здесь нет. Шёпотом Сергей сказал Лёше:

— Смотри, против нас сидит симпатичная блондинка. Лёша, не поворачивая головы, скосил глаза и взглянул на девушку:

— Подумаешь, блондинка! Наверно, крашенная. Сейчас это так модно.

— Ты чего? Она же красавица. Посмотри, как слушает инструктаж. Ни на кого не обращает внимания.

— А ты хотел, чтобы сразу все на тебя смотрели? Тут нас целых пятнадцать. Пока всех рассмотришь, запутаешься.

Разговор курсантов отвлёк офицера-координатора:

— Товарищи курсанты! Вам неинтересно? Могу вас заменить.

Сергей и Лёша замолчали и опустили головы. Светловолосая девушка поняла, что обсуждали именно её, но не подала виду и только чуть улыбнулась. Видимо, почувствовала, что этот парень напротив заинтересовался ею. В принципе он вроде ничего. Симпатичный. С виду кажется неглупым. Сел в середину. Значит соображает, что ему нужно. И точно брачными узами не связан. Женатые так не рассматривают незнакомых девушек.

Офицер политотдела закончил инструктаж и в завершение сказал:

— А теперь выбирайте себе пару, кто с кем пойдёт в этот первый серьёзный агитпоход.

Сергей, недолго думая, вскочил и напрямик направился к понравившейся ему студентке.

— Здравствуйте, меня зовут Сергей. Я хочу быть рядом с вами.

— Татьяна. Я согласна, — спокойно ответила девушка, опустив глаза.

Потом глаза их встретились, и словно какая-то искра проскочила между ними. Получив необходимые документы, Татьяна и Сергей вышли за территорию военного училища. Морозящий дождь задержал молодых людей, и они пару остановок решили проехать на общественном транспорте. Заходя в автобус, Сергей, как джентльмен, протянул Татьяне руку, и она приняла это как должное. Опершись на сильную мужскую руку, гордо вошла в салон автобуса.

— Какая нежная и мягкая у неё рука. Как хочется подольше подержать эти тонкие пальчики, — подумал Сергей.

— Крепкая и большая ладонь. В два раза больше, чем моя. Мозоли на руках говорят, что не бездельник, — мысленно заметила Татьяна.

Сергей и Татьяна сразу договорились, что обойдут необходимое количество квартир, а оставшееся время погуляют по вечернему городу. Увольнение у Сергея до 22 часов, до отбоя.

Подойдя к подъезду нужного дома, Сергей открыл дверь и хотел пропустить Татьяну, но там было темно. Она растерялась и на секунду замешкалась. Курсант шагнул в темноту и протянул руку своей спутнице. Татьяна, почувствовав силу и уверенность парня, смело двинулась за ним.

Быстро пролетел первый агитационный поход. Они побывали во многих квартирах. Старались говорить с людьми убедительно, душевно. Но время бежит быстро. За час до окончания времени, которое было отпущено на увольнение, Сергей предложил проводить Татьяну домой. Но она решительно отказалась. Заявила, что, если он опоздает к отбою, его накажут, а ей дадут в партнёры другого курсанта. А ей этого совсем не хочется. Сергей согласился и проводил девушку до метро.

На следующий день молодые агитаторы решили рациональнее использовать время. На лестничной площадке они разделились и обращались сразу в две квартиры, то есть беседовали с разными людьми и экономили драгоценное время, нужное для личного общения.

Выполнив запланированную норму встреч с избирателями, они поехали на Арбат, самую знаменитую улицу Москвы. По пути Сергей рассказывал о своём родном городе Свердловске, расположенном к востоку от Уральских гор, о суровом климате, чудесной природе тех мест. Говорил, может быть, непоследовательно, но так хотелось рассказать побольше. Вспомнил о памятнике основателям города, что стоит на берегу реки Исеть. Вспомнил о трагедии, которая произошла там в 1918 году, когда была расстреляна царская семья Романовых.

Татьяна слушала Сергея и, будучи коренной москвичкой, тоже старалась поведать о достопримечательностях своего города, с которым Сергей ещё не успел познакомиться как следует.

Агитаторы каждый день отчитывались о результатах. Татьяна и Сергей старались быть в числе передовых, стремились выйти на первое место. В своей

среде каждый из них был неформальным лидером. В отношениях же друг с другом они проявили себя обыкновенными молодыми людьми, симпатизировали один другому и готовы были идти на уступки.

В один из дней Сергей остановился поговорить с жильцами дома на седьмом этаже, а Татьяна поднялась на восьмой, позвонила в одну из дверей. Сначала никто не открывал. Потом послышались шаги, и на пороге появился мужчина. Высоченный, явно под два метра, и нетрезвый. Увидев девушку, он улыбнулся и вкрадчиво заговорил:

— О, какая газель ко мне пришла. Проходите смелее, а то мне скучно одному. Хотите скрасить моё одиночество?

Ухмыляясь, он схватил Татьяну за руку и потянул в квартиру. Татьяна не на шутку испугалась.

— Серёжа! — громкий крик вырвался у неё произвольно.

Серёжа, к счастью, уже выходил из квартиры избирателей и услышал её крик. Он мгновенно взбежал на восьмой этаж, вырвал её руку из рук искусителя и, рассерженный, остановился перед хулиганом.

— Что? Проблемы с компанией? Может, я могу чем-то помочь, — зло заговорил курсант и встал в стойку, готовясь к рукопашной схватке.

Громила оторопел, отошёл в глубь квартиры и виновато произнёс:

— Извините, ребята, виноват. Я хотел пошутить. И тут же захлопнул дверь.

Молодые люди молча вышли на улицу. После некоторой растерянности Татьяна заговорила:

— И ты готов был за меня драться? Он же такой здоровый. Как же ты его не испугался?

— Ничего страшного. Один, другой удар — и он бы лежал, — нарочито беззаботно заверил Сергей. Потом объяснил:

— Нас в училище многому учат. Физическая подготовка, рукопашный бой — эти предметы не на последнем плане. На границе всякое может случиться.

Татьяна молча взяла его за руку и поцеловала в щёку:

— Спасибо, ты настоящий мужчина.

А про себя подумала: «Вот за таким человеком можно жить, как за каменной стеной».

После поцелуя Сергей чуть не подпрыгнул от радости. Ему захотелось подняться на тот злополучный восьмой этаж, позвонить в дверь и достойно наказать хама. И тем самым, может быть, заслужить ещё один поцелуй. Но Татьяна охладила его пыл. Они ещё погуляли по Красной площади.

Завершилась предвыборная кампания, но Сергей и Татьяна продолжали встречаться. Каждое увольнение Сергея они старались проводить вместе. Чувства их становились всё крепче.

Как-то, собираясь в очередное увольнение, Кирилл и Лёша поинтересовались у Пospelова, пойдёт ли он с ними в кино.

— Извините, друзья, мы с Татьяной идём в театр. Билеты уже куплены. В партер, — сказал Сергей.

Кирилл, взглянув шутливо, но выразительно на Лёшу, заметил:

— Наш Пospel уже созрел.

А Лёша добавил:

— Да, влюбился не на шутку. Глядишь, и скоро на свадьбе погуляем.

Так именно всё и произошло.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Начало начал	4
2.	Абитура	16
3.	Начало армейской жизни	24
4.	Один из первых дней в училище	27
5.	Переезд	31
6.	Курс молодого бойца	33
7.	Порядок должен быть во всём	41
8.	Боевое гранатометание	42
9.	Старший прапорщик Хализов	44
10.	Случай на занятиях	48
11.	Учебная тревога	50
12.	Курсантские шутки	53
13.	Фортуна пародиста	55
14.	Увольнение	68
15.	Наряд по столовой	82
16.	Занятия по тактике	88
17.	Инженерное оборудование и спорт	95
18.	Парад	106
19.	Марш на десять километров	117
20.	Полевые занятия	123
21.	Подрывное дело	128
22.	Давний спор	132
23.	Стажировка	138
24.	Внешний вид	145
25.	Хоккей	153
26.	Отпуск	164
27.	Лубянка	170
28.	Партийное поручение	175

Литературно-художественное издание

ШМАТКОВ Игорь

КУЗНИЦА КАДРОВ

Повесть

Редактор: Галина Главацкая

Корректоры: Марина Климова, Алексей Фенченко

Иллюстрации: Александр Сергеев

Компьютерная вёрстка и дизайн: Елена Барышева